

Научный журнал
Вестник экономики и права
Bulletin of economics and
law

электронное периодическое научное издание

№ 116, Июнь 2026

No. 116, June 2026

ISSN 3 0 3 4 - 3 4 7 X

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77 - 77158 от 10.12.2019

Дата выхода в свет: 30.01.2026

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд
2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2026

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Экономические науки

Мельников Александр Борисович, д-р экон. наук, профессор

Глинский Владимир Васильевич, д-р экон. наук, профессор

Андропова Инна Витальевна, д-р экон. наук, профессор

Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор

Тебекин Алексей Васильевич, д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор

Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор

Петров Игорь Валентинович, д-р экон. наук, профессор

Саидов Мухаммадали Хакимович, д-р экон. наук, профессор

Юридические науки

Бочкарева Екатерина Александровна, д-р юрид. наук, профессор

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Дерюгина Татьяна Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор

Кузнецов Александр Павлович, д-р юрид. наук, профессор

Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Поздняков Александр Николаевич, д-р юрид. наук, профессор

Рассказов Вячеслав Леонидович, д-р юрид. наук, доцент

Сапфинова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор

Хужин Альфир Мисхатович, д-р юрид. наук, профессор

Чеговадзе Людмила Алексеевна, д-р юрид. наук, профессор

Хилюта Вадим Владимирович, д-р юрид. наук, доцент

Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор

Фруслов Данил Геннадьевич, генеральный директор

Некоммерческого партнерства «Национальный общественный комитет
“Российская семья”»

Юлдошев Рифат Рахмаджонович, д-р юрид. наук, доцент

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна

Младшие редакторы: Иванова Виктория Александровна, Павлов Олег Сергеевич,
Устинова Екатерина Алексеевна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Economics

Melnikov Alexander Borisovich, Doctor of Economics, Professor

Glinsky Vladimir Vasilyevich, Doctor of Economics, Professor

Andronova Inna Vitalievna, Doctor of Economics, Professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor

Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professor

Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor

Petrov Igor Valentinovich, Doctor of Economics, Professor.

Saidov Mukhammadali Khakimovich, Doctor of Economics, Professor

Law

Bochkareva Ekaterina Alexandrovna, Doctor of Law, professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Deryugina Tatyana Viktorovna, Doctor of Law, professor

Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor

Kuznetsov Alexander Pavlovich, Doctor of Law, professor

Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor

Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor

Pozdnyakov Alexander Nikolaevich, Doctor of Law, professor

Vyacheslav Leonidovich Rasskazov, doctor of law, Associate Professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor

Khuzhin Alfir Miskhatovich, Doctor of Law, professor

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, professor

Khilyuta Vadim Vladimirovich, Doctor of Law, assistant professor

Yakovets Evgeny Nikolaevich, Doctor of Law, professor

Fruslov Danil Gennadievich, General Director of the Non-profit Partnership "National Public Committee "Russian Family"

Yuldoshev Rifat Rakhmadzhonovich, Doctor of Law, Associate Professor

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna

Junior editors: Ivanova Victoria Alexandrovna, Pavlov Oleg Sergeevich, Ustinova Ekaterina Alekseevna

Содержание

Региональная и отраслевая экономика

Иванова И. Г., Долгополук Э. Э., Гайдабура В. В., Кваша А. Д.

Маркетинговые стратегии продвижения плодоовощной продукции в условиях цифровой трансформации (стр. 8-15)

Дурандина О. А., Шамова Н. Н.

Основные направления трансформации системы муниципального управления в РФ (на примере Кушвинского муниципального округа) (стр. 16-25)

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Дашин А. В., Шайгуманова В. Н.

Сущность финансово-кредитного механизма государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (стр. 26-35)

Капустин В. В.

Сравнительно-правовой анализ положений законодательства стран-участников Содружества Независимых Государств, регулирующих основания, порядок и пределы применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел (стр. 36-48)

Частно-правовые (цивилистические) науки

Власенко А. А.

Лица, уполномоченные на совершение нотариальных действий: проблемы определения правового статуса (стр. 49-54)

Емельянова Е. А.

Пределы обращения взыскания на имущество должника-банкрота и контролирующих лиц организации: соотношение исполнительного производства и конкурсного процесса (стр. 55-64)

Одинцова Е. С.

Роль нотариуса в удостоверении доказательств (стр. 65-70)

Прохорова Е. И.

Пробелы правового регулирования публичного сервитута в целях строительства линейного объекта (стр. 71-84)

Уголовно-правовые науки

Горбань А. С., Багаев Б. Д.

Криминалистическое обеспечение расследования легализации доходов через виртуальные игровые платформы (стр. 85-97)

Дворжицкая М. А.

Анализ уголовно-правового регулирования и практики применения уголовного законодательства о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних в некоторых странах-участниках СНГ на примере России, Республики Таджикистан и Республики Казахстан (стр. 98-108)

Ляхова А. И., Паулаускайте В. Д.

Представление результатов оперативно-розыскной деятельности следователю, дознавателю и в суд (стр. 109-116)

Писаревская Е. А.

К вопросу уголовно-правового регулирования и практики применения уголовного законодательства, касающегося публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, в некоторых странах-участницах СНГ на примере России, Республики Таджикистан и Республики Казахстан (стр. 117-127)

Усенко А. С., Фруслов И. Г., Фруслов Д. Г.

Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика киберпреступлений, совершаемых против несовершеннолетних и направления совершенствования профилактических мер (стр. 128-137)

Шевченко Н. В.

Организационно-тактические особенности использования медицинских знаний при производстве отдельных следственных действий (стр. 138-148)

Table of Contents

Regional and sectoral economy

Ivanova I. G., Dolgopolyuk E. E., Gaidabura V. V., Kvasha A. D.

Marketing strategies for promoting fruit and vegetable products in the context of digital transformation (pp. 8-15)

Durandina O. A., Shaemova N. N.

Transformation of the municipal district governance system under the local self-government reform: a case study of Kushvinsky municipal district (pp. 16-25)

Public law sciences

Dashin A. V., Shaygumanova V. N.

The essence of the financial and credit mechanism of state support for small and medium-sized enterprises (pp. 26-35)

Kapustin V. V.

Comparative legal analysis of the provisions of the legislation of the member countries of the Commonwealth of Independent States regulating the grounds, procedure and limits of the use of physical force, special means and firearms by law enforcement officers (pp. 36-48)

Civil law

Vlasenko A. A.

Persons authorized to perform notarial activities: problems of determining legal status (pp. 49-54)

Emelyanova E. A.

Limits of foreclosure on the property of a bankrupt debtor and controlling persons of an organization: the relationship between enforcement and bankruptcy proceedings (pp. 55-64)

Odintsova E. S.

The role of a notary in certifying evidence (pp. 65-70)

Prokhorova E. I.

Gaps in the legal regulation of a public easement for the construction of a linear facility (pp. 71-84)

Criminal law

Gorban A. S., Bagaev B. D.

Forensic support for investigating money laundering through virtual gaming platforms (pp. 85-97)

Dvorzhitskaya M. A.

Analysis of criminal law regulation and the practice of applying criminal legislation on non-fulfillment of obligations to raise minors in some CIS member countries using the example of Russia, the Republic of Tajikistan and the Republic of Kazakhstan (pp. 98-108)

Lyakhova A. I., Paulauskiate V. D.

Presentation of the results of operational-search activities to the investigator, inquiry officer and to the court (pp. 109-116)

Pisarevskaya E. A.

On the issue of criminal-legal regulation and the practice of applying criminal legislation concerning public calls for extremist activity in some CIS member countries, using the example of Russia, the Republic of Tajikistan and the Republic of Kazakhstan (pp. 117-127)

Usenko A. S., Fruslov I. G., Fruslov D. G.

Criminal law and criminalistic characteristics of cybercrimes committed against minors and directions for improving preventive measures (pp. 128-137)

Shevchenko N. V.

Organizational and tactical aspects of using medical knowledge in investigative actions (pp. 138-148)

Научная статья

УДК/UDC 338.43:332

ББК 65.32

5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика

МАРКЕТИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ПЛОДООВОЩНОЙ ПРОДУКЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Иванова Инна Григорьевна¹¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. ТрубилинаДолгополук Эрика Эриковна¹¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. ТрубилинаГайдабур Викториа Вадимовна¹¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. ТрубилинаКваша Анастасия Денисовна¹¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

Аннотация

В статье рассматривается актуальность перехода производителей к современным маркетинговым стратегиям продвижения плодоовощной продукции в условиях цифровой трансформации. Обоснована важность использования омниканального маркетинга и D2C-моделей. Раскрываются инструменты повышения конкурентоспособности: «Fresh Logistics», ИИ-прогнозирование спроса и сторителлинг. Показана их практическая значимость для сельскохозяйственных производителей.

Ключевые слова: маркетинговая стратегия, плодоовощеводство, агромаркетинг, импортозамещение, цифровизация, сторителлинг, цепи поставок, конкурентоспособность.

MARKETING STRATEGIES FOR PROMOTING FRUIT AND VEGETABLE PRODUCTS IN THE MODERN MARKET

Ivanova Inna Grigoryevna¹¹ Kuban State Agrarian UniversityDolgopolyuk Erika Erikovna¹¹ Kuban State Agrarian UniversityGaidabura Viktoria Vadimovna¹¹ Kuban State Agrarian UniversityKvasha Anastasia Denisovna¹¹ Kuban State Agrarian University

Abstract

The article discusses the relevance of manufacturers' transition to modern marketing strategies for promoting fruit and vegetable products in the context of digital transformation. The importance of using omnichannel marketing and D2C models is substantiated. The article reveals tools for increasing competitiveness, such as Fresh Logistics, AI demand forecasting, and storytelling. The practical significance of these tools for agricultural producers is demonstrated.

Keywords: marketing strategy, fruit and vegetable production, agro-marketing, import substitution, digitalization, storytelling, supply chains, and competitiveness.

ВВЕДЕНИЕ

Маркетинговая стратегия в сфере плодоовощеводства представляет собой систему управления, направленную на формирование конкурентных преимуществ в условиях специфики аграрного рынка и скоропортящейся продукции. В современных условиях наблюдается переход от сбытовой модели к концепции управления потребительской ценностью, ориентированной на дифференцированный спрос [1, 3].

Сегментация рынка плодоовощной продукции в современных условиях основывается не только на географических и демографических, но и на психографических характеристиках потребителей, включая отношение к качеству, экологичности и безопасности продукции. Поэтому классическая модель маркетинг-микса (4P) в аграрной сфере дополняется расширенной концепцией 7P, учитывающей особенности сельскохозяйственного производства, включая биологические процессы, сезонность и ограниченность сроков хранения продукции [2].

Ценовая политика в современных условиях должна ориентироваться на качество и происхождение продукции, что становится определяющим критерием для потребителей [1].

Наличие онлайн каналов, социальных сетей и мобильных приложений являются ключевыми инструментами сбытовой и коммуникационной стратегии,

направленной на формирование омниканальной модели взаимодействия с клиентом.

Модель прямых продаж (D2C) позволяет исключить посредников и обеспечить непосредственный контакт с конечным потребителем. Применение искусственного интеллекта (ИИ) и аналитики больших данных (Big Data) позволяют точно спрогнозировать спрос и скорректировать ассортимент продукции, что особенно актуально для плодоовощеводческой продукции [2].

Рынок плодоовощной продукции Краснодарского края в условиях внешнего воздействия отличается высокой динамикой развития (таблица 1). На него существенно влияют глобализация, цифровая трансформация и сдвиги в потребительских предпочтениях, что диктует необходимость адаптации производственных и маркетинговых подходов.

Анализ динамики производства продукции плодоовощеводства в Краснодарском крае за период 2020–2024 гг. свидетельствует о разнонаправленных тенденциях в различных сегментах отрасли. Площадь плодово-ягодных насаждений сократилась на 1,5 тыс. га (на 3,5 %), что может быть обусловлено естественной убылью старых садов и недостаточными темпами закладки новых многолетних насаждений. Вместе с тем площадь виноградных насаждений увеличилась на 6,2 тыс. га (на 22,8 %), что отражает

Региональная и отраслевая экономика

реализацию государственных программ поддержки виноградарства и инвестиционную привлекательность данной подотрасли. Посевные площади картофеля уменьшились на 2 тыс. га (на 6,7 %), а овощей – на 1 тыс. га (на 1,7 %), что связано с перераспределением земель в пользу более рентабельных культур.

Таблица 1. Динамика производства продукции плодовоовощеводства в Краснодарском крае [7]

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Абсолютное отклонение (+,-)	Темп роста, %
Площадь плодово-ягодных насаждений, тыс. га	42,8	42,5	42,7	41,6	41,3	-1,5	96,5
виноградных насаждений, тыс. га	27,2	29	29,8	31,5	33,4	6,2	122,8
Посевные площади картофеля, тыс. га	30	30	31	31	28	-2	93,3
овощей, тыс. га	58	57	57	59	57	-1	98,3
Валовый сбор овощей, тыс. т	833	806	825	784	700	-133	84,0
плодов и ягод, тыс. т	421	565	602	608	648	227	153,9
винограда, тыс. т	209	215	302	291	265	56	126,8
картофеля, млн т	352	383	457	440	370	18	105,1
Урожайность овощей, ц/га	117,1	113,9	117,9	110,4	100,8	-16,3	86,1
плодов и ягод, ц/га	119	166,5	183,5	185,8	190,4	71,4	160,0
винограда, ц/га	94,9	89,5	133,6	121,9	105,1	10,2	110,7
картофеля, ц/га	116,6	126,2	139,4	138,2	126,5	9,9	108,5

РЕЗУЛЬТАТЫ

Валовый сбор овощей снизился на 133 тыс. т (на 16 %), что обусловлено как сокращением посевных площадей, так и падением урожайности на 16,3 ц/га (на 13,9 %). Причиной выступили неблагоприятные погодные условия, а также технологические проблемы в овощеводстве открытого грунта. В противоположность этому, сбор плодов и ягод возрос на 227 тыс. т (на 53,9 %), винограда – на 56 тыс. т (на 26,8 %), картофеля – на 18 тыс. т (на 5,1

%). Рост урожайности плодов и ягод составил 71,4 ц/га (на 60 %), винограда – 10,2 ц/га (на 10,7 %), картофеля – 9,9 ц/га (на 8,5 %). Данная динамика объясняется вводом в эксплуатацию новых интенсивных садов и виноградников, использованием современных агротехнологий и сортов, адаптированных к местным условиям, а также активным использованием мер государственной поддержки.

Цифровизация агробизнеса охватывает производство, логистику и

Региональная и отраслевая экономика

маркетинг. Инструменты цифрового маркетинга, онлайн-платформы и аналитика данных позволяют точно сегментировать потребителей и формировать персонализированные предложения.

Динамика использования цифровых технологий сельскохозяйственными организациями страны продемонстрирована в таблице 2.

Таблица 2. Динамика использования цифровых технологий сельскохозяйственными предприятиями РФ, % [4]

Цифровые технологии	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Абсолютное отклонение (+,-)
Облачные сервисы	17,8	21,5	25,5	23,9	26,5	8,7
Цифровые платформы	10,2	9,8	9,1	11,8	12,1	3
Технологии сбора, обработки и анализа больших данных	17,2	23,3	23,7	11,5	9,9	-13,8
ГИС системы	14,1	16,1	15,6	15,7	16,2	0,6
Интернет вещей	11,6	14,4	11,9	12,4	12,7	0,8
RFID-технологии	8,1	10,1	9,4	10,3	11	1,6
Технологии искусственного интеллекта	2,2	2,9	4,7	2,4	2,1	-2,6
Промышленные роботы/автоматизированные линии	4,1	5,3	4,8	4,9	5,2	0,4

Анализ динамики использования цифровых технологий в сельскохозяйственных предприятиях РФ за 2020–2024 гг. показывает разнонаправленные тенденции. Наиболее устойчивый рост демонстрируют облачные сервисы (на 8,7 п.п.), что объясняется их относительной доступностью, снижением затрат на IT-инфраструктуру и распространением программ государственной поддержки цифровизации АПК. Цифровые платформы, ГИС-системы, интернет вещей и RFID-технологии также характеризуются положительной, хотя и незначительной, динамикой (прирост от 0,4 до 3 п.п.), что свидетельствует о постепенном внедрении базовых цифровых решений. В то же время

технологии сбора и анализа больших данных, а также искусственного интеллекта демонстрируют выраженное снижение к 2024 г. (на 13,8 п.п. и 2,6 п.п. соответственно) после непродолжительного роста в 2021–2022 гг. Данная негативная динамика, вероятно, обусловлена внешними санкционными ограничениями, уходом с рынка зарубежных вендоров программного обеспечения, а также высокими затратами на внедрение и недостатком квалифицированных кадров для обработки больших массивов информации. Таким образом, при общем тренде на цифровизацию, наиболее сложные и ресурсоемкие технологии (Big Data, ИИ) пока не получили широкого распространения в аграрном секторе,

Региональная и отраслевая экономика

что требует дополнительных мер стимулирования и адаптации к отраслевой специфике.

Использование цифровых технологий в сельском хозяйстве Краснодарского края, как одного из самых крупных и технологически

развитых аграрных регионов Российской Федерации, является важным индикатором эффективности внедрения инноваций в агропромышленном комплексе (рисунок 1).

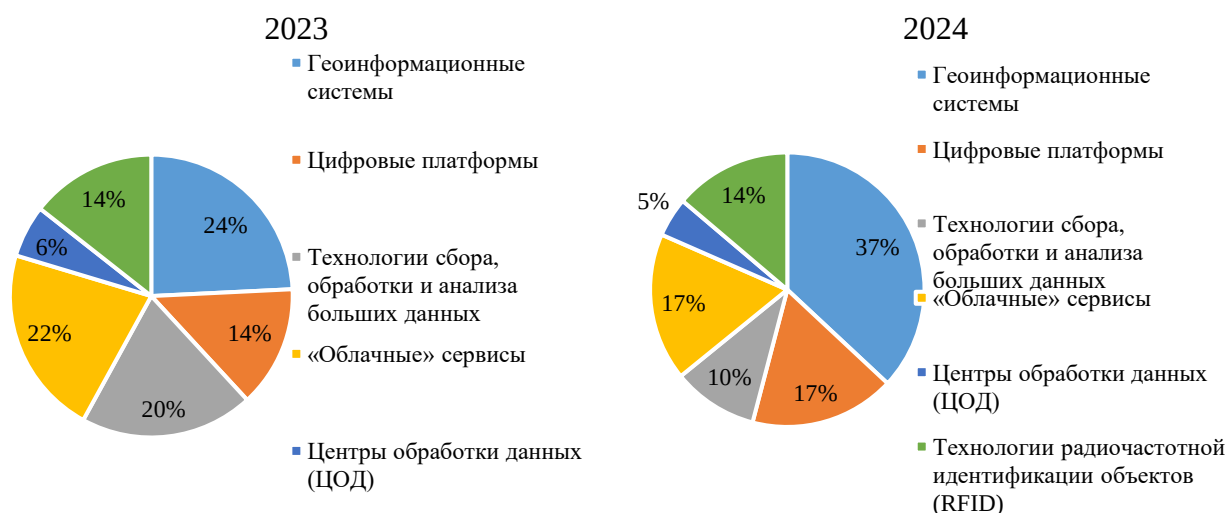

Рисунок 1 – Структура цифровых технологий, применяемых сельскохозяйственными предприятиями в Краснодарском крае, % [7].

На протяжении обоих лет наибольшую долю занимают геоинформационные системы (ГИС) – 24 % в 2023 г. и 37 % в 2024 г. и «облачные» сервисы – 22 % в 2023 г. и 17 % в 2024 г., что объясняется низким порогом входа, многофункциональностью мониторинга посевных площадей и насаждений для успешного планирования операций.

Цифровые платформы и технологии радиочастотной идентификации (RFID) занимают меньшую долю – 17 % и 14 % в 2024 г., соответственно. Это указывает на начальный этап их внедрения, зачастую только в крупных хозяйствах. Технологии больших данных, а также их центры обработки

(ЦОД) демонстрируют невысокий удельный вес – 10 % и 5 % в 2024 г.

Динамика внедрения цифровых технологий в сельском хозяйстве региона показала, что доминируют базовые цифровые технологии. Однако сохраняется необходимость в активном внедрении аналитических решений для точного прогнозирования спроса и оптимизации логистических цепочек поставок плодовоовощной продукции. Это возможно достичь с помощью использования механизмов государственной поддержки и привлечения частных инвестиций.

Ключевым направлением продвижения плодовоовощной продукции является дифференциация продукции по

Региональная и отраслевая экономика

качественным признакам, происхождению и сорту. Они позволяют сформировать рыночное предложение и повысить воспринимаемую ценность продукта [3]. Сбытовые и коммуникационные стратегии включают прямые продажи – фермерские рынки и не прямые – онлайн-платформы,

участие в выставках и развитие агротуризма. Однако цифровые каналы способны обеспечить интерактивное взаимодействие производителя и потребителя.

Сравнение традиционного подхода к определению каналов потребителей и цифровым представлено в таблице 3.

Таблица 3. Сравнительная характеристика традиционной и цифровой маркетинговых концепций (составлено авторами)

Критерий	Традиционные каналы	Цифровые каналы
Охват аудитории	Локальный/региональный	Федеральный/международный
Скорость оборота продукции	Низкая/средняя	Высокая
Уровень потерь при сбыте	Высокий (из-за длительного хранения)	Низкий (быстрая реализация)
Возможность персонализации	Низкая	Высокая (таргетинг, рекомендации)
Скорость сбора обратной связи	Низкая	Высокая (онлайн-обзоры, социальные сети)
Прямой контакт с потребителем	Нет	Да (формирование лояльности)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ статистических данных рынка плодоовощеводства Краснодарского края выявил следующие проблемы:

- снижение площадей плодовых насаждений сопровождается ростом валового сбора и урожайности данной культуры;

- сокращение производства овощей повышает неудовлетворенность населения края;

- низкий уровень внедрения многофункциональных цифровых систем из-за высокой стоимости.

Для улучшения сложившейся ситуации необходимо определить направления повышения эффективности маркетинговой деятельности, среди которых:

- цифровая трансформация каналов сбыта с переходом к омниканальной модели и прямым продажам (D2C);

- адаптация технологий прогнозирования спроса на основе больших данных и ИИ к отраслевой специфике;

- внедрение концепции «Fresh Logistics» для минимизации времени доставки, развитие брендинга и сторителлинга с акцентом на региональное происхождение и экологичность;

- интеграция QR-кодов, программ лояльности и агротуризма;

- преодоление барьеров внедрения инноваций в малых и средних хозяйствах.

Региональная и отраслевая экономика

Успешное функционирование маркетинговая стратегия объединяет в компании возможно только при себе брендинг, разработку комплексном подходе, учитывающем продуктовой и ценовой политики, потребности потребителей, цифровой маркетинг, организацию конкурентную среду и текущие оптимальных каналов сбыта и тенденции отрасли. Эффективная внедрение инновационных продуктов.

Список литературы:

1. Котлер Ф., Келлер К. Л., Чернев А. / Маркетинг-менеджмент. – 16-е изд. – СПб.: Питер, 2024. – 608 с.
2. Ерлыгина Е. Г., Васильева А. Д. / Особенности маркетинга в агропромышленном комплексе // Бюллетень науки и практики. – 2020. – №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-marketinga-v-agropromyshlennom-komplekse> (дата обращения: 12.04.2026).
3. Долгополук, Э. Э. Специфика маркетинга в эпоху цифровых технологий / Э. Э. Долгополук, И. Г. Иванова // Математическое моделирование и информационные технологии при исследовании явлений и процессов в различных сферах деятельности : Сборник материалов III Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Краснодар, 20 марта 2023 года / Отв. за выпуск Н.В. Третьякова. – Краснодар: Новация, 2023. – С. 108-113. – EDN QIVKGE.
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.04.2026).
5. Великанова, Л. О. Способы совершенствования управления сельскохозяйственными предприятиями путем внедрения проекта "Цифровое сельское хозяйство" / Л. О. Великанова, Э. Э. Долгополук // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 3(60). – С. 59-66. – DOI 10.25683/VOLBI.2022.60.322. – EDN ZFCZKL.
6. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (ред. от 10.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 4. – Ст. 345. – URL: <https://base.garant.ru/73438425/> (дата обращения: 12.04.2026).
7. Краснодарский край в цифрах. 2024: Краткий стат. сб. / Краснодарстат – Краснодар, 2025. – 141 с.

References:

1. Kotler F., Keller K. L., Chernev A. / Marketing Management. – 16th ed. – St. Petersburg: Peter, 2024. – 608 p.
2. Erligina E. G., Vasilyeva A. D. / Features of Marketing in the Agro-Industrial Complex // Bulletin of Science and Practice. – 2020. – No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-marketinga-v-agropromyshlennom-komplekse> (date of access: 04/12/2026).
3. Dolgopolyuk, E. E. Specifics of marketing in the digital age / E. E. Dolgopoluk, I. G. Ivanova // Mathematical modeling and information technologies in the study of phenomena and processes in various fields of activity : A collection of materials of the III International Scientific and practical conference of students, undergraduates and postgraduates, Krasnodar, March 20, 2023 / Translated by N.V. Tretyakov. – Krasnodar: Novation, 2023. – P. 108-113. – EDN QIVKGE.
4. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. – Access mode: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed on 12.04.2026).
5. Velikanova, L. O. Methods of Improving the Management of Agricultural Enterprises by Implementing the Digital Agriculture Project / L. O. Velikanova, E. E. Dolgopoluk // Business. Education. Law. – 2022. – No. 3(60). – Pp. 59-66. – DOI 10.25683/VOLBI.2022.60.322. – EDN ZFCZKL.

Региональная и отраслевая экономика

6. On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 20 dated January 21, 2020 (as amended on March 10, 2025) // Collection of Laws of the Russian Federation. – 2020. – No. 4. – Art. 345. – URL: <https://base.garant.ru/73438425/> (date of access: 12.04.2026).

7. Krasnodar Territory in Figures. 2024: A Brief Statistical Collection / Krasnodarstat – Krasnodar, 2025. – 141 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Инна Григорьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и маркетинга; Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина; г. Краснодар, Россия; e-mail: inna_ivanova_2010@mail.ru

Долгополук Эрика Эриковна, ассистент кафедры управления и маркетинга; Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина; г. Краснодар, Россия; e-mail: erika.dolgopolyuk@mail.ru

Гайдабура Виктория Вадимовна, студент факультета плодоовощеводства и виноградарства; Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина; г. Краснодар, Россия; e-mail: viktoriagaydabura@gmail.com

Кваша Анастасия Денисовна, студент факультета плодоовощеводства и виноградарства; Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина; г. Краснодар, Россия; e-mail: kvashanasta@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanova Inna Grigoryevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Marketing; Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin; Krasnodar, Russia; e-mail: inna_ivanova_2010@mail.ru

Dolgopolyuk Erika Erikovna, Assistant Professor of the Department of Management and Marketing; Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin; Krasnodar, Russia; e-mail: erika.dolgopolyuk@mail.ru

Gaidabura Viktoria Vadimovna, student of the Faculty of Horticulture and Viticulture; Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin; Krasnodar, Russia; e-mail: viktoriagaydabura@gmail.com

Kvasha Anastasia Denisovna, student of the Faculty of Horticulture and Viticulture; Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin; Krasnodar, Russia; e-mail: kvashanasta@yandex.ru

Материал поступил в редакцию: 22 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 04 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Иванова И. Г., Долгополук Э. Э., Гайдабура В. В., Кваша А. Д.

Научная статья

УДК/UDC 332.1

ББК 65.05

5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РФ (НА ПРИМЕРЕ КУШВИНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА)

Дурандина Ольга Аркадьевна¹

¹ ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

Шаимова Наталья Николаевна¹

¹ ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

Аннотация

В статье исследуются основные направления и механизмы трансформации системы муниципального управления в Российской Федерации в контексте современного этапа развития государства. Анализируются процессы децентрализации власти, расширения полномочий муниципальных образований, а также их организационно-правового и функционального обновления. Анализ проводится на примере Кушвинского муниципального округа Свердловской области как наиболее репрезентативного для индустриальных регионов РФ. Оценка эффективности муниципального управления опирается на социально-ориентированные и институциональные методы, акцентирующие внимание на качестве жизни населения, доступности социальных услуг, состоянии социальной инфраструктуры и эффективности реализации функций местной власти. Особое внимание уделяется трансформации модели муниципального управления, требующей адаптации управленческих структур, модернизации траекторий развития и переосмысления стратегических инструментов муниципальной политики. Изучение процесса трансформации на примере конкретных территорий позволяет выявить механизмы адаптации муниципалитетов к новым институциональным требованиям и оценить воздействие реформы на социально-экономические процессы.

Рассмотрены ключевые законодательные инициативы, реализуемые меры и целевые показатели данного реформирования. В статье также выявлены предполагаемые результаты и перспективы модернизации системы местного управления, направленные на повышение эффективности, укрепление демократических процессов, улучшение качества жизни граждан и развитие территорий. Итоги исследования подтверждают, что комплексный подход к трансформации системы муниципального управления способствует формированию более открытой, ответственной и инновационной системы местного развития в современных условиях.

Ключевые слова: трансформация местного самоуправления, муниципальный округ, институциональные ограничения.

TRANSFORMATION OF THE MUNICIPAL DISTRICT GOVERNANCE SYSTEM UNDER THE LOCAL SELF- GOVERNMENT REFORM: A CASE STUDY OF KUSHVINSKY MUNICIPAL DISTRICT

Durandina Olga Arkadyevna¹

¹ Ural State University of Economics

Shaemova Natalia Nikolaevna¹

¹ Ural State University of Economics

Abstract

The article explores the main directions and mechanisms of the transformation of the municipal management system in the Russian Federation in the context of the current stage of state development. It analyzes the processes of decentralization of power, expansion of the powers of municipal entities, as well as their organizational, legal, and functional renewal. The analysis is based on the example of the Kushvinsky Municipal District of the Sverdlovsk Region, which is the most representative for the industrial regions of the Russian Federation. The assessment of the effectiveness of municipal management is based on socially oriented and institutional methods that focus on the quality of life of the population, the availability of social services, the state of social infrastructure, and the efficiency of local government functions. Special attention is paid to the transformation of the municipal management model, which requires the adaptation of management structures, the modernization of development trajectories, and the rethinking of strategic tools for municipal policy. Studying the transformation process on the example of specific territories allows us to identify the mechanisms of municipalities' adaptation to new institutional requirements and assess the impact of the reform on socio-economic processes.

The article examines key legislative initiatives, implemented measures, and target indicators of this reform. It also identifies the expected results and prospects for modernizing the local government system, which are aimed at improving efficiency, strengthening democratic processes, enhancing the quality of life for citizens, and developing territories. The findings of the study confirm that a comprehensive approach to transforming the municipal management system contributes to the formation of a more open, responsible, and innovative local development system in today's conditions.

Keywords: local self-government transformation, municipal district, institutional constraints.

ВВЕДЕНИЕ

Современные муниципальные образования функционируют в условиях усложняющейся внешней среды: усиливаются межтерриториальные дисбалансы, возрастает зависимость локальной экономики от глобальных конъюнктур, сохраняются демографические риски и инфраструктурные ограничения. В результате органы местного самоуправления сталкиваются с необходимостью одновременного решения задач стратегического планирования, обеспечения устойчивого экономического роста, модернизации коммунальной инфраструктуры и адаптации управленческих процессов к требованиям новой модели публичной власти.

Именно в этом контексте вопросы трансформации системы муниципального управления приобретают особое значение: их актуальность обусловлена масштабной трансформацией институциональной среды местного самоуправления в Российской Федерации, связанной с реализацией конституционной реформы и вступлением в силу Федерального закона от 20.03.2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Указанный нормативный акт знаменует собой завершение многолетнего этапа реформирования муниципального уровня власти и устанавливает новые подходы к организации, функционированию и ответственности органов местного

Региональная и отраслевая экономика

самоуправления. Важнейшим результатом реформы является переход к унифицированной модели муниципального округа, усиление системности в публичном управлении и перераспределение полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями. Это определяет необходимость научного осмысления механизмов адаптации муниципальных образований к новым условиям и оценки последствий институциональных изменений для управления социально-экономическим развитием территорий.

Российское законодательство трактует местное самоуправление как многоуровневый, институционально сложный феномен, в котором сочетаются элементы территориальной организации государства, социально-экономического развития и публичного управления. Муниципальное образование в работах российских исследователей определяется как пространственная, социальная и хозяйственная система, обладающая собственными целями, ресурсами и механизмами функционирования. Так, Е. Б. Дворядкина и Э. В. Джалилов рассматривают муниципальные образования как «первичную ячейку пространственной организации общества», где локализуются ключевые социально-экономические процессы и формируются структурные условия развития территорий [4]. Аналогичный подход отражён в исследованиях Т. А. Коркиной, подчёркивающей способность

муниципалитета самостоятельно удовлетворять жизненно важные потребности населения за счёт использования местных ресурсов и собственной системы управления [5].

В научной традиции укоренилось представление о муниципальном образовании как о социально-экономической подсистеме региона. И. А. Курская характеризует муниципалитет как «относительно самостоятельную хозяйственную единицу», объединяющую производственные, экологические и территориальные элементы, взаимосвязанные с региональным хозяйственным комплексом [6]. С. С. Берман развивает воспроизводственный подход, согласно которому муниципальное образование обладает собственным, хотя и незамкнутым циклом воспроизводства, включающим производство, распределение и потребление ресурсов [3]. Эти трактовки подчёркивают двойственную природу муниципальных образований: с одной стороны, они являются территориальными сообществами, обладающими собственными интересами, а с другой — звеном многоуровневой системы публичной власти.

Институциональные основы местного самоуправления в России закреплены в Конституции Российской Федерации, определяющей его самостоятельность, территориальность и ответственность перед населением. Однако начиная с 2020 года система

Региональная и отраслевая экономика

местного самоуправления вступила в период масштабной трансформации, что обусловлено изменениями конституционных положений и обновлением федерального законодательства. Принятие Федерального закона от 20.03.2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» знаменовало переход к новой модели управления муниципальными территориями, усилив роль государства и уточнив место местного самоуправления в системе публичной власти [1]. Новый закон отменил Федеральный закон № 131-ФЗ, действовавший с 2003 года, и ввёл принципиально иную архитектуру муниципального управления [2].

Ключевым изменением стало упразднение двухуровневой модели и переход к унифицированной системе муниципальных округов и городских округов, что обеспечивает административную целостность и исключает дублирование полномочий. В отличие от ранее действующего подхода, когда местное самоуправление позиционировалось как обособленная от государства форма власти, закон № 33-ФЗ закрепил включённость муниципального уровня в единую систему публичной власти, что способствует усилению вертикали управления и согласованности решений. Реформа также усилила требования к стратегическому планированию,

инвестиционной политике, финансовой устойчивости муниципалитетов, механизмам участия населения и цифровизации муниципального управления. Тем самым местное самоуправление становится более институционально встроенным в систему государственной власти, однако сохраняет организационную самостоятельность и функциональную ответственность за решение вопросов местного значения.

Комплексность произошедших изменений позволяет говорить не просто об обновлении правовой базы, а о трансформации модели муниципального управления, требующей адаптации управленческих структур, модернизации траекторий развития и переосмысления стратегических инструментов муниципальной политики. В этих условиях изучение трансформации местного самоуправления на примере конкретных территорий приобретает особую научную значимость, поскольку позволяет выявить механизмы адаптации муниципалитета к новым институциональным требованиям и оценить воздействие реформы на реальную социально-экономическую динамику.

Однако отметим, что оценка трансформации системы местного самоуправления в условиях реформы 2020–2025 гг. требует использования многоуровневых методологических

Региональная и отраслевая экономика

подходов, позволяющих анализировать изменения как в содержании муниципального управления, так и в социально-экономических результатах деятельности муниципальных образований. В научной литературе сложился широкий спектр методов, применяемых для диагностики развития муниципальных систем: экономические, социально-ориентированные, институциональные, пространственные и интегральные подходы. Каждый из них раскрывает разные параметры функционирования муниципальной власти и дополняет другие методы, что делает их особенно значимыми при изучении трансформационных процессов, вызванных вступлением в силу Федерального закона № 33-ФЗ.

Экономический подход опирается на анализ ключевых количественных показателей социально-экономического развития территории. К ним традиционно относят структуру и динамику экономики муниципального образования, уровень предпринимательской активности, инвестиционные процессы, бюджетную обеспеченность, а также параметры финансовой устойчивости муниципалитета. Такой подход позволяет оценить, каким образом институциональные изменения местного самоуправления отражаются на состоянии и динамике локальной экономики, а также

выявить структурные дисбалансы и зависимость муниципалитета от отдельных отраслей. Он является особенно значимым для индустриальных муниципальных округов, где изменения системы управления оказывают прямое влияние на эффективность функционирования градообразующих предприятий.

Оценка эффективности муниципального управления опирается на социально-ориентированные и институциональные методы, акцентирующие внимание на качестве жизни населения, доступности социальных услуг, состоянии социальной инфраструктуры и эффективности реализации функций местной власти. Как подчёркивает Н. Ю. Шагова, индикаторы качества жизни выступают ключевыми маркерами результативности муниципальной политики, поскольку именно они отражают конечные эффекты деятельности органов МСУ [7]. Исследование влияния реформы МСУ на социальные параметры позволяет определить, способствуют ли изменения институциональной архитектуры повышению качества муниципальных услуг, оптимизации процессов управления и расширению участия населения в принятии решений.

Оценка влияния институциональных изменений (Федеральный закон № 33-ФЗ) на муниципальные системы

Региональная и отраслевая экономика

предполагает интеграцию четырех аналитических модулей: пространственного, социально-экономического, институционального и программно-целевого.

Пространственный модуль направлен на выявление территориальных диспропорций в доступности инфраструктуры, обусловленных историческим освоением и конфигурацией административных границ. Социально-экономический модуль фиксирует динамику демографических, бюджетных и хозяйственных параметров. Институциональный модуль анализирует изменения в распределении полномочий и организационной структуре управления. Программно-целевой модуль оценивает согласованность стратегических документов муниципалитета с новыми требованиями законодательства (ФЗ № 172-ФЗ и № 33-ФЗ), а также степень достижения заявленных индикаторов. Интеграция указанных модулей позволяет перейти от констатации разрозненных эффектов к идентификации системных ограничений адаптации муниципальной системы.

Анализ трансформации системы муниципального управления в РФ проводится на примере Кушвинский

(Свердловская область). Выбор обоснован тремя критериями репрезентативности для анализа трансформации МСУ в индустриальных регионах РФ:

1) периферийное экономико-географическое положение (удаленность от Екатеринбурга — 198 км, от Нижнего Тагила — 50 км) при высокой концентрации населения в одном центре (>74%);

2) длительная отрицательная демографическая динамика (сокращение с 59,5 тыс. чел. в 2002 г. до 35,5 тыс. чел. в 2025 г., т.е. –40,3%);

3) преобразование в муниципальный округ (2025 г.) с переходом к одноуровневой модели публичной власти.

Указанные характеристики формируют «институциональную плотность вызовов»: адаптация к ФЗ № 33-ФЗ происходит в условиях сужающейся налоговой базы, износа инфраструктуры (>50% по сетям) и зависимости от межбюджетных трансфертов (более 60% расходов). Анализ параметров 2021–2025 гг. выявляет расхождение между декларируемыми стратегическими целями (Стратегия СЭР 2018 г.) и фактическими трендами. В таблице 1 представлены основные показатели с расчетом кумулятивного изменения (2025 к 2021).

Региональная и отраслевая экономика

Таблица 1 Ключевые параметры социально-экономического положения Кушвинского МО (2021–2025 гг.)

Показатель	2021	2023	2025	Изменени е 2025 / 2021, %	Примечание
Численность населения, чел.	36 500	36 288	35 532	–2,65	Естественная убыль + миграция
Доля городского населения, %	73,4	74,1	74,1	+0,7 п.п.	Концентрация в центре
Уровень безработицы (МОТ), %	1,8	0,9	0,5	–72,2	Сужение экономически активного населения
Среднемесячная зарплата, руб. (номинальная)	38 720	52 516	82 758	113,7	Требуется дефлирование по ИПЦ
Оборот организаций, млн руб.	12 782	20 358	30 606	139,4	Эффект цен и объёма

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выявленные тренды свидетельствуют об устойчивой депопуляции, росте номинальных показателей при неясной реальной динамике, радикальном усилении специализации по добыче полезных ископаемых. Последнее формирует структурный риск: волатильность сырьевой конъюнктуры напрямую транслируется в бюджетные доходы и занятость, что противоречит задачам диверсификации, постулируемым в стратегических документах.

Переход к одноуровневой системе (муниципальный округ) формально повышает ответственность за стратегическое планирование (ФЗ № 172-ФЗ). Однако фактически администрация сталкивается с четырьмя классами ограничений:

– фискальные – собственные доходы покрывают лишь 38–40% расходных обязательств;

– пространственные – низкая транспортная связанность периферийных поселений (более 74% населения в г. Кушва) делает невозможным унифицированное предоставление услуг без дифференцированных нормативов;

– инфраструктурные – износ инженерных сетей $\geq 50\%$, отсутствие концессионных механизмов до 2025 г.,

– демографические – сокращение трудового потенциала при росте нагрузки на социальную сферу.

Таким образом, институциональные изменения (ФЗ № 33-ФЗ) накладываются на траекторию инерционного развития с высокой степенью монозависимости, бюджетного дефицита и пространственной поляризации. Это

Региональная и отраслевая экономика

требует не простого копирования нормативных требований, а разработки адаптивных управленческих моделей, учитывающих локальные структурные ограничения.

На основе идентифицированных ограничений сформулируем три приоритетных вектора трансформации муниципального управления, верифицируемых в рамках дальнейшего анализа.

Институциональная реконфигурация – создание специализированной структуры (отдел/управление стратегического развития) для координации проектов, взаимодействия с институтами развития и мониторинга целевых индикаторов (КПЭ). Альтернатива – закрепление функций за существующим отделом с изменением регламентов.

Финансово-экономические механизмы – инициирование процедуры получения статуса ТОСЭР (как инструмент диверсификации) и концессионных соглашений в ЖКХ (альтернатива – ГЧП с регрессными требованиями к бюджету). Требуется оценки бюджетной эффективности.

Стимулирование МСП – создание муниципального фонда микрокредитования и/или внедрение цифровых сервисов поддержки для снижения барьеров входа на рынок, особенно на сельских территориях.

Указанные направления не являются панацеей, но представляют

собой эмпирически проверяемые гипотезы управленческого реагирования. Их реализация должна сопровождаться разработкой системы сбалансированных показателей (ССП) для мониторинга эффектов на уровне бюджетной самодостаточности, динамики МСП, доступности услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Кушвинский муниципальный округ демонстрирует системный случай, в котором институциональная трансформация (ФЗ № 33-ФЗ) накладывается на инерционную траекторию с устойчивой депопуляцией, монозависимостью и пространственной поляризацией. Унифицированная одноуровневая модель местного самоуправления сама по себе не снимает структурных ограничений, а при отсутствии компенсирующих механизмов (дифференцированные нормативы доступности, целевые трансферты на транспортную связность, льготные режимы для моногородов) может усиливать территориальные диспропорции. Предложенные направления адаптации (институциональная реконфигурация, ТОСЭР, концессии, фонд микрокредитования) представляют собой эмпирически проверяемые гипотезы, реализация которых в пилотном режиме позволит сформировать типовую дорожную карту для аналогичных муниципальных образований.

Региональная и отраслевая экономика

Список литературы:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ. – Текст: электронный. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1312062361/> (дата обращения: 06.04.2026).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025). – Текст: электронный. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876063/> (дата обращения: 06.04.2026).
3. Берман С. С. Муниципальное образование в воспроизводственном подходе: сущность и содержание / С. С. Берман // Региональная экономика: теория и практика. - 2021. - № 19. - С. 87–101.
4. Дворядкина Е. Б. Муниципальные образования: обзор экономических теоретико-методологических подходов к понятию / Е. Б. Дворядкина, Э. В. Джалилов // Региональная экономика и управление. - 2022. - № 3 – С. 1-12. – Текст: электронный. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnye-obrazovaniya-obzor-ekonomicheskikh-teoretiko-metodologicheskikh-podkhodov-k-ponyatiyu> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Коркина Т. А. Муниципальное образование как социально-экономическая система / Т. А. Коркина // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. - 2019. - № 2. - С. 56–64.
6. Курская И. А. Муниципальное образование как хозяйственная система: теоретические и методологические подходы / И. А. Курская // Экономика и управление. - 2018. - № 6. - С. 34–40.
7. Шагова Н. Ю. Эффективность управления социально-экономическим развитием муниципальных образований: подходы и критерии / Н. Ю. Шагова, В. М. Никоноров // Экономика и менеджмент в современных условиях. – 2021. – № 5. – С. 54–62.

References:

1. Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1312062361/> (accessed: 06.04.2026).
2. Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” (as amended on March 20, 2025). Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500941> (accessed: 06.04.2026).
3. Berman, S. S. (2021). Munitsipal'noye obrazovaniye v vosproizvodstvennom podkhode: sushchnost' i sodержaniye [Municipal formation in the reproductive approach: essence and content]. Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika, no. 19, pp. 87–101. (In Russian).
4. Dvoryadkina, E. B. & Dzhalilov, E. V. (2022). Munitsipal'nyye obrazovaniya: obzor ekonomicheskikh teoretiko-metodologicheskikh podkhodov k ponyatiyu [Municipal formations: a review of economic theoretical and methodological approaches to the concept]. Regional'naya ekonomika i upravleniye, no. 3, pp. 1–12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnye-obrazovaniya-obzor-ekonomicheskikh-teoretiko-metodologicheskikh-podkhodov-k-ponyatiyu> (accessed: 15.12.2025). (In Russian).
5. Korkina, T. A. (2019). Munitsipal'noye obrazovaniye kak sotsial'no-ekonomicheskaya sistema [Municipal formation as a socio-economic system]. Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika, no. 2, pp. 56–64. (In Russian).
6. Kurskaya, I. A. (2018). Munitsipal'noye obrazovaniye kak khozyaystvennaya sistema: teoreticheskiye i metodologicheskiye podkhody [Municipal formation as an economic system: theoretical and methodological approaches]. Ekonomika i upravleniye, no. 6, pp. 34–40. (In Russian).
7. Shagova, N. Yu. & Nikonorov, V. M. (2021). Efficiency of Managing Socio-Economic Development of Municipalities: Approaches and Criteria. Ekonomika i menedzhment v sovremennykh usloviyakh, no. 5, pp. 54–62. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дурандина Ольга Аркадьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления; ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»; г. Екатеринбург, Россия; e-mail: durandinao@mail.ru

Шаимова Наталья Николаевна, студент кафедры государственного и муниципального управления; ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»; г. Екатеринбург, Россия; e-mail: silova89shilova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Durandina Olga Arkadyevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration; Ural State University of Economics; Yekaterinburg, Russia; e-mail: durandinao@mail.ru

Shayemova Natalya Nikolaevna, student of the Department of Public and Municipal Administration; Ural State University of Economics; Yekaterinburg, Russia; e-mail: silova89shilova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию: 23 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 03 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Дурандина О. А., Шаимова Н. Н.

Научная статья

УДК/UDC 342

ББК 67.402

5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки

СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Дашин Алексей Викторович¹

¹ СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева»

Шайгуманова Венера Николаевна¹

¹ ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Аннотация

В статье раскрывается сущность финансово-кредитного механизма государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) как межотраслевой правовой конструкции, объединяющей финансовые, кредитные, гарантийные и контрольные инструменты. Авторы анализируют нормативную базу (Федеральный закон № 209-ФЗ, Бюджетный кодекс, постановление № 1764), институциональную структуру (Корпорация МСП, региональные гарантийные организации, центры «Мой бизнес») и ключевые меры: льготное кредитование, гарантийную поддержку, микрофинансирование. Обосновывается, что эффективность механизма зависит не только от объема бюджетных средств, но и от качества правового регулирования, прозрачности процедур, согласованности действий институтов развития. Выделяются пять структурных элементов (нормативный, институциональный, инструментальный, процедурный, контрольный) и принципы (законность, адресность, риск-ориентированность). Делается вывод о необходимости дальнейшей цифровизации, унификации региональных практик и повышения результативности поддержки для достижения публично значимых социально-экономических целей.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, финансово-кредитный механизм, финансовая поддержка, гарантийная поддержка, льготное кредитование, публичные финансы, правовое регулирование.

THE ESSENCE OF THE FINANCIAL AND CREDIT MECHANISM OF STATE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES

Dashin Alexey Viktorovich¹

¹ North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Shaygumanova Venera Nikolaevna¹

¹ Samara State University of Economics

Abstract

The article reveals the essence of the financial and credit mechanism of state support for small and medium-sized enterprises (SMEs) as an intersectoral legal construct combining financial, credit, guarantee, and control instruments. The authors analyze the regulatory framework (Federal Law No. 209-FZ, the Budget Code, Decree No. 1764), the institutional structure (SME Corporation, regional guarantee organizations, “My Business” centers), and key measures:

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

preferential lending, guarantee support, and microfinance. It is substantiated that the effectiveness of the mechanism depends not only on the volume of budget funds but also on the quality of legal regulation, transparency of procedures, and consistency of development institutions' actions. Five structural elements (normative, institutional, instrumental, procedural, and control) and principles (legality, targeting, risk-orientation) are highlighted. The conclusion is made about the need for further digitalization, unification of regional practices, and increasing the effectiveness of support to achieve publicly significant socio-economic goals.

Keywords: small and medium-sized enterprises (SMEs), state support, financial and credit mechanism, financial support, guarantee support, preferential lending, public finance, legal regulation.

ВВЕДЕНИЕ

Малое и среднее предпринимательство занимает особое место в структуре современной экономики, поскольку выполняет не только хозяйственную, но и социальную функцию: обеспечивает занятость, формирует конкурентную среду, способствует территориальному развитию и повышает устойчивость национального хозяйства к кризисным явлениям. В этой связи государственная поддержка субъектов МСП приобретает характер не факультативной меры экономической политики, а институционально необходимого элемента публичного управления. Базовые ориентиры такой поддержки закреплены в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, который определяет цели, принципы, формы, условия и порядок содействия развитию малого и среднего предпринимательства [1].

В научной литературе финансово-кредитный механизм традиционно рассматривается как как комплексную правовую и экономическую конструкцию, обеспечивающую движение финансовых ресурсов и кредитных

инструментов в целях достижения заранее определенного экономического результата [4, с. 452; 5, с. 117]. Однако применительно к государственной поддержке МСП данная категория требует более узкого и одновременно более юридически точного толкования. Речь идет не просто о совокупности финансовых потоков, а о правовом механизме перераспределения публичных ресурсов, при котором государство, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования и специализированные институты развития реализуют предусмотренные законом меры содействия предпринимательской деятельности.

Следовательно, сущность финансово-кредитного механизма государственной поддержки МСП состоит в нормативно упорядоченном соединении финансовых, кредитных, гарантийных, организационных и контрольных средств, посредством которых обеспечивается доступ субъектов предпринимательства к источникам капитала на условиях, отличающихся от обычных рыночных параметров. Такое отличие может выражаться в снижении стоимости заемных

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ресурсов, компенсации части рисков кредитора, предоставлении субсидий, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных гарантий, а также в использовании инфраструктурных и цифровых сервисов сопровождения получателей поддержки [1; 3].

Доктринально финансово-кредитный механизм справедливо связывается с внутренней структурой финансовой системы и с публичной финансовой политикой государства. Так, В. К. Сенчагов относил к его базовым подсистемам финансово-кредитное планирование, финансово-кредитные рычаги и организационно-правовой режим функционирования системы [4, с. 452]. Указанный подход сохраняет методологическое значение и в современных условиях, однако применительно к поддержке МСП он должен быть дополнен указанием на специальный субъектный состав, целевой характер предоставляемых мер и наличие нормативно установленного порядка отбора, предоставления, сопровождения и контроля использования соответствующих ресурсов.

Нормативную основу рассматриваемого механизма образуют прежде всего положения ст. 16 Федерального закона № 209-ФЗ, в соответствии с которым поддержка субъектов МСП включает финансовую, в том числе гарантийную, имущественную, информационную и консультационную поддержку, а

также иные формы содействия, предусмотренные федеральным, региональным и муниципальным регулированием [1]. Статья 17 того же закона закрепляет, что финансовая поддержка может осуществляться за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов путем предоставления субсидий, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных гарантий [1]. Тем самым законодатель прямо указывает на публично-правовую природу основных форм финансового участия государства в развитии предпринимательства.

Одновременно бюджетное законодательство задает пределы и процедуры такого участия, определяя правовой режим бюджетных ассигнований, субсидий и иных форм расходования публичных средств [2].

Особое значение имеет то обстоятельство, что финансово-кредитный механизм поддержки МСП не является универсальным и безусловным. Законодатель устанавливает требования к получателям поддержки, а также ограничения, связанные как с правовым статусом претендента, так и с характером осуществляемой им деятельности. В частности, финансовая поддержка не предоставляется субъектам МСП, осуществляющим производство и (или) реализацию подакцизных товаров, а также добычу и (или)

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

реализацию полезных ископаемых, за исключением прямо предусмотренных законом случаев [1]. Наличие подобных ограничений подтверждает адресный и селективный характер анализируемого механизма, который строится не на принципе всеобщего распределения бюджетных средств, а на модели целевого стимулирования приоритетных предпринимательских практик.

Структурно финансово-кредитный механизм государственной поддержки МСП целесообразно рассматривать через пять взаимосвязанных элементов. Во-первых, это нормативный элемент, включающий законы, подзаконные акты, государственные программы и локальные регламенты институтов развития. Во-вторых, институциональный элемент, представленный органами публичной власти, Корпорацией МСП, МСП Банком, региональными гарантийными организациями, государственными (муниципальными) микрофинансовыми организациями и инфраструктурой поддержки предпринимательства. В-третьих, инструментальный элемент, выраженный в субсидиях, льготных кредитах, поручительствах, микрозаймах, лизинговых и прочих финансовых продуктах. В-четвертых, процедурный элемент, охватывающий правила отбора заявителей, рассмотрения заявок, заключения соглашений,

мониторинга и отчетности. В-пятых, контрольный элемент, обеспечивающий оценку законности, целевого характера и эффективности использования предоставленных ресурсов.

Институциональное наполнение данного механизма имеет самостоятельное значение. Современная модель государственной поддержки МСП построена по принципу распределения компетенций между различными уровнями публичной власти и специализированными организациями инфраструктуры поддержки. Существенную роль в ней играют Корпорация МСП и ее дочерние структуры, региональные гарантийные организации, государственные микрофинансовые организации, а также сеть центров «Мой бизнес», обеспечивающих организационную и сервисную доступность мер поддержки [1; 13; 14]. Такая институциональная многоуровневость позволяет сочетать единые федеральные стандарты с учетом региональной специфики, что соответствует природе федеративного государства и принципу разграничения публичных полномочий.

ОБСУЖДЕНИЕ

К числу ключевых инструментов финансово-кредитного механизма относится гарантийная поддержка. Ее экономико-правовой смысл состоит в перераспределении кредитного риска между заемщиком, банком и

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

государственным институтом поддержки, что повышает доступность заемного финансирования для субъектов МСП, не обладающих достаточной залоговой массой. В рамках действующей инфраструктуры используются независимые гарантии, поручительства региональных гарантийных организаций и так называемые «зонтичные» поручительства, позволяющие расширять кредитный портфель без эквивалентного роста требований к обеспечению со стороны предпринимателя [13]. В правовом аспекте такая модель свидетельствует о трансформации государства из пассивного регулятора в активного участника финансового оборота, принимающего на себя часть имущественных рисков ради достижения общественно значимых экономических целей.

Перспективным направлением усиления статьи выступает сравнительный анализ с моделями государственной поддержки МСП в странах ОЭСР. Например, в Германии ключевым инструментом является программа “ERP-Gründerkredit”, где государство через банк KfW принимает на себя до 80% кредитного риска. В отличие от российской системы, немецкий механизм предусматривает автоматическое скоринговое одобрение заявок для предприятий с положительной кредитной историей без залога. Адаптация такого подхода

в РФ через внедрение цифрового профиля МСП на платформе ГИС «Капитал» позволила бы снизить административные барьеры и сократить срок рассмотрения заявок с 30 до 7 рабочих дней.

Не менее значимым элементом является льготное кредитование, в рамках которого публичный интерес реализуется через механизмы субсидирования процентной ставки и компенсации кредитным организациям недополученных доходов. Нормативное оформление данной модели получило развитие, в частности, в постановлении Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2018 г. № 1764, закрепляющем правила предоставления субсидий кредитным организациям в целях повышения доступности финансирования для субъектов МСП [3]. По своей юридической природе такой инструмент сочетает бюджетно-правовой и гражданско-правовой компоненты: государство не подменяет собой кредитора, но посредством публичного финансирования изменяет экономические условия кредитной сделки в интересах развития предпринимательского сектора.

В системе государственной поддержки важную роль играет и микрофинансирование, ориентированное прежде всего на микропредприятия и начинающих предпринимателей, для которых классическое банковское кредитование нередко оказывается

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

недоступным вследствие высоких требований к обеспечению, финансовой отчетности и кредитной истории. Государственные и муниципальные микрофинансовые организации предоставляют более гибкие инструменты финансирования, тем самым компенсируя институциональные провалы рынка капитала. С правовой точки зрения данный сегмент механизма представляет собой форму адресного публичного вмешательства, направленного на снижение входных барьеров в предпринимательскую деятельность [1; 14].

Финансово-кредитный механизм государственной поддержки МСП не исчерпывается распределением денежных ресурсов. Его эффективность во многом определяется принципами, на которых он основан. К числу таковых следует отнести законность, предполагающую строгое соответствие мер поддержки нормативным предписаниям; адресность, означающую предоставление ресурсов строго определенным категориям субъектов; доступность, выражающуюся в возможности получения поддержки на понятных и недискриминационных условиях; прозрачность, требующую открытости процедур и критериев отбора; целевой характер, исключающий использование публичных средств вне установленного назначения;

эффективность, ориентированную на достижение измеримого социально-экономического результата; а также риск-ориентированность, предполагающую соразмерное распределение финансовых рисков между участниками соответствующих правоотношений [9; 10].

В научной литературе справедливо указывается, что результативность рассматриваемого механизма зависит не только от объема выделяемых ресурсов, но и от качества правового регулирования, согласованности действий институтов поддержки и предсказуемости условий доступа к мерам содействия [9; 10; 11; 12].

Для объективной оценки действенности финансово-кредитного механизма необходимо дополнить теоретический анализ эмпирическими данными. Так, по итогам 2023–2025 гг. объём кредитов, выданных субъектам МСП под «зонтичные» поручительства Корпорации МСП, превысил 1,2 трлн руб., а доля одобренных заявок на гарантийную поддержку составила 78%. Вместе с тем региональная дифференциация остаётся высокой: в трёх субъектах РФ (Республика Крым, Чукотский АО, Республика Тыва) доступ к льготному финансированию имеют менее 15% малых предприятий. Предлагается ввести коэффициент «финансовой доступности МСП» как индикатор эффективности механизма, рассчитываемый на основе средней

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

процентной ставки по кредитам с господдержкой и доли одобренных заявок.

Фрагментарность нормативных решений, избыточная административная нагрузка на заявителя, различия в региональной практике применения мер поддержки, а также сложность последующего контроля способны существенно снижать практическую отдачу даже от финансово емких программ. Следовательно, совершенствование финансово-кредитного механизма предполагает не только расширение перечня инструментов, но и повышение качества процедурного регулирования, цифровизацию процессов подачи и сопровождения заявок, унификацию подходов к оценке нуждаемости и эффективности поддержки. В целях повышения эффективности финансово-кредитного механизма представляется необходимым:

1. закрепить на уровне Федерального закона № 209-ФЗ закрытый перечень оснований для отказа в гарантийной поддержке, исключив оценочные критерии (например, «нецелесообразность»);

2. ввести обязательный мониторинг «сквозной» результативности – отслеживание целевого использования средств до конечного бенефициара, включая субсубсидирование;

3. унифицировать региональные программы путём утверждения типового регламента предоставления

микрозаймов, что снизит коррупционные риски и обеспечит равный доступ предпринимателей из разных субъектов РФ.

Реализация указанных мер позволит трансформировать механизм из формально декларируемого в реально работающий инструмент структурной экономической политики

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, финансово-кредитный механизм государственной поддержки малого и среднего предпринимательства представляет собой сложную межотраслевую конструкцию, объединяющую нормы финансового, бюджетного, предпринимательского и административного права, а также соответствующие организационные и экономические инструменты. Его сущность заключается в юридически оформленном перераспределении публичных и привлеченных ресурсов в целях снижения финансовых ограничений предпринимательской деятельности, стимулирования деловой активности и обеспечения структурного развития экономики. Именно поэтому данный механизм следует рассматривать не как совокупность разрозненных мер поддержки, а как единую систему правовых и финансовых средств, в которой эффективность определяется согласованностью нормативной базы, качеством институциональной архитектуры и достижением публично значимого результата.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Список литературы:

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 01.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам в целях возмещения недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», по льготной ставке : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2018 г. № 1764 (ред. от 20.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Сенчагов В. К. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. Москва : Анкил, 2010. 1120 с.
5. Финансы и кредит : учебник / под ред. О. В. Соколовой. 2-е изд. Москва : Магистр : ИНФРА-М, 2020. 912 с.
6. Макарова Л. А. Финансы и кредит : учебное пособие. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. 120 с.
7. Тупчиенко В. А. Государственная экономическая политика : учебное пособие. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 663 с.
8. Юзвович Л. И., Князева Е. Г., Истомина Ю. В. Финансы и кредит : учебное пособие / под ред. Л. И. Юзвович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 280 с.
9. Ермолов Н. С. Принципы финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Финансовое право. 2022. № 8. С. 22–26.
10. Венгеровский Е. Л. Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства: векторы правового обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 39–48.
11. Аксенов В. С., Тараруева А. А. Финансово-кредитный механизм региональной поддержки малого бизнеса // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2010. № 1. С. 121–131.
12. Коротина Н. Ю., Блинов А. О., Бухтиярова Т. И. Механизм финансовой поддержки развития малого и среднего бизнеса // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 96–101.
13. Корпорация МСП. Гарантийная поддержка : официальный сайт. URL: <https://corpmssp.ru/to-business/obespechenie-kreditov-zaumov/> (дата обращения: 10.04.2026).
14. Мой бизнес. Поддержка бизнеса : официальный сайт. URL: <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/support/> (дата обращения: 10.04.2026).

References:

1. On the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation: Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 (as amended on March 8, 2026) // Legal Reference System “ConsultantPlus”.
2. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law No. 145-FZ of July 31, 1998 (as amended on April 1, 2026) // ConsultantPlus.
3. On Approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to Russian Credit Institutions and Specialized Financial Companies to Reimburse Their Lost Income on Loans Issued in 2019–2024 to Small and Medium-Sized Enterprises, as well as to Individuals Applying the Special Tax Regime “Tax on Professional Income”, at a Preferential Rate: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1764 of December 30, 2018 (as amended on July 20, 2023) // ConsultantPlus.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

4. Senchagov V. K. Economics, Finance, Prices: Evolution, Transformation, Security. Moscow: Ankil, 2010. 1120 p.
5. Finance and Credit: Textbook / Ed. by O. V. Sokolova. 2nd ed. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2020. 912 p.
6. Makarova L. A. Finance and Credit: Study Guide. Tambov: Tambov State Technical University Press, 2009. 120 p.
7. Tupchienko V. A. State Economic Policy: Study Guide. Moscow: UNITY-DANA, 2015. 663 p.
8. Yuzvovich L. I., Knyazeva E. G., Istomina Yu. V. Finance and Credit: Study Guide / Ed. by L. I. Yuzvovich. Yekaterinburg: Ural University Press, 2019. 280 p.
9. Ermolov N. S. Principles of Financial Support for Small and Medium-Sized Enterprises // Financial Law. 2022. No. 8. P. 22–26.
10. Vengerovsky E. L. Financial Support for Small and Medium-Sized Enterprises: Vectors of Legal Support // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2018. No. 2. P. 39–48.
11. Aksenov V. S., Tararueva A. A. Financial and Credit Mechanism of Regional Support for Small Business // Bulletin of RSUH. Series: Economics. Management. Law. 2010. No. 1. P. 121–131.
12. Korotina N. Yu., Blinov A. O., Bukhtiyarova T. I. Mechanism of Financial Support for the Development of Small and Medium-Sized Businesses // Society and Power. 2016. No. 5 (61). P. 96–101.
13. SME Corporation. Guarantee Support: official website. URL: <https://corpmsp.ru/to-business/obespechenie-kreditov-zaymov/> (accessed: 10.04.2026).
14. My Business. Business Support: official website. URL: <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/support/> (accessed: 10.04.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашин Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права; СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»; г. Краснодар, Россия; e-mail: avdashin@mail.ru

Шайгуманова Венера Николаевна, студент 2 курса магистратуры Института права; ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»; г. Самара, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dashin Alexey Viktorovich, Doctor of Laws, Associate Professor, Professor of the Department of International Law; North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev; Krasnodar, Russia; e-mail: avdashin@mail.ru

Shaygumanova Venera Nikolaevna, 2nd year Master's student of the Institute of Law; Samara State University of Economics; Samara, Russia

Материал поступил в редакцию: 26 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 07 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Дашин А. В., Шайгуманова В. Н.

Научная статья

УДК/UDC 351.74, 341.24

ББК 67.401

5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЯ, ПОРЯДОК И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Капустин Валерий Валентинович¹¹ филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ законодательства стран-участников Содружества Независимых Государств (СНГ), регулирующего применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. Исследуются основания, условия и порядок применения указанных мер в государствах-участниках СНГ, выявляются ключевые различия в степени формализации правового регулирования и уровне дискреционных полномочий указанных сотрудников. Делается вывод о том, что применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия рассматривается как исключительная мера, привязанная к законным основаниям и служебной необходимости. Несмотря на общее происхождение исследуемых правовых систем, их современное регулирование в некоторых аспектах различается. Российская модель правового регулирования характеризуется высоким уровнем юридической формализации и стремлением ограничить усмотрение сотрудников полиции, применяющих подобные меры принуждения. В качестве положительного опыта для России из опыта других стран-участниц СНГ можно отметить усиление гарантий обеспечения законности путем осуществления обязательного служебного расследования каждого случая применения мер принуждения с обязательной передачей итогов проверки в надзорный орган; чёткая фиксация критериев правомерности; разграничение законности и правомерности применения исследуемых мер; дифференциация ответственности за незаконное применение подобных мер и неправомерное; устранение терминологического разграничения «применения» и «использования» огнестрельного оружия. Реализация данных направлений в Российской Федерации позволит укрепить законность и повысить уровень общественного доверия к применению мер принуждения, обеспечивая при этом правовую защиту сотрудников органов внутренних дел и сохраняя оперативную гибкость, необходимую для сотрудников полиции, которые действуют в экстремальных условиях и вынуждены принимать решения в быстро меняющейся и опасной обстановке.

Ключевые слова: сравнительно-правовой анализ, основания, порядок, правомерность, пределы правомерности, применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, сотрудник органов внутренних дел.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PROVISIONS OF THE LEGISLATION OF THE MEMBER COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES REGULATING THE GROUNDS, PROCEDURE AND LIMITS OF THE USE OF PHYSICAL FORCE, SPECIAL MEANS AND FIREARMS BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Kapustin Valery Valentinovich¹

¹ Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract

The article provides a comparative analysis of the legislation of the member countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) regulating the use of physical force, special equipment and firearms by law enforcement officers. The author examines the grounds, conditions and procedure for the application of these measures in the CIS member states, identifies key differences in the degree of formalization of legal regulation and the level of discretionary powers of these employees. It is concluded that the use of physical force, special means, and firearms is considered an exceptional measure based on legitimate grounds and official necessity. Despite the common origin of the legal systems under study, their modern regulation differs in some aspects. The Russian model of legal regulation is characterized by a high level of legal formalization and a desire to limit the discretion of police officers who use such coercive measures. As a positive experience for Russia from the experience of other CIS member countries, it can be noted the strengthening of guarantees for ensuring legality through the implementation of mandatory internal investigations of each case of the use of coercive measures with the mandatory transfer of audit results to the supervisory authority; a clear definition of the criteria of legality; differentiation of legality and legality of the application of the measures under investigation; differentiation of responsibility for the illegal use of such measures and unlawful elimination of the terminological distinction between the "use" and "utilization" of firearms. This approach will increase the legality and public confidence in the use of coercive measures, while maintaining the operational flexibility required by a police officer operating in extreme conditions and forced to make decisions in a rapidly changing dangerous environment.

Keywords: comparative legal analysis, grounds, procedure, legality, limits of legality, use of physical force, special means, firearms, employee of the internal affairs bodies.

ВВЕДЕНИЕ

Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции представляет собой одну из наиболее «чувствительных» сфер правового регулирования, напрямую затрагивающую баланс между обеспечением общественной безопасности и защитой прав

человека. Страны постсоветского пространства, включая Россию, имеют общие историко-правовые корни, однако, их национальные правовые системы после распада СССР эволюционировали по различным траекториям, что особенно заметно в регулировании применения мер принуждения. Цель данной статьи – провести анализ сходств и различий в правовом

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

регулировании применения
специальных мер
административного принуждения
(физической силы, специальных
средств и огнестрельного оружия) по
трем основным критериям:
основания для применения, порядок
и пределы применения указанных
мер. Также необходимо определить
положительный опыт, который
может быть использован для
совершенствования
законодательства Российской
Федерации в данной области.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данной работы были
применены общенаучные и частно-
научные методы исследования.
Методы анализа и синтеза позволили
провести анализ положений
законодательства действующих
государств-участников СНГ по
состоянию на 2026 год,
регламентирующих основания
применения, порядок и условия
применения физической силы,
специальных средств и
огнестрельного оружия.
Сравнительно-правовой метод
позволил провести сопоставление
указанных положений
законодательства, выявить сходства
и различия в правовом
регулировании применения
специальных мер
административного принуждения,
выявить положительный опыт,
который можно использовать в
качестве направления
совершенствования
законодательства Российской

Федерации. Материалами
исследования выступили
нормативные правовые акты, в
которых предусмотрены основания
применения, условия и порядок
применения физической силы,
специальных средств и
огнестрельного оружия Российской
Федерации, Азербайджанской
Республики, Республики Беларусь,
Республики Казахстан, Кыргызской
Республики, Республики
Таджикистан, Республики
Узбекистан.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Применение физической силы,
специальных средств и
огнестрельного оружия
сотрудниками полиции является
одной из наиболее важных и
«чувствительных» сфер правового
регулирования, которая напрямую
связана, с одной стороны, с
обеспечением общественной
безопасности и, с другой стороны,
защитой прав человека. Страны
постсоветского пространства,
включая Россию, имеют общие
историко-правовые корни, но их
национальные правовые системы
после распада СССР развивались по-
разному, что также заметно в
регулировании применения мер
принуждения.

Модельный закон «О полиции
(милиции)» Межпарламентской
Ассамблеи государств-участников
СНГ от 7 декабря 2002 года
(постановление № 20-12) стал одним
из ключевых концептуальных
ориентиров при разработке

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

национальных законов о полиции в странах СНГ [1], включая Российскую Федерацию, который направлен на унификацию законодательства в сфере охраны правопорядка. Хотя многие положения данного модельного закона (цели, принципы деятельности) схожи с положениями национальных законов стран СНГ, последние представляют собой самостоятельные нормативные акты, адаптированные под правовые системы указанных государств.

Следует отметить, что во всех анализируемых в тексте данной статьи законах применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия трактуется как исключительная мера, строго привязанная к законным основаниям, связанным со служебной необходимостью, ограниченная соответствующими пределами. Общий подход к регулированию применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сочетает «казуистический метод» (строгий закрытый перечень конкретных оснований и случаев) с четко прописанной «процедурой действий» (предупреждение, оказание медицинской помощи, доклад руководству и т.д.), но в то же время допускает гибкость в оценке пределов применения данных мер через оценочные категории «обстановка», «характер посягательства», «степень опасности» или «угроза жизни»,

«стремление к минимизации ущерба». Иными словами, закон дает применяющему исследуемые меры сотруднику полиции, точный список случаев «когда можно» и «как действовать», но оставляет место для оценки обстановки на месте, чтобы не «сковывать» его в экстремальной и быстроразвивающейся ситуации реальной опасности.

В ходе анализа оснований для применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия было выявлено, что законодательство стран-участниц СНГ содержит различные уровни детализации соответствующих положений. В Модельном законе «О полиции (милиции)» [1], законах Российской Федерации [2], Таджикистана [3] и Узбекистана [4] общие и специальные основания для применения соответствующих мер (физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия) достаточно дифференцированы. Общее основание формулируется как «применение в случаях и порядке, предусмотренных законом(и)», конкретные основания для применения соответствующих мер предусмотрены в отдельных статьях, что упрощает работу правоприменителя, позволяя ему более точно оценивать ситуацию и выбирать необходимые меры. В частности, в статье 29 главы 4 Модельного закона [1] предусмотрено общее основание для применения соответствующих мер –

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

«в порядке и в случаях, предусмотренных данным законом», с конкретными основаниями для применения отдельных мер, которые указаны в статьях 30, 31 и 32. В Российской Федерации (ФЗ «О полиции», глава 5, часть 1 статьи 18) [2] общие основания определены, как «в случаях и порядке, предусмотренных федеральными конституционными законами, ФЗ «О полиции» и другими федеральными законами», а конкретные основания указаны в статьях 20, 21 и 23. В Таджикистане (Закон № 41 от 17.05.2004, глава 4, статья 13) [3] общие основания для применения исследуемых мер принуждения включают «случаи и порядок, предусмотренные данным законом», с конкретными основаниями, указанными в статьях 14 и 15. В Узбекистане (Закон № ЗРУ-407 от 16.09.2016, глава 5, статья 21) общие основания для применения закона также включают «случаи и порядок, предусмотренные законом», с конкретными основаниями, указанными в статьях 22, 23 и 24 [4]. Менее детальный подход наблюдается в Азербайджане (Закон № 727-IQ от 28.10.1999, глава III, статьи 26 и 27) [5], где объединены общие и специальные основания, порядок и условия применения и общим основанием применения исследуемых мер выступает наличие определённого в законе случая при одновременном невыполнении законных требований полицейского.

В Беларуси [6], Кыргызстане [7] и Казахстане [8], несмотря на то, что также предусмотрены конкретные основания для применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, представляет интерес подход законодателя к определению общего основания. Так, в Беларуси (Закон № 263-З от 17.07.2007, глава 5, статья 26) [6] – это выполнение задач по защите жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, с конкретными основаниями в статьях 27, 28 и 29. В Казахстане (Закон «О правоохранительной службе», глава 8, статья 59) [8] – прекращение общественно опасных деяний, задержание и доставление лиц в правоохранительные органы, с конкретными основаниями в статьях 60 и 61. В Кыргызстане (Закон № 102 от 25.07.2019, глава 7, статья 38) [7] основания – условия, при которых несиловые способы не обеспечивают выполнения обязанностей по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства, для предотвращения и пресечения преступлений, охраны общественного порядка, собственности, обеспечения общественной безопасности и предупреждения угроз национальной безопасности, с конкретными основаниями, предусмотренными в

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

статьях 41, 43 и 46. Интересно, что в Казахстане [8] законодательство подробно регламентирует не только общие основания применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, но и детально описывает правовые основы такого применения, цели, требования, основания для применения, ограничения, законность применения, порядок уведомления, служебное расследование и контроль за соблюдением законности при использовании указанных мер.

Проведенный сравнительный анализ норм, регулирующих основания применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в модельном законе «О полиции (милиции)» и в законодательстве государств-участников СНГ, показывает высокую степень унификации подходов к регулированию данного вопроса. Основной целью регламентации указанных оснований является обеспечение законности и осуществление контроля за действиями сотрудников правоохранительных органов. В свою очередь, под законностью применения мер, о которых идет речь, А.И. Каплунов справедливо понимает соответствие фактических действий сотрудников полиции требованиям административного законодательства, регулирующего основания, цели, порядок и условия применения физической силы,

специальных средств и огнестрельного оружия [9, с. 92].

Следовательно, требования к законному применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия включают соблюдение не только описанных в законе оснований, но и порядка, пределов их применения, предусмотренных в административном законодательстве. Как отмечает Э. Х. Мамедов, законность применения мер административного принуждения обеспечивается чётким формулированием в законе оснований, целей, порядка, условий и пределов их применения [10, с. 25]. Так, для того чтобы сделать вывод о законности применения соответствующих мер, необходимо также соблюсти определённую процедуру как до, так и после их применения. Анализ положений модельного закона и законодательства стран СНГ показал, что в них, как правило, присутствуют следующие общие элементы порядка применения исследуемых мер принуждения: предварительное уведомление о применении меры принуждения, за исключением экстренных случаев; неотложная медицинская помощь пострадавшим; оперативный доклад руководству; уведомление прокурора и родственников в случае причинения вреда жизни или здоровью; сохранение места происшествия в необходимых случаях.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Представляется, что наиболее детальные требования к порядку применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия содержатся в законодательстве Российской Федерации [2], Кыргызской Республики [7] и Азербайджанской Республики [5]. В законодательстве Республики Таджикистан [3] и Республики Казахстан [8] регулирование порядка применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия носит менее детальный характер, и акцент делается на базовых этапах без детальной проверки факта применения указанных мер.

В качестве положительного аспекта следует отметить, что в Российской Федерации установлены чёткие сроки для предоставления отчёта руководству, а также для уведомления родственников и контролирующих органов в соответствии со статьёй 19 Федерального закона «О полиции» [2]. В Кыргызской Республике [7] регламентирование исследуемых мер также имеет ряд положительных аспектов. В частности, в соответствии со статьёй 39, в случаях, связанных с причинением вреда здоровью, смертью или ущербом, а также при наличии жалоб, проводится обязательное служебное расследование и реализуется прокурорский надзор. Уполномоченные лица проводят служебное расследование и составляют заключение о

правомерности действий. В случае выявления нарушений копия заключения направляется в прокуратуру, которая рассматривает жалобу по месту её подачи.

Однако больший интерес представляют положения законодательства Азербайджана [5], согласно которым проводится служебное расследование каждого без исключения случая применения рассматриваемых мер принуждения. В частности, в пункте VII статьи 26 рассматриваемого закона [5] указано, что в случае применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, в соответствующем органе полиции должно быть проведено служебное расследование и выдано соответствующее заключение о законности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Представляется, что подобное требование, с одной стороны, увеличивает нагрузку на контрольные органы, но в то же время выступает эффективным средством в обеспечении законности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия.

В ходе сопоставления законодательства стран-участников СНГ можно заметить, что терминология регулирования применения огнестрельного оружия различаются в законодательстве различных стран постсоветского

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

пространства. Так, в статьях 32 и 33 модельного закона «О полиции (милиции)» Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ [1], а также в статье 29 Закона Республики Беларусь «О милиции» [6], статье 15 Закона Республики Таджикистан «О полиции» [3] проводится чёткое разграничение между «применением» и «использованием» огнестрельного оружия, закрепляя соответствующие понятия в правовом поле административного

законодательства. Под «применением» подразумевается производство выстрела из оружия по человеку, в то время как «использование» подразумевает производство выстрела (выстрелов) из оружия для иных целей, не связанных с выстрелом по человеку (подача сигнала тревоги и т.д.). В свою очередь, в Федеральном законе Российской Федерации [2], Законе Республики Казахстан [8], а также Законе Республики Азербайджан [5] подобного терминологического разделения не предусмотрено, что приводит к более широкому пониманию выражения «применение огнестрельного оружия». Отсюда видно, что в национальных правовых системах наблюдается вариативность в терминологии, используемой для описания полномочий по применению огнестрельного оружия.

Следующим критерием анализа являются пределы применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в

законодательстве стран-участников СНГ. Проведенное сравнительное сопоставление показывает, что критерии правомерности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в модельном законе «О полиции (милиции)» и национальных законодательствах государств-участников СНГ в большей мере унифицированы. Обобщение этих критериев свидетельствует о том, что они включают в себя: обязательное соответствие мер принуждения сложившейся обстановке, силе сопротивления, характеру и степени общественной опасности действий правонарушителя, а также личности последнего; стремление к минимизации причиненного вреда; освобождение сотрудника от ответственности за вред, причиненный при законном применении мер в случаях и порядке, установленных законом, а также установление ответственности за превышение полномочий или применение мер с нарушением пределов правомерности в соответствии с действующим законодательством.

В законодательстве Российской Федерации [2] и Кыргызской Республики [7] наиболее подробно и системно сформулированы критерии правомерности действий сотрудников правоохранительных органов. В этих странах уделяется особое внимание минимизации возможного ущерба и предусмотрена

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ответственность за превышение полномочий. Такой подход обеспечивает баланс между необходимостью эффективного выполнения служебных обязанностей сотрудниками полиции и защитой прав и свобод граждан. Это соответствует принципам постсоветской правовой традиции, которая основана на законности, соразмерности и гуманизации мер государственного принуждения. В то же время, в законодательстве Республики Таджикистан [3] регулирование данного вопроса является менее подробным, и правомерность действий сотрудников правоохранительных органов определяется с большим объемом полицейского усмотрения.

В модельном законе требование о правомерности действий сформулировано достаточно гибко, и указано, что «сотрудник обязан стремиться к тому, чтобы минимизировать ущерб, причинённый правонарушителю». При оценке правомерности действий учитываются такие факторы как: сложившаяся обстановка, характер правонарушения, личность правонарушителя и степень оказываемого им сопротивления. Следует отметить, что данный закон фактически проводит разграничение между «незаконными» и «неправомерными» действиями, однако не содержит прямого определения этих понятий. К нарушению законности относится применение сотрудником полиции

физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в случаях, не предусмотренных законодательством, к нарушению правомерности – их применение с превышением границы необходимости, что влечёт за собой ответственность в соответствии с действующим законодательством.

В соответствии с частью 3 статьи 19 Федерального закона «О полиции», как и в модельном законе, условия правомерности применения физической силы, специальных средств и оружия сформулированы достаточно гибко и не связаны с результатом применения мер принуждения. Они касаются ответных действий сотрудника полиции и предполагают, что он должен действовать с учётом обстановки, характера и степени опасности поведения лица, а также силы сопротивления, стремясь минимизировать ущерб. Также в статье 18 указано, что превышение полномочий при применении физической силы, специальных средств или оружия влечёт ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации [2]. В то же время, данный закон не устанавливает разграничения ответственности за нарушения законности или правомерности, а устанавливает правило, согласно которому сотрудник полиции не несёт ответственности за вред, причинённый при законном применении мер в соответствии с

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

основаниями и порядком, определёнными Федеральным конституционным законом, Федеральным законом «О полиции» и другими федеральными законами.

В статье 39 закона Кыргызской Республики [7], аналогично положению, закреплённому в законе РФ «О полиции», указано, что сотрудник при применении физической силы, специальных средств, оружия, вооружения и боевой техники должен учитывать создавшуюся обстановку, характер и степень опасности действий лиц, в отношении которых применяются эти меры, а также характер и силу оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник обязан стремиться к минимизации любого ущерба. Кроме того, как указывали ранее, в статье 54 кыргызского акта [7] законом вводится термин «правомерность» и отмечается, что сотрудник не несет ответственность за любой вред, причиненный физическим или юридическим лицам в результате применения физической силы, специальных средств, оружия, вооружения и боевой техники, если их применение было осуществлено с соблюдением порядка, установленного настоящим Законом.

В статье 26 Закона Азербайджана [5] критерий правомерности применения мер, связанных с использованием физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, определяется следующим образом: применение указанных мер должно

быть соразмерно возникшей опасности. При этом лишение жизни человека в случае крайней необходимости не может быть расценено как нарушение права на жизнь. В пункте VIII статьи 26 Закона Азербайджана [5] установлено, что сотрудник полиции, применивший физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие незаконно, несёт ответственность в соответствии с законодательством Азербайджанской Республики. Важно отметить, что в данном контексте используется непосредственно формулировка «незаконное применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия».

С учетом положений статьи 26 закона Беларуси [6] правомерность определяется с учетом складывающейся обстановки, характера преступления, административного правонарушения и личности правонарушителя. Сотрудник органов внутренних дел должен действовать, стремясь причинить наименьший вред жизни, здоровью, чести и достоинству граждан, имуществу граждан и организаций, государственному имуществу. В настоящей статье закона Беларуси отмечается, что сотрудник органов внутренних дел не несет ответственности за вред, причиненный в результате применения указанных мер, если они осуществлялись в соответствии с требованиями настоящего Закона.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Применение подобных мер с нарушением требований законодательства влекут ответственность, установленную законодательными актами [6].

В статье 59 закона Республики Казахстан [8] также устанавливаются критерии правомерности, которые применяются с учётом характера правонарушений и конкретных обстоятельств. В статье 60 эти критерии конкретизируются, и указывается, что вид специального средства, начало его применения и интенсивность использования определяются с учётом сложившейся ситуации, характера правонарушения и личности нарушителя. В части 6 статьи 62 закона Республики Казахстан [8] говорится, что применение огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы сотрудниками с превышением полномочий влечёт за собой ответственность, предусмотренную законодательством.

В соответствии со статьей 13 закона Таджикистана [3], в ситуациях, предусмотренных настоящим законом, правомерность действий сотрудника милиции определяется исходя из сложившейся обстановки и по его усмотрению. Во всех случаях, когда избежать применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия невозможно, сотрудник милиции обязан стремиться причинить наименьший

моральный, имущественный и физический вред.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что правовые системы стран СНГ имеют общее происхождение, их современное регулирование применения специальных мер административного принуждения имеет некоторые различия. Российская модель характеризуется высоким уровнем юридической формализации и стремлением ограничить право сотрудников полиции на усмотрение. Однако законодательство других стран-участниц СНГ также содержит интересные положения, которые могут быть рассмотрены в качестве возможных направлений совершенствования российской модели административно-правового регулирования применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Исходя из проведённого сравнительного анализа законодательства модельного закона «О полиции (милиции)» и национальных законов государств-участников СНГ, можно выделить несколько положительных моментов в части усиления гарантий обеспечения законности, которые целесообразно учитывать при совершенствовании российского регулирования применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия: осуществление обязательного

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

служебного расследования каждого случая применения мер принуждения с обязательной передачей итогов проверки в надзорный орган; чёткая фиксация критериев правомерности; разграничение законности и правомерности применения исследуемых мер; дифференциация ответственности за незаконное применение подобных мер и неправомерное; устранение терминологического разграничения

«применения» и «использования» огнестрельного оружия.

Таким образом, эти меры помогут повысить обеспечение законности применения исследуемых мер принуждения, сохранив оперативную гибкость, необходимую для сотрудников полиции, которые действуют в экстремальных условиях и вынуждены принимать решения в быстро меняющейся и опасной обстановке.

Список литературы:

1. Модельный закон «О полиции (милиции)» Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 7.12.2002 (постановление № 20-12) «О полиции (милиции)» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 20.05 2026).
2. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
3. О милиции: закон Республики Таджикистан от 17.05. 2004 № 41 // ИС Континент URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30545639 (дата обращения: 20.01 2026).
4. Об органах внутренних дел: закон Республики Узбекистан от 16.09. 2016 № ЗРУ-407 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.11.2024 г.) // ИС Континент URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=35547287 (дата обращения: 20.01 2026).
5. О полиции: закон Азербайджанской Республики от 28.10. 1999 № 727-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.12.2023 г.) // ИС Континент URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30602031 (дата обращения: 20.01 2026).
6. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 17.07. 2007 № 263-З // ИС Континент URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30548533 (дата обращения: 20.01 2026).
7. О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики: закон Кыргызской Республики от 25.07.2019 № 102 // Министерство юстиции Кыргызской Республики: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-2758/edition/24683/ru> (дата обращения: 20.01 2026).
8. О правоохранительной службе: закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.04.2026 г.). // ИС Континент URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30916594 (дата обращения: 20.01 2026).
9. Каплунов А.И. Об оценке субъектами контроля и надзора законности и правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия // Вестник ННГУ. 2022. № 6. С. 91-97.
10. Мамедов Э.Х. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.14. – Санкт-Петербург, 2020. 33 с.

References:

1. Model Law "On Police (Militia)" of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS of 7.12.2002 (Resolution No. 20-12) "On Police (Militia)" // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/> (date of access: 20.05 2026).

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

2. On Police: Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ (latest revision) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Article 900.
3. On the Police: Law of the Republic of Tajikistan dated 17.05.2004 No. 41 // IS Continent URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30545639 (accessed: 20.01 2026).
4. On Internal Affairs Bodies: Law of the Republic of Uzbekistan dated 16.09.2016 No. ZRU-407 (with amendments and additions as of 29.11.2024) // IS Continent URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=35547287 (accessed: 20.01 2026).
5. On the Police: Law of the Republic of Azerbaijan dated 28.10. 1999 No. 727-IQ (with amendments and additions as of 12/22/2023) // IS Continent URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30602031 (date of access: 01/20/2026).
6. On the Internal Affairs Bodies of the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus of July 17, 2007, No. 263-Z // IS Continent URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30548533 (accessed on January 20, 2026).
7. On Service in Law Enforcement Bodies of the Kyrgyz Republic: Law of the Kyrgyz Republic of July 25, 2019, No. 102 // Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-2758/edition/24683/ru> (accessed on January 20, 2026).
8. On law enforcement service: Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2011 No. 380-IV (with amendments and additions as of April 15, 2026). // IS Continent URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30916594 (date of access: January 20, 2026).
9. Kaplunov A.I. On the assessment by control and supervision entities of the legality and legitimacy of the use of firearms by police officers // Bulletin of UNN. 2022. No. 6. Pp. 91-97.
10. Mamedov E.Kh. Ensuring the legality of the use of administrative coercion measures by the police: dissertation for the degree of candidate of legal sciences in specialty 12.00.14. - St. Petersburg, 2020. 33 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Капустин Валерий Валентинович, заместитель начальника кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки; Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России; г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: valerij.kapustin.73@mail.ru; SPIN-код: 3696-3890

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kapustin Valery Valentinovich, Deputy Head of the Department of Tactical, Special, Fire, and Physical Training; Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; St. Petersburg, Russia; e-mail: valerij.kapustin.73@mail.ru; SPIN-code: 3696-3890

Материал поступил в редакцию: 24 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 09 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Капустин В. В.

Научная статья

УДК/UDC 343.9

ББК 67.76

5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

ЛИЦА, УПОЛНОМОЧЕННЫЕ НА СОВЕРШЕНИЕ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Власенко Алина Александровна¹

¹ временно исполняющий обязанности нотариуса Краснодарского нотариального округа
Одинцовой Назани Алексеевны

Аннотация

В рамках данной статьи автор акцентирует внимание на лицах, которые в силу прямого указания в законе при наличии определенных обстоятельств имеют право совершать некоторые нотариальные действия. Зачастую современный человек находится в таких ситуациях, когда фактически не может обратиться к нотариусу, например, моряк будучи в дальнем плавании; подводник, находящийся на подводной лодке и т.п. Однако в любой момент может потребоваться совершение нотариального действия, например, удостоверение завещания. Российский законодатель обозначил возможность совершения некоторых нотариальных действий не нотариусами, но при этом никак не определил их правовой статус, юридическое положение в рамках нотариальных правоотношений и т.п., что вызывает определенные споры и дискуссии в теоретических основах нотариальной деятельности.

Ключевые слова: нотариус, нотариальная деятельность, заверение, капитан судна, капитан подводной лодки, правовой статус, правовое положение, нотариальное действие.

PERSONS AUTHORIZED TO PERFORM NOTARIAL ACTIVITIES: PROBLEMS OF DETERMINING LEGAL STATUS

Vlasenko Alina Aleksandrovna¹

¹ Acting notary of the Krasnodar Notary District of Odintsovo Nazani Alekseevna

Abstract

In this article, the author focuses on individuals who, due to a direct reference in the law, have the right to perform certain notary actions under certain circumstances. In today's world, individuals often find themselves in situations where they cannot access a notary, such as sailors on long voyages, submariners on submarines, and others. However, there may be instances where a notary action is required, such as the certification of a will. The Russian legislator has indicated the possibility of performing certain notarial actions by non-notaries, but has not defined their legal status, legal provisions within the framework of notarial legal relations, etc., which has led to certain disputes and discussions in the theoretical foundations of notarial activity.

Keywords: notary, notary activity, certification, ship captain, submarine captain, legal status, legal position, notary action.

ВВЕДЕНИЕ

В современной теории между исследователями ведутся активные споры как о самих лицах, которые в силу закона приравнены к нотариусам, так и о совершенных ими нотариальных действиях. Так, Воронов А.Ф., Аргунов В.В. пишут, что действия, совершенные лицами, приравненными к нотариусам, нельзя считать нотариальными, что они также должны определяться как «действия, приравненные к нотариальным» [1].

Ярошенко Т.В. придерживается схожей точке зрения и указывает на необходимость внесения ясности в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [2, 3]. Ведь данная проблема правового статуса, по сути, возникает из-за недостатков и пробелов обозначенного нормативно-правового акта. Представляется, что российскому законодателю следует внести уточнения в данный закон и закрепить именно основы правового статуса и правового положения лиц, которые наделены правом осуществлять нотариальные действия при отсутствии возможности обратиться к нотариусу.

Отметим, что на практике даже нотариально удостоверенные завещания регулярно оспариваются заинтересованными лицами в судебном порядке. Приведем примеры из практики, где оспаривалось завещание, которое было удостоверено лицом, приравненным к нотариусу:

-дело № 2-1397/2025 (УИД 50RS0007-01-2024-011088-68)[4];

-дело № 2-508/2024 (УИД 32RS0003-01-2023-002269-11) [5];

-дело № 2-60/2026(2-619/2025) (УИД 52RS0053-01-2025-000950-74) [6];

-дело № 33-8198/2025 (УИД 50RS0035-01-2024-013693-81) [7];

-дело № 2-467/2024(2-3744/2023;)-М-2571/2023 (УИД 52RS0008-01-2023-003312-94) [8];

-дело № 2-357/2024(2-3465/2023;)-М-2293/2023 [9];

-и прочие.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как показывает практика, чаще всего невозможность обратиться к нотариусу возникает у лиц в силу их правоохранительной деятельности и службы – это моряки, военнослужащие, подводники и т.п.

По нашему мнению, право на совершение нотариального действия стоит рассматривать как элемент специального правового статуса лица. Например, капитан судна, находящего в плавании, имеет право на совершение нотариального действия. Такое право возникает в силу его правового положения и занимаемой должности. То есть право на совершение нотариального действия при отсутствии возможности обратиться к нотариусу – это специальное правомочие, элемент правового статуса должностного лица.

Мы не выражаем согласие с теми авторами, как мы указывали

Частно-правовые (цивилистические) науки

выше, которые отрицают отнесение действий, приравнённых к нотариусам, к числу нотариальных. Представляется неправильным градиловать действия на совершенные нотариусами и на совершенные лицами, приравненных к нотариусам. Такой подход может привести к

дискриминации тех лиц, которые были вынуждены обратиться за совершением нотариального действия к лицам, приравненным к нотариусу. Более того, такие действия обладают всеми признаками нотариального действия (см. Рис.1).

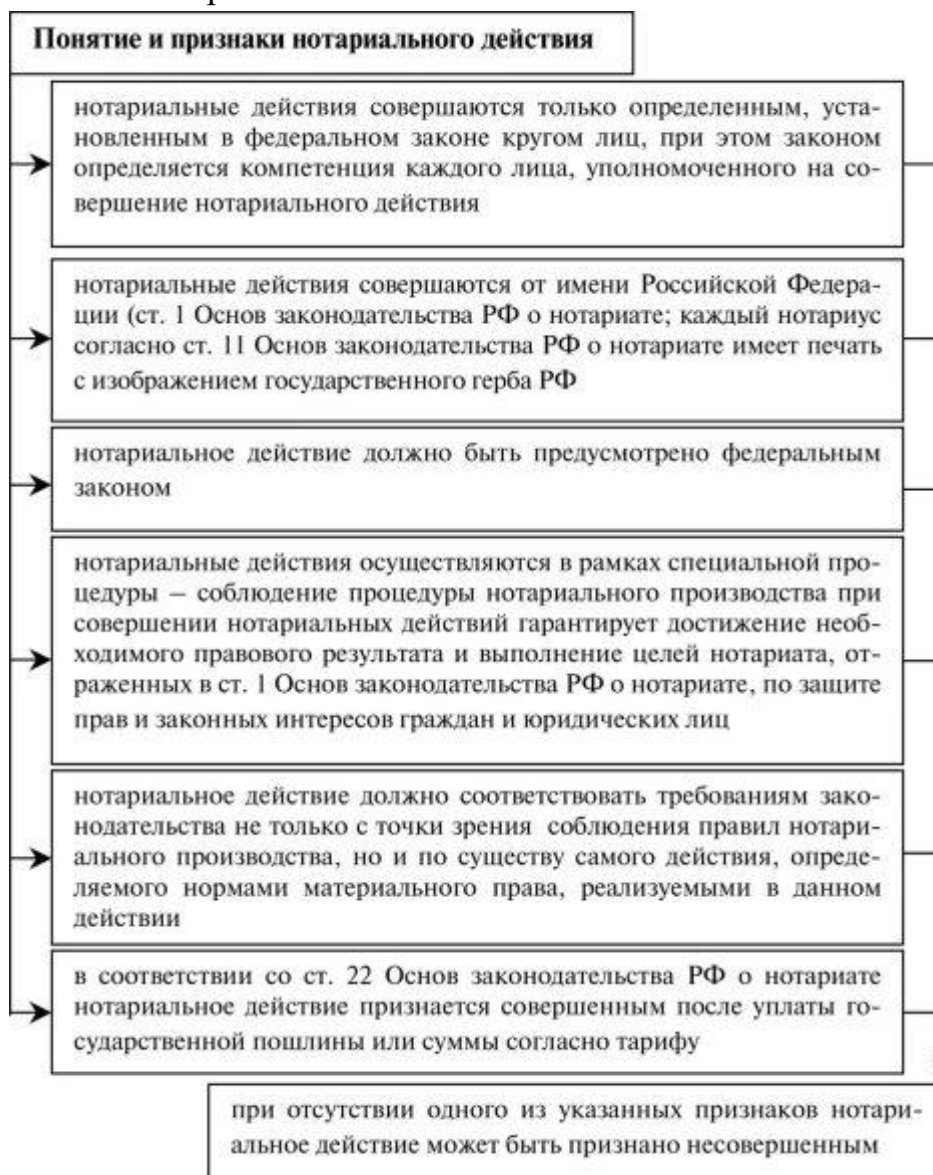

Рис.1. Признаки нотариального действия.

Отметим, что многие из современных исследователей обращают внимание на необходимость упорядочивания правового положения лиц, которые в силу закона при наличии

Частно-правовые (цивилистические) науки

определенных условий наделяются правом на совершение нотариальных действий.

В частности, данная точка зрения получила выражение в научных изысканиях следующих российских исследователей: Погосян Е.В., Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, Е.В. Кожевина, Бриллиантов А.В., Скляр С.В., Летова Н.В., Курбатов А.Я. и др [10, 11, 12, 13, 14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаем право на совершение нотариального действия рассматривать как элемент специальной правоспособности лица, которое в силу закона наделяется данным правом. Напомним, что к таковым лицам российский законодатель относит следующих:

- начальник, его заместитель по медицинской части, а при их отсутствии старший или дежурный врач госпиталя, санатория и другого военно-лечебного учреждения;

-командир (начальник) воинской части, соединения, учреждения и военно-учебного заведения;

-начальник места лишения свободы;

-руководитель (его заместитель) учреждения социальной защиты населения;

-главный врач, его заместитель по медицинской части или дежурный врач больницы, госпиталя и другого стационарного лечебного учреждения, а также начальник госпиталя, директор или главный врач дома для престарелых и инвалидов;

-капитан судна, плавающего под Государственным флагом РФ;

-начальник разведочной, арктической, антарктической или другой подобной экспедиции, российской антарктической станции или сезонной полевой базы;

-служащий банка, иной кредитной организации, имеющий право принимать к исполнению распоряжения клиента в отношении средств на его счете [11].

Стоит обратить внимание, что перечень данных субъектов является строго закрытым и не подлежит расширительному толкованию, что позволяет упорядочивать нотариальную деятельность, вносить в нее ясность и определенность. Считаем, что установление перечня субъектов, приравненных к нотариусам, очень важно, делает нотариальные услуги доступными даже в условиях чрезвычайной ситуации, в условиях «изолированности» от общества, например, при нахождении лица в морском плавании и т.п.

Список литературы:

1. Воронов А.Ф., Аргунов В.В. Правовая природа и юридическая сила доверенностей и завещаний, приравненных к нотариальным // Нотариальный вестник. 2025. № 4. С. 46 - 54.

Частно-правовые (цивилистические) науки

2. Ярошенко Т.В. Компетенция нотариусов: некоторые проблемные вопросы // Нотариус. 2020. № 8. С. 15 – 16.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Российская газета, № 49, 13.03.1993.
4. Решение Домодедовского городского суда Московской области от 09.06.2025 по делу № 2-1397/2025 (УИД 50RS0007-01-2024-011088-68) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2026).
5. Решение Брянского районного суда Брянской области от 11.10.2024 по делу № 2-508/2024 (УИД 32RS0003-01-2023-002269-11) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2026).
6. Решение Уренского районного суда Нижегородской области от 12.03.2026 по делу № 2-60/2026(2-619/2025) (УИД 52RS0053-01-2025-000950-74) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2026).
7. Апелляционное определение Московского областного суда от 26.02.2025 по делу № 33-8198/2025 (УИД 50RS0035-01-2024-013693-81) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2026).
8. Решение Приокского районного суда города Нижнего Новгорода от 17.07.2024 № 2-467/2024(2-3744/2023;)-М-2571/2023 (УИД 52RS0008-01-2023-003312-94) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2026).
9. Решение Приокского районного суда города Нижнего Новгорода от 01.02.2024 № 2-357/2024(2-3465/2023;)-М-2293/2023// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2026).
10. Погосян Е.В. Доказательства и доказывание в нотариальном процессе: монография. Москва: Статут, 2023. 174 с.
11. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110 - 1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, Е.В. Кожевина и др.; отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.
12. Бриллиантов А.В., Скляр С.В. Об ответственности за злоупотребление полномочиями частными нотариусами // Нотариальный вестник. 2024. № 8. С. 22 - 33.
13. Летова Н.В. Реформа нотариата в России: состояние и перспективы // Нотариус. 2025. № 3. С. 13 - 19.
14. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.

References:

1. Voronov A.F., Argunov V.V. The legal nature and legal force of powers of attorney and wills equated to notarial ones. Notarial Bulletin. 2025. No. 4. pp. 46-54.
2. Yaroshenko T.V. Competence of notaries: some problematic issues // Notary. 2020. No. 8. pp. 15-16.
3. Fundamentals of legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 02/11/1993 No. 4462-1) // Rossiyskaya Gazeta, No. 49, 03/13/1993.
4. The decision of the Domodedovo City Court of the Moscow region dated 06/09/2025 in case No. 2-1397/2025 (UID 50RS0007-01-2024-011088-68) // SPS "ConsultantPlus" (accessed 05/11/2026).
5. Decision of the Bryansk District Court of the Bryansk region dated 11.10.2024 in case No. 2-508/2024 (UID 32RS0003-01-2023-002269-11) // SPS ConsultantPlus (date of application 05/11/2026).

Частно-правовые (цивилистические) науки

6. Decision of the Urensky District Court of the Nizhny Novgorod region dated 03/12/2026 in case No. 2-60/2026(2-619/2025) (UID 52RS0053-01-2025-000950-74) // SPS ConsultantPlus (date of application 05/11/2026).

7. Moscow Regional Court Ruling of Appeal dated 02/26/2025 in case No. 33-8198/2025 (UID 50RS0035-01-2024-013693-81) // SPS "ConsultantPlus" (date accessed 05/11/2026).

8. The decision of the Prioksky District Court of Nizhny Novgorod from 17.07.2024 № 2-467/2024(2-3744/2023;)~M-2571/2023 (UID 52RS0008-01-2023-003312-94) // SPS ConsultantPlus (date of application 05/11/2026).

9. Decision of the Prioksky District Court of Nizhny Novgorod from 01.02.2024 № 2-357/2024(2-3465/2023;)~ M-2293/2023// SPS "ConsultantPlus" (date of application 05/11/2026).

10. Poghosyan E.V. Evidence and proof in the notarial process: monograph. Moscow: Statute, 2023. 174 p.

11. Inheritance law: an article-by-article commentary on Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / R.S. Bevzenko, S.L. Budylin, E.V. Kozhevina et al.; edited by E.Yu. Petrov. Moscow: M-Logos, 2018. 656 p.

12. Diamonds A.V., Sklyarov S.V. On responsibility for abuse of authority by private notaries // Notary Bulletin. 2024. No. 8. pp. 22 - 33.

13. Letova N.V. Reform of the notary in Russia: state and prospects // Notary. 2025. No. 3. pp. 13-19.

14. Kurbatov A.Ya. Business law: problems of theory and law enforcement: monograph. Moscow: Justicinform, 2022. 244 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Власенко Алина Александровна, временно исполняющий обязанности нотариуса Краснодарского нотариального округа Одинцовой Назани Алексеевны; г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vlasenko Alina Alexandrovna, temporarily acting notary of the Krasnodar Notarial District of Одинцова Nazani Alekseevna; Krasnodar, Russia

Материал поступил в редакцию: 23 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 04 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Власенко А. А.

Научная статья

УДК/UDC 347.9

ББК 67.404

5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

ПРЕДЕЛЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ИМУЩЕСТВО ДОЛЖНИКА-БАНКРОТА И КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ОРГАНИЗАЦИИ: СООТНОШЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И КОНКУРСНОГО ПРОЦЕССА

Емельянова Елизавета Андреевна¹¹ *Администрация муниципального образования город Краснодар*

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа норм законодательства об исполнительном производстве и законодательства о банкротстве в части установления особенностей обращения взыскания на имущество должника после введения в отношении него процедур, применяемых в деле о банкротстве, а также на имущество контролирующих должника лиц. Исследован вопрос соотношения исполнительного производства и конкурсного процесса как функционально взаимосвязанных правовых институтов. Сделан вывод о том, что процедура банкротства допускает индивидуальное исполнение требований взыскателя в рамках исполнительного производства лишь в строго ограниченных пределах, предопределенных действием конкурсного иммунитета. Рассмотрены отдельные проблемы правового регулирования, возникающие в случаях взаимодействия исполнительного производства и процедуры банкротства, а также предложены некоторые направления совершенствования законодательства, позволяющие более четко определить пределы соотношения указанных правовых механизмов.

Ключевые слова: обращение взыскания на имущество, меры принудительного исполнения, исполнительное производство, банкротство, конкурсный иммунитет, реализация имущества, конкурсное производство.

LIMITS OF FORECLOSURE ON THE PROPERTY OF A BANKRUPT DEBTOR AND CONTROLLING PERSONS OF AN ORGANIZATION: THE RELATIONSHIP BETWEEN ENFORCEMENT AND BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Emelyanova Elizaveta Andreevna¹¹ *Administration of the municipal formation of the city of Krasnodar*

Abstract

This article presents the results of a comparative analysis of the provisions of enforcement and bankruptcy legislation, as they relate to the specifics of foreclosure on a debtor's property after bankruptcy proceedings have been instituted, as well as on the property of persons controlling the debtor. The relationship between enforcement proceedings and bankruptcy proceedings as functionally interrelated legal institutions is examined. It is concluded that bankruptcy proceedings permit the individual enforcement of a creditor's claims within the framework of enforcement proceedings only within strictly limited limits, predetermined by the application of bankruptcy immunity. Specific legal regulation issues arising in cases of interaction between enforcement proceedings and bankruptcy proceedings are examined, and several areas for legislative improvement are proposed to more clearly define the limits of the relationship between these legal mechanisms.

Keywords: foreclosure on property, compulsory enforcement measures, enforcement proceedings, bankruptcy, bankruptcy immunity, sale of property, bankruptcy proceedings.

ВВЕДЕНИЕ

Исполнительное производство и процедура банкротства на первый взгляд представляют собой настолько различные правовые институты, что сама постановка вопроса об их сопоставлении может показаться спорной. Между тем они обладают значительным функциональным сходством. Обращение взыскания на имущество должника как мера принудительного исполнения в исполнительном производстве, так и реализация имущества в рамках конкурсного процесса направлены на удовлетворение требований лиц, обязательства перед которыми не были исполнены. Не случайно в научной литературе высказывалась даже позиция о том, что производство по делам о несостоятельности (банкротстве) представляет собой особый вид исполнительного производства [1, с. 69].

Вопросы соотношения исполнительного производства и процедуры банкротства уже становились предметом научного анализа [2, 3], в связи с чем в рамках настоящего исследования не ставится цель их общего сопоставления. Большой интерес, по нашему мнению, представляет исследование пределов их взаимодействия, в частности возможностей задействования механизма принудительного

исполнения после возбуждения дела о банкротстве, допустимых пределов обращения взыскания на имущество должника, признанного несостоятельным или находящегося в процессе банкротства, а также роли судебного пристава-исполнителя в условиях введения процедур банкротства. Эти и некоторые иные вопросы пока не получили должной теоретической проработки.

Актуальность постановки указанных вопросов обусловлена в том числе и сложившейся правоприменительной практикой. Эффективность исполнительного производства по-прежнему остается одной из наиболее существенных проблем системы принудительного исполнения, поскольку количество фактически исполненных имущественных требований не достигает высоких показателей. Так, согласно официальным данным Федеральной службы судебных приставов России, за 2025 г. доля исполнительных производств, требования по которым были исполнены полностью или частично, составила 46,8%, что лишь на 1,1% превышает показатель 2024 г. [4] Представляется, что одной из причин подобной ситуации может являться недостаточность имущества должников для удовлетворения требований взыскателей, если оставить за

Частно-правовые (цивилистические) науки

пределами настоящего исследования проблему сокрытия имущества. На практике указанное обстоятельство нередко оказывается связано с последующим возбуждением дела о банкротстве должника, в рамках которого индивидуальное обращение взыскания на его имущество существенно ограничивается либо становится невозможным вовсе, в связи с чем можно говорить о некоторой «конфронтации» процедуры банкротства и исполнительного производства.

В такой «конфронтации», как правило, приоритет получает процедура банкротства, возбуждение которой влечет приостановление исполнительных производств в отношении должника, а при признании его банкротом – их окончание, что следует из системного толкования ст. ст. 63, 213.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5] (далее – Закон о банкротстве) и ст. ст. 69.1, 96 Федерального закона от 2 октября 2007 г. №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [6] (далее – Закон об исполнительном производстве). Такой правовой режим, трансформирующий общий порядок обращения взыскания в рамках исполнительного производства, в доктрине принято обозначать как конкурсный иммунитет [7, с. 111].

Соответственно, обращение взыскания на имущество должника, начатое до возбуждения дела о банкротстве, по общему правилу дальнейшего развития не получает, за исключением отдельных случаев, прямо предусмотренных законом. Таким образом, процедура банкротства существенно ограничивает возможность индивидуального принудительного исполнения, сохраняя её лишь в строго определенных пределах.

Так, если в отношении должника, впоследствии признанного несостоятельным, возбуждено исполнительное производство и судебным приставом-исполнителем уже осуществляется обращение взыскания на его имущество, процедура банкротства не всегда препятствует дальнейшей реализации соответствующей меры принудительного исполнения, однако допускает это лишь применительно к отдельным категориям имущественных требований (ч. 1 ст. 69.1, ч. 1 ст. 96 Закона об исполнительном производстве). Резонно, по нашему мнению, задаться вопросом, по какому критерию законодатель допускает сохранение индивидуального взыскания вопреки конкурсному иммунитету?

Так, применительно к должнику-гражданину из действия конкурсного иммунитета исключены требования о взыскании алиментов, о возмещении вреда,

Частно-правовые (цивилистические) науки

причиненного жизни или здоровью, об истребовании имущества из чужого незаконного владения (а также об устранении препятствий к владению им или признании права собственности), и, наконец, требования об обращении взыскания на заложенное имущество при наличии предусмотренных законом условий (ипотечное жилье). В отношении должника-организации, находящегося в процессе банкротства, не приостанавливается исполнение по текущим платежам, требованиям о взыскании заработной платы, о взыскании вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, возмещении вреда жизни и здоровью, а также по виндикационным требованиям.

Если попытаться систематизировать установленные законом пределы обращения взыскания на имущество банкротящегося должника, то можно заметить, что исключения из конкурсного иммунитета выделены законодателем по различным критериям. Во-первых, отдельные требования могут быть принудительно исполнены судебным приставом-исполнителем в силу их повышенной социальной значимости. По этому критерию из конкурсного иммунитета исключены требования о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, а также требования о выплате

заработной платы. Во-вторых, продолжающееся обращение взыскания на имущество должника по текущим платежам обусловлено необходимостью поддержания хозяйственной деятельности должника и обеспечения самой процедуры банкротства. В-третьих, после возбуждения дела о банкротстве должника-гражданина сохраняется возможность обратиться взыскание на заложенное жилое помещение, что можно объяснить особым правовым положением залогодержателя, обладающего приоритетом удовлетворения своих требований за счет стоимости предмета залога.

Кроме того, обратим внимание, что из конкурсного иммунитета исключены виндикационные требования, и, по нашему мнению, в данном случае речь идет не столько об исключении из общего правила, сколько о естественном следствии отсутствия у должника права собственности на спорное имущество. Если имущество подлежит истребованию из незаконного владения должника, то оно не должно рассматриваться как часть его конкурсной массы, а потому приостановление исполнения в этой части не требуется.

Вместе с тем сопоставление ч. 1 ст. 69.1 и ч. 1 ст. 96 Закона об исполнительном производстве позволяет обратить внимание на одну особенность законодательного регулирования. В отношении

Частно-правовые (цивилистические) науки

банкротящегося должника-гражданина продолжается исполнение не только виндикационных требований, но и требований о признании права собственности на истребуемое имущество, тогда как применительно к должнику-организации подобное исключение прямо не предусмотрено. На практике виндикационное требование нередко заявляется одновременно с требованием о признании права собственности на спорное имущество, а передача вещи взыскателю зачастую невозможна без предварительного установления принадлежности ему соответствующего права. Распространение конкурсного иммунитета на такие требования представляется необоснованным, поскольку кредиторы должника не могут претендовать на имущество, принадлежащее иному лицу и находящееся во владении должника незаконно. В связи с этим представляется целесообразным распространить исключение, предусмотренное ч. 1 ст. 69.1 Закона об исполнительном производстве, и на случаи исполнения требований о признании права собственности в отношении должника-организации, если такие требования непосредственно связаны с виндикацией имущества.

Хотя законодатель в данном случае, вероятно, мог исходить из того, что требования по спорам, связанным с принадлежностью

имущества, относятся к числу неимущественных, исполнение по которым продолжается и после возбуждения дела о банкротстве [8, с. 125], в связи с чем необходимость специально оговаривать это в законе отсутствовала. На это в целом указывается и в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. №59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве» [9]. Однако подобный подход представляется небесспорным, если учитывать, что требования о признании права собственности сопряжены с фактическим исключением имущества из конкурсной массы должника. В связи с этим на практике могут возникать сложности при решении вопроса о том, должно ли продолжаться исполнение по конкретному требованию после возбуждения дела о банкротстве, тем более что судебная практика не выработала единообразного подхода к определению понятия неимущественных требований.

С учетом действия конкурсного иммунитета устанавливаются и некоторые пределы полномочий судебного пристава-исполнителя при обращении взыскания на имущество банкротящегося должника, в частности, при наложении арестов на имущество. В

Частно-правовые (цивилистические) науки

интересах сохранения конкурсной массы законодатель не только предписывает снять ранее наложенные аресты, но и запрещает судебному приставу-исполнителю налагать новые без разрешения арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве (ч. 3 ст. 69.1, ч. 2-3 ст. 96 Закона об исполнительном производстве).

При применении этих норм проблемным остается решение вопроса о судьбе арестованного имущества, находящегося в общей собственности нескольких лиц, один из которых признан несостоятельным или в отношении одного из которых введена одна из процедур, применяемых в деле о банкротстве. Это касается, в частности, и совместной собственности супругов, один из которых находится в процессе банкротства. Как показывает судебная практика, споры в подобных ситуациях возникают достаточно часто и могут быть связаны, например, со снятием или наложением арестов с имущества, зарегистрированного не за должником, признанного несостоятельным, а за его супругом [10]. Доля супруга-банкрота в совместно нажитом имуществе составляет часть конкурсной массы, потенциально может стать объектом обращения взыскания в деле о банкротстве, поэтому снятие ареста является более чем оправданным. В то же время неясно,

каким образом в такой ситуации должен действовать судебный пристав-исполнитель. Должен ли он снять арест со всего имущества либо только с доли супруга-банкрота? Но тогда кем и в каком порядке эта доля должна быть определена? При этом сам судебный пристав-исполнитель зачастую не располагает сведениями о наличии брачного договора, фактическом режиме имущества супругов и иных обстоятельствах, имеющих значение для разрешения данного вопроса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Представляется, что существующая нормативная неопределенность создает существенные сложности в правоприменительной практике и требует закрепления в Законе об исполнительном производстве специального порядка действий судебного пристава-исполнителя при обращении взыскания на имущество, находящееся в общей собственности, если доля одного из сособственников входит в конкурсную массу должника.

Таким образом, обращение взыскания на имущество должника после введения в отношении него процедур, применяемых в деле о банкротстве, по общему правилу, в рамках исполнительного производства на индивидуальных началах не допускается. После признания гражданина банкротом и введения процедуры реализации

Частно-правовые (цивилистические) науки

имущества последнее включается в конкурсную массу и реализуется уже в особом порядке, отличном от порядка обращения взыскания в исполнительном производстве (гл. VII и ст. ст. 213.26-213.28 Закона о банкротстве). Взыскатель, ранее инициировавший исполнительное производство, приобретает возможность удовлетворения своих требований посредством участия в деле о банкротстве в качестве конкурсного кредитора.

Однако в деле о банкротстве возникает и иная особенность, связанная с возможностью обращения взыскания на имущество контролирующих должника лиц при привлечении их к субсидиарной ответственности. В этом случае кредиторы фактически вновь получают возможность прибегнуть к механизму принудительного исполнения, но уже в отношении имущества лиц, контролировавших должника, что прямо допускается ст. 61.18 Закона о банкротстве.

Представляется достаточно интересным, что в данном случае банкротство, обычно вытесняющее индивидуальное исполнение, напротив, само обращается к механизму принудительного исполнения в интересах кредиторов. Если ранее речь шла о пределах обращения взыскания на имущество должника в условиях действия конкурсного иммунитета, то в данном случае фактически возникают дополнительные возможности удовлетворения

требований за счет имущества контролирующих должника лиц.

По общему правилу обращение взыскания на имущество участников юридического лица по долгам самой организации не допускается, а судебный пристав-исполнитель не вправе по собственному усмотрению обращать взыскание на имущество участников должника-организации. Такое взыскание возможно лишь при наличии специального судебного акта, устанавливающего самостоятельную имущественную ответственность участника организации. Именно таким случаем и выступает привлечение контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в порядке, предусмотренном законодательством о банкротстве.

При этом взыскание средств с контролирующих должника лиц хотя и осуществляется с использованием механизма исполнительного производства, тем не менее сохраняет тесную связь с конкурсным процессом. Денежные средства, взысканные с контролирующего должника лица, подлежат распределению с учетом очередности удовлетворения требований кредиторов, установленной законодательством о банкротстве (ст. 134 Закона о банкротстве), что отличает данный механизм от общего порядка обращения взыскания на имущество.

Частно-правовые (цивилистические) науки

В заключение отметим, что процедура банкротства едва ли может рассматриваться как альтернатива принудительному исполнению, а конкурсный процесс – как альтернатива мерам принудительного исполнения. Соглашаясь с позицией Д.О. Османовой, полагаем, что процедура банкротства занимает по отношению к исполнительному производству не просто самостоятельное, но в определенной степени главенствующее положение [11, с. 35]. Это связано прежде всего с тем, что возбуждение дела о банкротстве должника влечет установление достаточно жестких, охватываемых конкурсным иммунитетом, пределов индивидуального принудительного исполнения и, в частности, обращения взыскания на имущество. Эти пределы могут быть систематизированы в виде перечня следующих последствий для исполнительного производства:

1) приостановления (впоследствии – прекращения) возбужденных в отношении должника исполнительных производств, за исключением исполнения ряда имущественных требований;

2) снятия наложенных судебным приставом-исполнителем ограничений с имущества должника;

3) установления специального порядка обращения взыскания на имущество контролирующих должника лиц, при котором

приоритет регулирования отдается нормам Закона о банкротстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил установить, что соотношение исполнительного производства и конкурсного процесса до настоящего времени остается недостаточно разработанным как в доктрине, так и на уровне правового регулирования. По нашему мнению, требует уточнения перечень имущественных требований, исполнение по которым не приостанавливается после возбуждения дела о банкротстве. В частности, он может быть дополнен требованиями о признании права собственности, если такое требование непосредственно сопряжено с исполнением требования об истребовании имущества из незаконного владения должника, производство по которому не приостанавливается (ч. 1 ст. 96 Закона об исполнительном производстве). Кроме того, дальнейшее совершенствование законодательства представляется возможным в части более детального регулирования особенностей обращения взыскания на имущество, находящееся в совместной собственности супругов, один из которых признан несостоятельным. Отсутствие специальных правил в данной сфере создает значительную правовую неопределенность как для судебного пристава-исполнителя, так и для участников дела о банкротстве.

Частно-правовые (цивилистические) науки

Список литературы:

1. Аверина А. В. Особенности регулирования судопроизводства по делам о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 8(153). С. 64-76.
2. Нахова Е. А. Вопросы соотношения исполнительного производства и процедур несостоятельности (банкротства) // Вестник исполнительного производства. 2017. №2. С. 46-56.
3. Улезко А. С. Банкротство гражданина или исполнительное производство? // Законодательство. 2015. №8. С. 64-70.
4. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2025 году // Федеральная служба судебных приставов России. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyy-doklad-o-rezultatah-deyatelnost-2025 (дата обращения: 16.05.2026).
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №43. Ст. 4190.
6. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
7. Дюженков Н. А. Имущественные иммунитеты в системе права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. №6(167). С. 108-114.
8. Валеев Д. Х. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. "Об исполнительном производстве" (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2013. №3. С. 114-130.
9. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве: Постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. №59 // Вестник ВАС РФ. 2009. №9.
10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.12.2025 № Ф06-7535/2025 по делу № А49-2310/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/efc0b3bf-e5f1-4bad-af02-b3569e49a180> (дата обращения: 18.05.2026).
11. Османова Д. О. Банкротство и исполнительное производство: вопросы корреляции правовых институтов // Юрист. 2021. №5. С. 30-36.

References:

1. Averina A. V. Peculiarities of regulating bankruptcy proceedings // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. T. 18, № 8(153). pp. 64-76.
2. Nahova E. A. Issues of the relationship between enforcement proceedings and insolvency (bankruptcy) procedures // Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva. 2017. №2. pp. 46-56.
3. Ulezko A. S. Bankruptcy of a citizen or enforcement proceedings? // Zakonodatel'stvo. 2015. №8. pp. 64-70.
4. Final report on the results of the activities of the Federal Bailiff Service of Russia in 2025 // Federal Bailiff Service of Russia. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyy-doklad-o-rezultatah-deyatelnost-2025 (date of access: 16.05.2026).
5. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.
6. On Enforcement Proceedings: Federal Law of 02.10.2007 No. 229-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 41. Art. 4849.
7. Dyuzhenkov N. A. Property immunities in the legal system // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2025. №6(167). pp. 108-114.

Частно-правовые (цивилистические) науки

8. Valeev D. H. Commentary on the Federal Law of October 2, 2007 "On Enforcement Proceedings" (continued) // Vestnik grazhdanskogo processa. 2013. №3. pp. 114-130.

9. On some issues of practical application of the Federal Law "On Enforcement Proceedings" in the event of initiation of bankruptcy proceedings: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 23, 2009 No. 59 // Vestnik VAS RF. 2009. №9.

10. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated December 22, 2025 No. F06-7535/2025 in case No. A49-2310/2025 // Kartoteka arbitrazhnyh del. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/efc0b3bf-e5f1-4bad-af02-b3569e49a180> (date of access: 18.05.2026).

11. Osmanova D. O. Bankruptcy and enforcement proceedings: issues of correlation of legal institutions // Yurist. 2021. №5. pp. 30-36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Емельянова Елизавета Андреевна; Администрация муниципального образования город Краснодар; г. Краснодар, Россия; e-mail: elizabet_2002@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Emelyanova Elizaveta Andreevna; Administration of the municipal formation of the city of Krasnodar; Krasnodar, Russia; e-mail: elizabet_2002@list.ru

Материал поступил в редакцию: 24 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 03 мая 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Емельянова Е. А.

Научная статья

УДК/UDC 347.948

ББК 67.76

5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

РОЛЬ НОТАРИУСА В УДОСТОВЕРЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Одинцова Екатерина Сергеевна¹

¹ временно исполняющий обязанности нотариуса Краснодарского нотариального округа
Одинцовой Назани Алексеевны

Аннотация

В рамках данной статьи автор анализирует роль нотариуса в удостоверении доказательств. Отметим, что на современном этапе в практике широко применяются доказательства, которые удостоверяются нотариусами, например, удостоверенные скриншоты страниц в сети Интернет, удостоверенная переписка в мессенджерах, удостоверенная документация и т.п. Такие доказательства широко применяются во всех существующих видах производства – в уголовном, административном, арбитражном, гражданском. То есть мы можем говорить о важной роли нотариуса в доказательственном процессе и в деятельности по формированию доказательственной базы, что делает востребованными услуги нотариуса по удостоверению.

Ключевые слова: нотариус, нотариальное удостоверение, доказательства, удостоверение доказательств, нотариальные услуги, деятельность нотариуса, доказывание, производство.

THE ROLE OF A NOTARY IN CERTIFYING EVIDENCE

Odintsova Ekaterina Sergeevna¹

¹ Acting notary of the Krasnodar Notary District of Odintsovo Nazani Alekseevna

Abstract

In this article, the author analyzes the role of a notary in certifying evidence. It should be noted that at the current stage, evidence that is certified by notaries is widely used in practice, such as certified screenshots of pages on the Internet network, certified correspondence in instant messengers, certified documentation, etc. Such evidence is widely used in all existing types of proceedings, including criminal, administrative, arbitration, and civil proceedings. In other words, we can talk about the important role of the notary in the evidence process and in the formation of the evidence base, which makes the notary's certification services in demand.

Keywords: notary, notarization, evidence, certification of evidence, notary services, notary activities, proof, proceedings.

ВВЕДЕНИЕ

Некоторые доказательства не будут иметь необходимой силы и отвечать требованиям, предъявляемых российским законодателем, пока их не заверит нотариус. Ярким примером

являются копии. Суд оценивает в качестве доказательств только те копии документов, которые заверены нотариусом. Соответственно, нотариус несет ответственность за достоверность сведений, например, что копия

Частно-правовые (цивилистические) науки

соответствует оригиналу. В Российской Федерации отсутствуют государственные нотариусы, но при этом российский законодатель установил ряд должностных лиц, чьё удостоверение в определенных ситуациях может приравниваться к нотариальному. На современном этапе нотариусы выдают доверенности, удостоверяют копии документы, удостоверяют договоры, удостоверяют некоторые электронные виды доказательств, например, скрин-шоты страниц в сети Интернет и т.п.

Отметим, что многие из исследователей указывают именно на обеспечительную функцию нотариуса применительно к доказательствам вне зависимости от вида производства. В частности, такая точка зрения получила выражение в научных изысканиях следующих российских авторов: Никонорова Е.С. [1], Егорова М.Е. [2], Давыдова Н.Ю. [3], Грунтовский И.И., Жук А.П. [4] и др.

Стоит согласиться с позицией А.В. Бегичева, что основной и главной целью нотариального обеспечения доказательств является исключение возможности их утраты, уничтожения, повреждения, непредоставления, без чего нельзя установить истину по делу и вынести справедливое решение [5].

Задачей анализируемого нотариального действия состоит в том, чтобы оперативно и квалифицировано оказать помощь нуждающимся субъектам в

фиксировании доказательств, из которых суд сможет сделать вывод по делу.

А.В. Бегичева также отмечает, что во многом функция нотариуса по удостоверению и обеспечению доказательств схожа с функцией суда [5]. Однако в отличие от суда нотариус не исследует и не оценивает доказательств, а только обеспечивает их. Если суд действует в соответствии с требованиями гражданского процессуального закона, то нотариус в своей деятельности руководствуется положениями двумя основных нормативных правовых актов, а именно:

- Основы законодательства о нотариате [6];

- Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами [7].

Т.В. Ярошенко отмечает, что обеспечение доказательств — очень разноплановая процедура [8]. В порядке обеспечения доказательств нотариус может производить осмотр письменных или вещественных доказательств, осматривать и фиксировать информацию, находящуюся на различных сайтах в Интернете, в социальных сетях, электронной переписке, различных мессенджерах, назначать экспертизу, допрашивать свидетелей и т.д.

Однако стоит отметить, что суд может ставить под сомнения любые виды доказательств, так как

Частно-правовые (цивилистические) науки

оценивать их по своему внутреннему убеждению, ни единое доказательство не имеет для суда заранее установленной силы, что также непосредственно касается нотариально обеспеченных доказательств. Рассмотрим данный аспект на примере гражданского судопроизводства.

Представляется, что исходя из буквального анализа положений части 2 статьи 67 ГПК РФ можно сделать вывод, что обеспеченное нотариусом доказательство может быть поставлено под сомнение судом и даже признано недопустимым доказательством по гражданскому делу.

Кроме того, нотариально обеспеченное доказательство может быть оспорено. Соответственно, следует вывод, что нотариальное обеспечение не усиливает доказательственное значение, а направлено на обеспечение целостности, сохранности доказательства и на возможность его представления в суд.

Нотариально обеспеченное доказательство исследуется и оценивается судом наравне с иными доказательствами по гражданскому делу и не может иметь приоритетного значения перед иной доказательственной базой по делу. Анализ научной и учебной литературы позволил прийти к выводу, что в современной доктрине слабо освещен вопрос о целях и задачах нотариального обеспечения доказательств.

Большинство авторов и исследователей уделяют повышенное внимание самому процессу обеспечения доказательств.

В действующем российском законодательстве предусмотрен допрос свидетеля нотариусом.

Отметим, что далеко не по всем видам споров, рассматриваемых в рамках гражданского процесса, допустимо проводить допрос нотариусам. Вот примеры гражданско-правовых споров, в рамках которых допускается проведения допроса свидетеля нотариусом:

- трудовые споры;
- наследственного характера;
- споры по защите прав потребителей;
- бракоразводные споры;
- споры о взыскании долга;
- споры о взыскании ущерба.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Мы видим, что в силу прямого указания в законе нотариус наделен правом произвести допрос свидетеля и удостоверить его показания. Однако стоит отметить, что допрос нотариусом свидетеля может производиться исключительно на добровольной основе. То есть нельзя принудить или заставить свидетеля явиться к нотариусу и дать показания. Только суд имеет права вызова свидетеля.

Анализ научной и учебной литературы позволил прийти к выводу, что допросу нотариусами свидетелей и их значению уделяется

Частно-правовые (цивилистические) науки

повышенное внимание в научной и учебной литературы. Достаточно большое число авторов сходится во мнении, что необходимо расширять практику нотариального допроса свидетелей, так как такая практика на современном этапе не столь распространена.

Также далеко не по всем категориям споров, которые подлежат рассмотрению в рамках гражданского судопроизводства, допрос свидетеля может быть произведен нотариусами. Нами были обозначены категории споров, по которым такой допрос является допустимым.

Анализ эмпирического материала в виде судебной практики судов общей юрисдикции Российской Федерации показал, что суды достаточно часто отказывают в признании в качестве доказательства результатов нотариального допроса свидетеля, если такой свидетель не явился в суд и не подтвердил свои показания, зафиксированные нотариусом.

См., например:

-дело № 33-1197/2026 (УИД 57RS0023-01-2026-000316-62) [9];

-дело № 33-1540/2026 (УИД 48RS0001-01-2025-005393-77) [10];

-дело № 2-3071/2026~М-920/2026 (УИД 50RS0001-01-2026-001169-08) [11];

-дело № 2-2638/2026~М-664/2026 (УИД 50RS0002-01-2026-000898-89) [12];

-дело № 2-1407/2026 (УИД 31RS0002-01-2026-000956-02) [13];

-дело № 2а-811/2026 (УИД 50RS0020-01-2026-000357-7 [14];

-и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По нашему мнению, такой подход судов обесценивает значение нотариального удостоверения доказательств.

Ведь зачастую допрос свидетеля нотариусом проводится именно в случаях, когда свидетель не может явиться в суд в назначенный день и в назначенное место.

То есть по сути, российский законодатель предусмотрел возможность нотариального допроса свидетелей, но при этом не установил механизма использования результатов такого допроса при производстве по гражданским делам.

По нашему мнению, российскому законодателю следует внести поправки в ГПК РФ и установить обязанность суда принимать в качестве доказательств по делу нотариально удостоверенные допросы свидетелей, если они были проведены в соответствии со всеми требованиями действующего законодательства.

Частно-правовые (цивилистические) науки

Список литературы:

1. Никонорова Е.С. Проблемы использования доказательств в процедуре банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 5. С. 24 - 28.
2. Егорова М.Е. Практические аспекты обеспечения доказательств в нотариальном порядке // Нотариус. 2025. № 3. С. 50 - 55.
3. Давыдова Н.Ю. Некоторые вопросы обеспечения доказательств в нотариальном порядке: история и современность / Н.Ю. Давыдова, И.З. Шагивалеева, Н.А. Кучуб // Право и государство: теория и практика. 2016. № 6 (138). С. 98 - 103.
4. Грунтовский И.И., Жук А.П. Правовое регулирование использования электронных доказательств в России и за рубежом // Адвокатская практика. 2026. № 1. С. 53 - 58.
5. Бегичев А.В. Основные положения обеспечения нотариусами доказательств // Образование и право. 2019. №3-4.
6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Российская газета, № 49, 13.03.1993.
7. Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами" (утв. решением Правления ФНП, протокол от 26.06.2023 N 10/23) // СПС «КонсультантПлюс» 2026.
8. Ярошенко Т.В. Нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет: проблемные вопросы // Нотариус. 2021. № 6. С. 41 - 44.
9. Апелляционное определение Орловского областного суда от 29.04.2026 № 33-1197/2026 (УИД 57RS0023-01-2026-000316-62) // СПС «КонсультантПлюс» 2026 (дата обращения 09.05.2026).
10. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 22.04.2026 по делу № 33-1540/2026 (УИД 48RS0001-01-2025-005393-77) // СПС «КонсультантПлюс» 2026 (дата обращения 09.05.2026).
11. Решение Балашихинского городского суда Московской области от 19.03.2026 № 2-3071/2026~М-920/2026 (УИД 50RS0001-01-2026-001169-08) // СПС «КонсультантПлюс» 2026 (дата обращения 09.05.2026).
12. Решение Видновского городского суда Московской области от 20.04.2026 № 2-2638/2026~М-664/2026 (УИД 50RS0002-01-2026-000898-89) // СПС «КонсультантПлюс» 2026 (дата обращения 09.05.2026).
13. Решение Белгородского районного суда Белгородской области от 27.04.2026 № 2-1407/2026 (УИД 31RS0002-01-2026-000956-02) // СПС «КонсультантПлюс» 2026 (дата обращения 09.05.2026).
14. Решение Коломенского городского суда Московской области от 21.04.2026 по делу № 2а-811/2026 (УИД 50RS0020-01-2026-000357-79) // СПС «КонсультантПлюс» 2026 (дата обращения 09.05.2026).

References:

1. Nikonorova E.S. Problems of using evidence in bankruptcy proceedings // Arbitration and civil procedure. 2025. № 5. pp. 24-28.
2. Egorova M.E. Practical aspects of providing evidence in a notarial manner // Notary. 2025. № 3. pp. 50-55.
3. Davydova N.Yu Some issues of providing notarized evidence: history and modernity / N.Y. Davydova, I.Z. Shagivaleeva, N.A. Kuchub // Law and the State: theory and practice. 2016. No. 6 (138). pp. 98-103.
4. Gruntovsky I.I., Zhuk A.P. Legal regulation of the use of electronic evidence in Russia and abroad // Lawyer practice. 2026. No. 1. pp. 53-58.

Частно-правовые (цивилистические) науки

5. Begichev A.V. The main provisions of providing evidence by notaries // Education and law. 2019. No. 3-4.
6. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462-1) // Rossiyskaya Gazeta, No. 49, 13.03.1993.
7. Methodological recommendations for providing evidence by notaries" (approved by the decision of the Board of the FNP, Protocol No. 10/23 dated 26.06.2023) // SPS ConsultantPlus 2026.
8. Yaroshenko T.V. Notarization of evidence on the Internet: problematic issues // Notary. 2021. No. 6. pp. 41-44.
9. Appeal ruling of the Orel Regional Court of 04/29/2026 No. 33-1197/2026 (UID 57RS0023-01-2026-000316-62) // SPS ConsultantPlus 2026 (date of appeal 05/09/2026).
10. Appeal ruling of the Lipetsk Regional Court dated 04/22/2026 in case No. 33-1540/2026 (UID 48RS0001-01-2025-005393-77) // SPS "ConsultantPlus" 2026 (accessed 05/09/2026).
11. Decision of the Balashikha City Court of the Moscow Region dated 03/19/2026 No. 2-3071/2026~М-920/2026 (UID 50RS0001-01-2026-001169-08) // SPS ConsultantPlus 2026 (date of application 05/09/2026).
12. Decision of the Vidnovsky City Court of the Moscow Region dated 04/20/2026 No. 2-2638/2026~М-664/2026 (UID 50RS0002-01-2026-000898-89) // SPS ConsultantPlus 2026 (date of application 05/09/2026).
13. Decision of the Belgorod District Court of the Belgorod region dated 04/27/2026 No. 2-1407/2026 (UID 31RS0002-01-2026-000956-02) // SPS "ConsultantPlus" 2026 (date of request 05/09/2026).
14. Decision of the Kolomna City Court of the Moscow Region dated 04/21/2026 in case No. 2а-811/2026 (UID 50RS0020-01-2026-000357-79) // SPS ConsultantPlus 2026 (accessed 05/09/2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Одинцова Екатерина Сергеевна, временно исполняющий обязанности нотариуса Краснодарского нотариального округа Одинцовой Назани Алексеевны; г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Odintsova Ekaterina Sergeevna, temporarily acting notary of the Krasnodar Notarial District of Odintsova Nazani Alekseevna; Krasnodar, Russia

Материал поступил в редакцию: 26 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 05 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Одинцова Е. С.

Научная статья

УДК/UDC 347.234.3

ББК 67.404

5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО СЕРВИТУТА В ЦЕЛЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА ЛИНЕЙНОГО ОБЪЕКТА

Прохорова Елена Ивановна ¹

¹ Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования "Московский финансово-промышленный университет "Синергия",

Аннотация

В статье рассматривается законодательство, регулирующее осуществление публичного сервитута с целью эксплуатации, реконструкции и строительства линейных объектов, рассматриваются пробелы в правовых нормах и проблемные вопросы, возникающие при использовании правовых норм на всех этапах действия публичного сервитута. В работе проанализированы основные условия и принципы утверждения публичного сервитута по отношению к земельным участкам в частной собственности, а также механизм формирования платы за пользование публичным сервитутом. Автор указывает на целесообразность детализации определенных понятий и усовершенствования существующих норм. Требую разрешения многие вопросы: нормы по компенсации собственнику ограничений при установлении сервитута не отвечает экономическим реалиям, установление на земельных участках, находящихся в частной собственности, охранных зон для инженерных объектов практически не возможны без решения суда и другое. Введенные в действие в 2018 году нормы, касающиеся утверждения публичного сервитута в специфических целях, в том числе для эксплуатации, реконструкции и строительства объектов инженерного типа, столь необходимых для развития экономики страны, нуждаются в дополнении и частичном изменении, так как масштабные проекты строительства инженерных коммуникаций затрагивают интересы государства, корпораций и частных собственников и должны, по мнению автора, иметь рамочные решения на начальном этапе реализации проекта.

Ключевые слова: сервитут, вещное право, земельный участок, обременение, линейный объект, публичный сервитут, гражданское право, земельное право.

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF A PUBLIC EASEMENT FOR THE CONSTRUCTION OF A LINEAR FACILITY

Prokhorova Elena Ivanovna ¹

¹ Non-state educational private institution of higher education "Moscow Financial and Industrial University "Synergy",

Abstract

The article examines the legislation governing the implementation of a public easement for the purpose of operation, reconstruction and construction of linear facilities, examines gaps in legal norms and problematic issues arising from the use of legal norms at all stages of the public

Частно-правовые (цивилистические) науки

easement. The paper analyzes the basic conditions and principles of approving a public easement in relation to privately owned land plots, as well as the mechanism for the formation of fees for the use of a public easement. The author points out the expediency of detailing certain concepts and improving existing standards. I require the resolution of many issues: the norms for compensating the owner of restrictions on the establishment of an easement do not meet economic realities, the establishment of security zones for engineering facilities on privately owned land is practically impossible without a court decision, and others. The regulations introduced in 2018 regarding the approval of public easements for specific purposes, including for the operation, reconstruction and construction of engineering facilities, which are essential for the development of the country's economy, need to be supplemented and partially changed, since large-scale projects for the construction of utilities affect the interests of the state, corporations and private owners and should. According to the author, it is important to have framework solutions at the initial stage of the project implementation.

Keywords: easement, property law, land plot, encumbrance, linear object,, public easement, civil law, land law.

ВВЕДЕНИЕ

Юридические концепции могут анализироваться из разных перспектив с точки зрения узкого и широкого понимания, то есть в разных аспектах научного исследования.

Примером такого анализа может служить сервитутное право, которое может быть рассмотрено как в объективном, так и в субъективном смысле. В первом случае речь идет о юридическом институте – совокупности правовых норм, главным образом гражданско-правовой природы, входящих в сферу вещных прав. В этом контексте сервитутное право рассматривается как часть вещного права.

С другой стороны, в субъективном смысле сервитутное право, аналогично другим субъективным правам, представляет собой возможность определенных действий,

предоставленных законом уполномоченным лицам.

Российское сервитутное право имеет свои особенности по сравнению с зарубежными правовыми системами [1]. Вот некоторые из них:

1. Отсутствие «замкнутого перечня» сервитутов. В России отсутствует строго ограниченный список видов сервитутов – это означает, что сервитуты могут быть установлены для любого земельного участка, если это соответствует общим началам и смыслу гражданского законодательства.

2. Соглашение сторон без формальных оснований. В российском праве стороны могут установить сервитут по соглашению даже без формальных оснований – отсутствуют требования обосновывать необходимость установления сервитута и отсутствуют

Частно-правовые (цивилистические) науки

требования мотивировать основания, по которым владелец имущества не может воспользоваться своими правами без установления сервитута.

3. Платность сервитута. Соглашение об установлении сервитута влечет за собой обязательство уплатить соразмерную плату за использование чужого земельного участка.

4. Отсутствие правомочия установления сервитута на основе давности использования и возможности прекращения сервитута из-за его неиспользования.

За период действия норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) регулирующих вопросы сервитута, в судебной практике возникло множество спорных вопросов, требующих разъяснений со стороны высших судебных органов. Часть этих вопросов получила определенные разъяснения в обзоре Верховного Суда РФ от 26.04.2017 года [2]. Однако остались важные вопросы.

На примере создания линейных объектов систем газоснабжения рассмотрим проблемы установления публичных сервитутов.

Наличие на территории того или иного государства природных ресурсов является одним из важнейших критериев определения перспектив его развития в долгосрочной программе. К основным, критически необходимым, востребованным по ряду причин

энергетическим ресурсам относятся нефть и газ.

В 2021 году Правительством Российской Федерации был утвержден план действий по внедрению социально ориентированной и экономически эффективной системы газификации и газоснабжения субъектов Российской Федерации, согласно которому к 2030 году уровень газификации населения субъектов РФ должен выйти на уровень 82,9% [3].

Для достижения столь высоких показателей необходимо, чтобы все элементы системы работали как единый слаженный механизм, чтобы каждый этап строительства линейного объекта, будь то получение необходимой разрешительной документации, строительство или введение объекта в эксплуатацию, проходил по заранее намеченному сценарию.

Подразумевается, что законодательная база в данном сценарии выступает своеобразным "мостом", соединяющим такую амбициозную идею с прогнозируемым к достижению результатом.

Строительство линейного объекта – сложный процесс, предполагающий помимо прочего определение земельных участков, которые будут использованы для его расположения, а также оформление на данные земельные участки необходимых прав.

ОБСУЖДЕНИЕ

Публичный сервитут стал одним из наиболее удобных способов оформления прав на земли и земельные участки, необходимые для размещения линейных объектов [4], после того, как Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ [5] (далее — Закон) внес изменения в земельное законодательство с целью упрощения процедуры размещения линейных объектов.

На стадии разработки законопроекта указанного нормативного правового акта эксперты высказывались неоднозначно о выбранной законодателем конструкции.

М.В. Бочаров указывал, что с точки зрения общественного развития этот Закон является необходимым и полезным. Он позволяет оформлять размещение инженерных сооружений, в которых есть общественная потребность, в несколько раз быстрее. Перед государством и обществом стоят задачи развития жилищного строительства, промышленности и современного сельского хозяйства, решение которых без инженерных сооружений не возможно [6].

По мнению же Е.А. Суханова, земельные участки для указанных в Законе целей будут передаваться в пользование субъектам публичного сервитута не по соглашениям с их собственниками, а по решениям органов публичной власти, принятым по "обоснованным

предложениям" лиц, требующих установления сервитута. Применительно к частной собственности на землю такой путь вызывает, по меньшей мере, недоумение. Ведь проложенный через земельный участок линейный объект практически лишает землю экономической ценности, а во многих случаях и физически препятствует ее обычному использованию, оставляя ее собственника с "голым правом" [6].

По результатам применения Закона возможно сделать вывод, что, будучи призванным упростить, систематизировать и расширить алгоритмы использования конструкции публичного сервитута с целью расположения различных линейных объектов, он оказался весьма противоречивым и породил ряд проблемных вопросов, особенно в ситуациях, когда земельные участки, которые предполагаются к использованию при установлении публичного сервитута, пребывают в частной собственности.

В гл. V.7 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), поименованной "Установление публичного сервитута в отдельных целях", содержатся пробелы, нестыковки и оценочные понятия, которые оставляют широкие возможности для вольного толкования и судебного усмотрения там, где должна быть степень "прозрачности" и правовой определенности поможет не только

Частно-правовые (цивилистические) науки

избежать споров, но и ускорить процесс установления публичного сервитута и заключения соответствующего соглашения между организацией и собственником участка земли.

Вольное толкование, а именно возможность сервитуария либо собственника земельного участка интерпретировать значение нормы права в свою пользу, что вытекает, к примеру, в разногласия относительно размера оплаты за пользование публичным сервитутом, либо возражения правообладателя участка земли с распоряжением об утверждении публичного сервитута ввиду наличия, по его мнению, условий, делающих дальнейшую эксплуатацию земельного участка по назначению невозможным, неминуемо приводит к судебному спору.

Спорный вопрос остается на усмотрение суда, что представляется не самым лучшим решением в силу имеющихся в законодательстве недоработок и не раскрытых должным образом формулировок.

Например, последует отказ в утверждении публичного сервитута, если деятельность, в целях реализации которой испрашивается публичный сервитут, в том числе спровоцированные такой деятельностью ограничения прав на земельный участок, повлекут невозможность эксплуатации или

существенные затруднения в эксплуатации земельного участка, а также располагающегося на нем объекта недвижимого имущества, согласно их разрешенному использованию в течение срока, превышающего три месяца в отношении земельных участков, предназначение которых – жилищное строительство (в том числе индивидуальное жилое строительство), осуществление гражданами личного подсобного хозяйства, садоводства или огородничества не в коммерческих целях, или один год в отношении остальных земельных участков.

Во-первых, представляется неясным, что подразумевается под формулировкой "существенные затруднения", чем они отличаются от невозможности использования и по каким критериям такие затруднения могут быть идентифицированы применительно к каждому отдельно взятому земельному участку, учитывая, что линейный объект системы газоснабжения прокладывается через определенное количество таких участков, а решение об утверждении публичного сервитута в основном выносится сразу для всех земельных участков.

Не вызывает сомнений, что частный собственник земельного участка считает само строительство линейного объекта системы газоснабжения на принадлежащем ему участке причиной невозможности его

Частно-правовые (цивилистические) науки

дальнейшего использования, так как подобного рода обременение, от которого, к слову, невозможно отказаться, лишает земельный участок определенной доли привлекательности на рынке недвижимости.

Сервитуарий, в данном случае организация, осуществляющая строительство линейного объекта, несмотря на то, что разногласия возникают лишь при утверждении публичного сервитута на участки земли в частной собственности, будет стараться идти по пути минимизации и без того внушительных затрат, прокладывая маршрут прохождения объекта строительства по оптимальной и короткой траектории, зачастую не имея возможности выбирать, через какие земельные участки проложить линейный объект.

Вместе с этим, вопрос об установлении публичного сервитута отнесен к компетенции государственных или местных органов власти исходя из цели установления, то есть степень "существенных затруднений" определяется при принятии решения в отношении ходатайства заинтересованного в установлении публичного сервитута лица без участия собственника земельного участка, что с учетом отсутствия прозрачности и определенности в понятии "существенных затруднений" будет усугублять степень разногласий между

собственником земельного участка и сервитуарием.

Понятие "существенные затруднения" применяется в пункте 13 статьи 23 ЗК РФ, где сказано, что правообладатели земельных участков имеют возможность обратиться в соответствующие органы власти, ответственные за утверждение публичного сервитута, попросив соизмеримой платы, в тех случаях, когда утверждение публичного сервитута повлекло за собой наступление существенных затруднений в эксплуатации земли. Если понимать эту норму формально, то оплата за публичный сервитут пребывает в зависимости от "существенных затруднений" в эксплуатации земли. То есть при отсутствии таких затруднений собственник земельного участка не будет иметь возможности потребовать соразмерной платы за утверждение публичного сервитута.

Также возникает вопрос, как указанная норма соотносится со статьей 39.46 ЗК РФ, которая обязывает осуществлять оплату за публичный сервитут лицо, в пользу которого он установлен. То есть стоит полагать, что пункт 13 ст. 23 ЗК РФ выступает в качестве специальной нормы к статье 39.46 ЗК РФ и подлежит компенсации раздельно от платы за пользование публичным сервитутом при наличии "существенных затруднений", в особенности принимая во внимание, что п. 13 ст. 23 ЗК РФ отсылает к Методическим

Частно-правовые (цивилистические) науки

рекомендациям [7] по вычислению платы именно за пользование публичным сервитутом, или же, что не ясно, имеются в виду совершенно разные факторы утверждения публичного сервитута.

Пункт 7 статьи 39.46 ЗК РФ в части учреждения за публичный сервитут оплаты также адресует к Методическим рекомендациям. Одновременно с этим пункт 8 статьи 39.46 ЗК РФ установлено, что оплата за публичный сервитут подлежит выплате правообладателю земли, с которым до этого было заключено в установленном порядке соглашение о пользовании публичным сервитутом. Таким образом, существует предопределяющее условие получения такой платы.

Порядок компенсации в случае наличия "существенных затруднений" в эксплуатации участка, а также имеющейся на нем недвижимости, не уточняется. По смыслу пункта 13 статьи 23 ЗК РФ обязанным производить такую компенсацию лицом названы муниципальные или государственные органы власти, но на практике оплату за использование публичного сервитута вносит организация, силами которой осуществляются строительство и последующая эксплуатация линейного объекта, потому что именно эта организация обращается с заявлением об обременении участка земли публичным сервитутом и заключает

в последующем с собственником участка земли необходимое соглашение.

Весьма противоречивым представляется пункт 5 статьи 23 ЗК РФ, являющийся в соответствии с пунктом 2 статьи 39.39 ЗК РФ обязательным к применению при утверждении публичного сервитута, исходя из которого обременение участка земли публичным сервитутом не лишает ее правообладателя прав распоряжения, пользования и владения этой землей.

Учитывая, что невозможность использования, которая допускается подпунктом 4 пункта 1 статьи 39.44 ЗК РФ, пусть и на определенный срок, напрямую пересекается с правом пользования, то есть буквально препятствует эксплуатации земельного участка его правообладателем, то совокупное толкование вышеуказанных статей порождает правовую неопределенность.

Возможно, законодатель имел в виду, что невозможность использования носит временный характер и поэтому не лишает, а лишь ограничивает правообладателя в праве пользования, но в таком случае статья должна содержать более развернутую формулировку.

Капитальный ремонт, реконструкция, эксплуатация и строительство газопроводов на участках земли, используемых в каких-либо личных целях, будь то

Частно-правовые (цивилистические) науки

садоводство, личное подсобное хозяйство, огородничество, а также индивидуальное жилищное строительство, посредством утверждения публичного сервитута не допускается в силу пункт 5 статьи 39.39 ЗК РФ. Что является понятным и логичным.

Но тут есть один нюанс. В этой же норме указано, что в исключительных случаях (например, для реконструкции, капитального ремонта инженерных сооружений, а также их эксплуатации) утверждение публичного сервитута все же является допустимым.

Отсюда можно сделать вывод, что недопустимым является, в принципе, только утверждение публичного сервитута с целью строительства газопровода на землях, определенных под нужды личного характера, такие как ведение садоводства, огородничества или личного подсобного хозяйства, а также индивидуальное жилищное строительство.

Вместе с тем капремонт и реконструкция газопровода включают в себя почти идентичный список необходимых к выполнению процедур, что и строительство.

Остается нераскрытым, почему из целей, для достижения которых можно испрашивать утверждение публичного сервитута на участках земли определенного типа, было исключено строительство инженерных сооружений.

Получается, что газораспределительная организация должна учитывать при строительстве газопровода это законодательное ограничение и быть готовой при необходимости заключать арендный договор с собственником земли, предназначенной под нужды личного характера, такие как ведение садоводства, огородничества или личного подсобного хозяйства, а также индивидуальное жилищное строительство, который, в свою очередь, вправе отказаться от заключения такого договора аренды, если посчитает его не выгодным для себя, что может повлиять на весь процесс строительства, так как придется вносить изменения в проектную документацию.

Исходя из положений пункта 1 статьи 39.41 ЗК РФ в срок, когда эксплуатация земельного участка будет затруднена существенно или вовсе невозможна, включается срок текущего или капитального ремонта, строительства, а также реконструкции газопровода.

Таким образом, организация во избежание отказа в утверждении публичного сервитута и необходимости в последующем выкупать земельный участок у правообладателя (статья 39.48 ЗК РФ) обязана производить любые работы (будь то строительство, реконструкция либо ремонт газопровода) на участках земли,

Частно-правовые (цивилистические) науки

кроме тех, которые предназначены под нужды личного характера, такие как ведение садоводства, огородничества или личного подсобного хозяйства, а также индивидуальное жилищное строительство, в срок, не превышающий одного года, а на участках земли, используемых для ИЖС, — в течение трех месяцев.

Понятно, что законодатель при утверждении вышеуказанных сроков преследовал цель обеспечить исполнение п. 8 ст. 23 ЗК РФ, т.е. установление публичного сервитута на максимально необременительных для правообладателя земельного участка условиях, но такое положение вещей может негативно сказываться на качестве реализации контрактов по строительству линейных объектов, а в последующем и на безопасности функционирования построенного, реконструированного или отремонтированного газопровода, который, в свою очередь, отнесен к категории опасных производственных объектов.

В контексте сроков установления публичного сервитута необходимо отметить следующее.

Для реализации частных публичных интересов обладателей публичных сервитутов для отдельных целей, как правило, большую роль играют бессрочные инфраструктурные публичные сервитуты [8].

В целях строительства и последующей эксплуатации линейного объекта бессрочная природа публичного сервитута либо его установление на период жизнедеятельности объекта усматриваются наиболее подходящими по ряду весомых причин.

Во-первых, как правило, линейный объект обеспечивает энергетическим ресурсом населенные пункты, крупные производственные объекты, а также объекты здравоохранения, образования, социальной защиты и социального обеспечения населения, соответственно имеет высокую значимость для развития инфраструктуры.

Во-вторых, построенный линейный объект, предназначенный для передачи газа, никак не затрудняет использование земельного участка по назначению при условии соблюдения определенных требований безопасности.

В-третьих, правообладатель земельного участка будет на постоянной основе получать плату за публичный сервитут, помимо той выгоды, которую он будет извлекать из эксплуатации своего участка.

Однако действующее законодательство предусматривает утверждение публичного сервитута в целях эксплуатации, реконструкции и строительства в том числе линейного объекта

Частно-правовые (цивилистические) науки

системы газоснабжения только на определенный срок от 10 до 49 лет.

К тому же ЗК РФ не предусматривает механизм пролонгации ранее установленного публичного сервитута в случае такой необходимости, а лишь дает сервитуарию право заявить до истечения срока такого сервитута ходатайство об утверждении сервитута на новый срок. Будет ли таким образом продлен старый сервитут или утвержден новый, не раскрывается.

В силу пункта 4 статьи 39.47 ЗК РФ срок соглашения о пользовании публичным сервитутом должен совпадать со сроком публичного сервитута, утвержденным решением о его установлении.

Остается неясным, можно ли в таком случае просто внести необходимые изменения в уже действующее соглашение, заключенное с собственником земли в порядке статьи 39.47 ЗК РФ, либо необходимо заключать новое.

Есть вопросы и к нормам, регулирующим приведение земельного участка в пригодное состояние.

Как было указано выше, в срок, когда использование земельного участка станет невозможным или существенно затрудненным, включается срок строительства инженерного сооружения. В силу подпункта 4 пункта 1 статьи 39.44 ЗК РФ в случае строительства газопровода данный срок не должен быть более одного года.

В силу п. 6 ст. 39.43 ЗК РФ при подаче заявления об утверждении публичного сервитута для целей реконструкции или строительства сооружения инженерного типа публичный сервитут утверждается для расположения такого сооружения.

В письме Министерства экономического развития РФ от 02.04.2020 № ОГД23-3142 указано, что понятие "размещение линейных объектов" включает в себя строительство, реконструкцию и эксплуатацию линейных объектов [8].

Из этого следует, что при установлении публичного сервитута, допустим, на 10 лет, непосредственно строительство линейного объекта системы газоснабжения из них займет максимум один год, остальные девять лет – эксплуатация.

Нормами ЗК РФ предусмотрено, что сервитуарию необходимо возвратить участок земли в состояние, пригодное для его эксплуатации согласно его разрешенному использованию, не позднее чем в течение трех месяцев после завершения эксплуатации, консервации, сноса сооружения инженерного типа, с целью расположения которого был утвержден публичный сервитут, его текущего или капитального ремонта, а также строительства.

Не раскрыт порядок выполнения работ по приведению участка земли в приемлемое

Частно-правовые (цивилистические) науки

состояние, а именно после каждого указанного в пункте 8 статьи 39.50 ЗК РФ этапа (строительство, ремонт эксплуатация) сервитуарий выполняет работы по восстановлению либо по итогу всех этапов и критерии пригодности земельного участка к использованию.

Последний вариант поставит правообладателя земельного участка в неудобное положение, так как он рискует увидеть свой участок в пригодном состоянии только по истечении 10 лет либо состояние участка вызовет споры у сторон по вопросам его пригодности для использования по назначению.

Также наводит на размышления сам характер мероприятий по возвращению участка земли в нормальное (пригодное) состояние в разрезе смысла "существенных затруднений" и неясно, вправе ли правообладатель участка земли в такой ситуации просить соответствующую плату с государственных или местных органов власти в соответствии с пунктом 13 статьи 23 ЗК РФ.

Наиболее критичным вопросом в регулировании утверждения публичного сервитута является механизм определения размера возмещения за публичный сервитут. Именно размер данной платы зачастую приводит сервитуария и собственника земельного участка в суд.

Рациональное объяснение заключается в следующем. Оплата за публичный сервитут согласно пункту 7 статьи 39.46 ЗК РФ определяется в соответствии с Федеральным законом "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" и Методическими рекомендациями.

В Методических рекомендациях оплата за публичный сервитут определяется в качестве разницы между рыночной стоимостью земли (в случае установления сервитута в отношении участка, находящегося в частной собственности) до утверждения публичного сервитута и после его утверждения.

В соответствии с пунктом 1 статьи 66 ЗК РФ рыночная стоимость участка земли определяется в соответствии с Федеральным законом "Об оценочной деятельности", который определяет рыночную стоимость как самую вероятную цену, по которой возможна продажа соответствующего объекта оценки в условиях конкуренции на открытом рынке [10]. И если вычислить рыночную стоимость участка земли до утверждения публичного сервитута возможно, например, прибегнув к методу сравнения продаж, выполнив анализ предложений о продаже аналогичных участков земли в регионе, то рыночная стоимость участка земли после утверждения

Частно-правовые (цивилистические) науки

публичного сервитута является величиной весьма неопределенной.

Таким образом, рыночная стоимость земельного участка крайне нестабильная оценочная величина, и фактически законодатель оставляет вопрос вычисления оплаты за публичный сервитут на усмотрение эксперта. При этом, суд назначит судебную экспертизу, столкнувшись с разногласиями сервитуария и правообладателя участка земли в части размера оплаты за публичный сервитут.

На практике часто встречаются ситуации, когда на обозрение суду представлены три заключения экспертизы (дело № А05-6826/2021) [11], в которых размер оплаты за публичный сервитут существенно отличается. Причем эксперт со стороны собственника земельного участка приводит размер оплаты за публичный сервитут к наибольшему значению, эксперт же со стороны сервитуария – к наименьшему, а судебный эксперт старается найти "золотую середину".

При таких реалиях плата за публичный сервит не является величиной объективной и справедливой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо отметить, что введенные в действие в 2018 году нормы, касающиеся утверждения публичного сервитута в специфических целях, в том числе для эксплуатации, реконструкции и строительства объектов

инженерного типа системы газоснабжения, нуждаются в дополнении и частичном изменении ввиду того, что они не в полной мере отвечают поставленным государством задачам развития инфраструктуры и, как следствие экономики, страны.

В законодательстве очевидно не недостаточно механизмов, которые обеспечивают «связь» разнонаправленных интересов субъектов в сложных правоотношениях, возникающих при размещении объектов линейных систем. Таким образом необходимы подзаконные акты, детализирующие и конкретизирующие порядок организации правоотношений при установлении, изменении и прекращении публичных сервитутов.

Первым шагом в разрешении дискуссионных вопросов может стать расширение гарантий для владельцев земельных участков при введении принудительного сервитута, когда обеспечение нужд собственника недвижимости не могут быть удовлетворены без установления сервитута.

Чтобы решить проблему недостаточного регулирования, законодателю стоит обратить внимание на зарубежный опыт и анализ судебной практики для выявления основных сложностей, с которыми сталкиваются судьи при вынесении решений. Важно начать с решения ключевых проблем,

способных нарушить чужие права, таких как владение земельными участками, необходимыми для нормального функционирования и для проведения разнообразных

деятельностей, запретом присваивания территорий, по которым в будущем планируется строительство линейных объектов.

Список литературы:

1. Алкамян К.Э. Виды сервитута // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Сукиасян. 2015. – С. 106 – 108.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // СПС «Консультант Плюс».
3. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2021 № 1152-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) по внедрению социально ориентированной и экономически эффективной системы газификации и газоснабжения субъектов Российской Федерации» // Официальный интернетпортал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.05.2025).
4. Малинникова А.И. Особенности установления публичного сервитута в целях размещения инженерных сооружений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 1. С. 104–110.
5. Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ “О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов” // Официальный интернетпортал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.08.2018).
6. Иванов А., Бочаров М., Суханов Е. и др. Новая жизнь публичных сервитутов // Закон. 2018. № 10. С. 17.
7. Приказ Минэкономразвития России от 04.06.2019 № 321 “Об утверждении методических рекомендаций по определению платы за публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности или находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных гражданам или юридическим лицам” // ИПС Консультант плюс.
8. Кокурин В.А. Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов при определении срока публичного сервитута // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 4. С. 71–76.
9. Письмо Минэкономразвития России от 04.02.2020 № ОГ-Д23-910 “О рассмотрении обращения” // ИПС Консультант Плюс.
10. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3813.
11. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 10.10.2022 по делу № А05–6826/2021. URL: <https://ras.arbitr.ru/>

References:

1. Nikonorova E.S. Problems of using evidence in bankruptcy proceedings // Arbitration and civil procedure. 2025. № 5. pp. 24-28.
2. Egorova M.E. Practical aspects of providing evidence in a notarial manner // Notary. 2025. № 3. pp. 50-55.
3. Davydova N.Yu Some issues of providing notarized evidence: history and modernity / N.Y. Davydova, I.Z. Shagivaleeva, N.A. Kuchub // Law and the State: theory and practice. 2016. No. 6 (138). pp. 98-103.

Частно-правовые (цивилистические) науки

4. Gruntovsky I.I., Zhuk A.P. Legal regulation of the use of electronic evidence in Russia and abroad // Lawyer practice. 2026. No. 1. pp. 53-58. 5
- . Begichev A.V. The main provisions of providing evidence by notaries // Education and law. 2019. No. 3-4.
6. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462-1) // Rossiyskaya Gazeta, No. 49, 13.03.1993.
7. Methodological recommendations for providing evidence by notaries" (approved by the decision of the Board of the FNP, Protocol No. 10/23 dated 26.06.2023) // SPS ConsultantPlus 2026.
8. Yaroshenko T.V. Notarization of evidence on the Internet: problematic issues // Notary. 2021. No. 6. pp. 41-44.
9. Appeal ruling of the Orel Regional Court of 04/29/2026 No. 33-1197/2026 (UID 57RS0023-01-2026-000316-62) // SPS ConsultantPlus 2026 (date of appeal 05/09/2026).
10. Appeal ruling of the Lipetsk Regional Court dated 04/22/2026 in case No. 33-1540/2026 (UID 48RS0001-01-2025-005393-77) // SPS "ConsultantPlus" 2026 (accessed 05/09/2026).
11. Decision of the Balashikha City Court of the Moscow Region dated 03/19/2026 No. 2-3071/2026~M-920/2026 (UID 50RS0001-01-2026-001169-08) // SPS ConsultantPlus 2026 (date of application 05/09/2026).
12. Decision of the Vidnovsky City Court of the Moscow Region dated 04/20/2026 No. 2-2638/2026~M-664/2026 (UID 50RS0002-01-2026-000898-89) // SPS ConsultantPlus 2026 (date of application 05/09/2026).
13. Decision of the Belgorod District Court of the Belgorod region dated 04/27/2026 No. 2-1407/2026 (UID 31RS0002-01-2026-000956-02) // SPS "ConsultantPlus" 2026 (date of request 05/09/2026).
14. Decision of the Kolomna City Court of the Moscow Region dated 04/21/2026 in case No. 2a-811/2026 (UID 50RS0020-01-2026-000357-79) // SPS ConsultantPlus 2026 (accessed 05/09/2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Прохорова Елена Ивановна, студент юридического факультета; Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; г. Москва, Россия; e-mail: AAVedernikova@synergy.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Prokhorova Elena Ivanovna, student of the Faculty of Law; Non-state educational private institution of higher education «Moscow Financial and Industrial University «Synergy»; Moscow, Russia; e-mail: AAVedernikova@synergy.ru\

Материал поступил в редакцию: 26 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования 07 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Прохорова Е. И.

Научная статья

УДК/UDC 343.98:343.37:004.738.5

ББК 67.65

5.1.4 – Уголовно-правовые науки

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ ЧЕРЕЗ ВИРТУАЛЬНЫЕ ИГРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ

Горбань Александр Сергеевич¹¹ Кубанский государственный университетБагаев Богдан Дмитриевич¹¹ Кубанский государственный университет**Аннотация**

В статье исследованы криминалистические признаки легализации доходов через виртуальные игровые платформы. Теоретическую базу образуют актуальные монографические исследования, нормы законодательства о противодействии легализации доходов, национальной платежной системе, азартных играх, материалы секторальной оценки рисков и рекомендации FATF. Исследованы схемы имитации выигрыша, дробления платежей, привлечения дропов, использования криптообменников, токенизированных объектов и мобильных приложений. Предложена модель первичной проверки подозрительного выигрыша: фиксация банковской выписки, сопоставление транзакций с журналами платформы, анализ устройств, доменных связей и коммуникаций. Обоснован приоритет первых 48–72 часов расследования, поскольку в данный период сохраняются серверные журналы, сведения о маршрутизации платежей и данные пользовательской активности. Практический результат выражен в перечне следственных действий и источников цифровой информации.

Ключевые слова: легализация доходов, онлайн-казино, игровая валюта, цифровые следы, КУС, криптоактивы, дропы, банковская выписка.

FORENSIC SUPPORT FOR INVESTIGATING MONEY LAUNDERING THROUGH VIRTUAL GAMING PLATFORMS

Gorban Alexander Sergeevich¹¹ Kuban State UniversityBagaev Bogdan Dmitrievich¹¹ Kuban State University**Abstract**

The article examines forensic indicators of laundering criminal proceeds through virtual gaming platforms. The theoretical basis is formed by modern monographic research papers, Russian legislation on anti-money laundering, the national payment system and gambling, sectoral risk assessment materials and FATF recommendations. The paper describes schemes based on simulated winnings, payment splitting, money mules, crypto exchange services, tokenized items and mobile applications. A model for the initial verification of suspicious winnings is proposed: recording bank statements, comparing transactions with platform logs, analysing devices, domain links and communications. The priority of the first 48–72 hours is substantiated, since server logs, payment routing data and user activity records are still available during this period. The practical result consists of a list of investigative actions and sources of digital information.

Keywords: money laundering, online casino, in-game currency, digital traces, KYC, crypto assets, money mules, bank statement.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика и совершенствование способов легализации доходов, полученных преступным путем, а также противодействие таким попыткам со стороны правоохранительных и надзорных органов продолжает вызывать живой интерес со стороны ученых-криминалистов.

Противодействие легализации преступных доходов на сегодняшний день выступает не просто одним из направлений, способствующих снижению уровня экономической преступности, а частью последовательных усилий государства по «обелению экономики», представляющему собой целый комплекс действий профильных органов (Правительства РФ, ФНС РФ, Федеральной службы по финансовому мониторингу РФ) в тесной взаимосвязи с правоохранительными органами решающих проблемы противодействия преступлениям, причиняющим крупный и особо крупный ущерб экономике Российской Федерации и гражданам. Комплекс действий также включает в себя достижение прозрачности при реализации экономических отношений в цифровом пространстве.

Распространение виртуальных игровых платформ изменило

криминалистическую картину легализации доходов, полученных преступным путем. Онлайн-казино, букмекерские сервисы, игровые кошельки, криптообменные шлюзы и внутренние валюты образуют единую операционную среду, где денежный поток быстро меняет юридическую оболочку. Следовательно, анализирующий банковскую выписку, нередко видит только входящий перевод от платежного посредника либо выплату с признаками выигрыша, тогда как предшествующее движение средств скрыто внутри платформы. Сходные свойства цифровой среды отмечаются в исследованиях криптовалютного мошенничества и инфраструктуры цифровых финансовых активов: высокая латентность, транснациональность, технологическая сложность следовой картины, слабая идентификация пользователей, уязвимости смарт-контрактов и киберриски [11, с. 267–268; 17, с. 1–2].

Типовая ситуация начинается с фиксации выигрыша в размере 700 тыс. руб. за одну игровую сессию. Формальная последовательность выглядит нейтрально: пополнение баланса, серия ставок, начисление выигрыша, вывод на карту. Подозрительный характер операции обнаруживается после

Уголовно-правовые науки

сопоставления дат, сумм и источников поступления: средства проходят через электронные кошельки, обменники цифровых активов, внутреннюю игровую валюту, профили третьих лиц. На этапе интеграции капитал уже поступает в законный оборот, например направляется на оплату недвижимости, ремонта транспортного средства либо предпринимательских расходов.

Статистические и типологические положения в статье распределены по нескольким группам источников: федеральное законодательство о национальной платежной системе и противодействии отмыванию доходов, документы об игровой деятельности, отчет Банка России о секторальной оценке рисков ОД/ФТ, материалы FATF по виртуальным активам и автореферат диссертации В. Д. Халина, посвященный легализации доходов при помощи информационно-телекоммуникационных технологий [1, с. 3–5; 2–4; 5, с. 3–6; 6, р. 3–6; 7, р. 2–3]. Такая структура снижает зависимость аргументации от одного исследования и усиливает нормативную базу анализа.

Терминологическая база требует разграничения нескольких понятий. Электронные денежные средства представляют заранее предоставленные одному лицу денежные средства, учет которых ведется без открытия банковского счета для исполнения денежных

обязательств перед третьими лицами; оператор по переводу денежных средств оказывает услуги перевода в пределах законодательства о национальной платежной системе; электронное средство платежа служит инструментом составления, удостоверения и передачи распоряжений о переводе [3]. В игровой среде к этим категориям добавляются внутренняя валюта платформы, бонусные единицы, токены, виртуальные предметы и NFT-объекты. Их правовая квалификация неоднородна, а криминалистическое значение связано с фактической ликвидностью и способностью маскировать происхождение капитала.

KYC (Know Your Customer) и CDD (Customer Due Diligence) обозначают процедуры идентификации, проверки клиента, оценки деловой цели операции и источника средств. В российской системе близкие требования закреплены в механизме идентификации клиентов, представителей, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев при исполнении требований законодательства о противодействии легализации доходов [2, ст. 7; 6, р. 2–3]. Для онлайн-площадок слабое место состоит в разноуровневой проверке: один профиль подтверждает номер телефона, другой предоставляет

Уголовно-правовые науки

документы, третий проходит идентификацию через сторонний агрегатор. Разрыв между формальной проверкой и фактическим контролем поведения пользователя создает условия для мультиаккаунтинга.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая основа статьи опирается на правовой анализ, криминалистическое моделирование, сопоставление типовых финансовых маршрутов и изучение цифровых следов. Нормативный материал использован для уточнения пределов банковской тайны, режима электронных денежных средств, обязанности операторов по идентификации клиентов, запретов в игровой сфере и правового значения подозрительных операций [2, ст. 7; 3, ст. 3, 5; 4, ст. 5; 5, с. 3–6].

Криминалистическое моделирование позволило реконструировать движение средств от предикатного преступления до финального актива. Модель включает четыре уровня: банковский контур, платежный посредник, игровая платформа, внешний криптообменный либо товарный контур. На каждом уровне фиксируются разные носители информации. Банковский контур сохраняет выписку, реквизиты карты, назначение платежа и идентификатор операции. Платежный посредник хранит сведения о мерчанте, техническом шлюзе, времени авторизации,

статусе платежа. Платформа располагает журналами ставок, внутренними переводами, данными аккаунтов, IP-адресами, устройствами, бонусами и чатами поддержки. Внешний контур отражает конвертацию цифровых активов, продажу виртуальных предметов либо приобретение материальных благ.

При анализе диссертационного исследования учтены положения о преступлениях в игровой сфере, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В автореферативной части диссертации описаны объект, предмет, цель, задачи, методическая база и эмпирический материал; отмечен акцент на уголовно-правовых и криминологических признаках незаконных онлайн-казино, международных подходах и мерах противодействия [1, с. 3–5]. Для статьи использована не общая уголовно-правовая проблематика, а прикладной блок, связанный с фиксацией цифровых следов и проверкой мнимого выигрыша.

Композиция статьи построена по принципу перехода от терминологии к следственной модели. Описание платежных маршрутов разделено на логические блоки; пример с несколькими аккаунтами приведен один раз, без дублирования; иностранные юрисдикции заменены обобщенной формулой о географическом разрыве между юридическим лицом,

Уголовно-правовые науки

центром обработки данных, платежным посредником и выгодоприобретателем.

Для проверки следственной гипотезы использована матрица признаков: источник первоначального пополнения, количество игровых действий, экономическая логика ставок, повторяемость профилей, связь устройств, скорость вывода средств, совпадение IP-адресов, поведение пользователя после выигрыша, сведения о получателях последующих платежей. Наличие одного признака не образует доказательственную базу, но совокупность однотипных индикаторов дает основание для процессуального закрепления цифровых данных и проверки связи между предикатным преступлением, маскирующей операцией и финальным активом. Доктрина криминалистической характеристики криптовалютных преступлений связывает начальный этап расследования с выявлением цифровых следов, построением версий и выбором тактических приемов [11, с. 267–268; 15, с. 94–95].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Виртуальная игровая платформа выполняет три функции: интерфейс для пользователя, расчетный узел и маскирующий слой. Первая функция создает видимость обычной игровой активности. Вторая обеспечивает прием карт, электронных

кошельков, переводов между физическими лицами, криптоактивов, бонусных единиц. Третья разделяет финансовый маршрут на множество микрособытий: входящий платеж, покупка внутренней валюты, серия ставок, перевод между профилями, обмен цифрового предмета, вывод под видом выигрыша.

Сочетание указанных функций объясняет, почему традиционная проверка банковской выписки не дает полной картины. Выписка отражает сумму, дату, получателя и отправителя, но не раскрывает игровые журналы, внутренние переводы, привязку устройств, историю смены профилей, сообщения службы поддержки, сценарии автозапуска ставок. При отсутствии оперативного доступа к данным платформы следователь видит финальный результат, а не процесс легализации.

Наиболее распространенный сценарий – имитация выигрыша. Незаконные средства зачисляются на баланс, после чего совершается минимальная серия ставок с низким риском потери. Затем остаток выводится как выигрыш либо возврат депозита. В документах пользователя возникает внешне правдоподобное объяснение происхождения средств. Проверка такого эпизода требует сопоставления числа ставок, коэффициентов, вероятности выигрыша, истории пополнений, продолжительности сессии,

Уголовно-правовые науки

совпадения устройств и последующего расходования средств.

Второй сценарий строится на сети дропов. Организатор распределяет капитал между аккаунтами номинальных пользователей, а каждый профиль создает небольшой фрагмент игровой истории. После нескольких операций средства собираются через электронные кошельки либо банковские карты. Внешне транзакции выглядят как выплаты разным игрокам, хотя контроль за цепочкой сосредоточен у одного бенефициара. Связь устанавливается через повторяющиеся устройства, единые IP-адреса, одинаковые шаблоны ставок, синхронные входы в учетные записи и общие контакты в мессенджерах.

Третий сценарий основан на криптоактивах. FATF описывает виртуальные активы через цифровую форму стоимости, движение которой проходит вне классической банковской инфраструктуры; к рискованным признакам отнесены повышенная анонимность, необычные транзакционные шаблоны, отсутствие экономического объяснения суммы и частоты операций, географические риски, сомнительный источник средств [6, р. 3–6; 7, р. 6]. В игровых схемах указанные признаки проявляются через обмен фиатных средств на цифровые активы, перевод через несколько адресов, использование

миксеров, р2р-сервисов, обменных площадок и последующий возврат в фиатный оборот. В криминалистической литературе подчеркивается, что цифровые транзакции проводят быстро, малыми суммами и в большом количестве, что затрудняет отслеживание маршрута средств; к распространенным приемам сокрытия отнесены децентрализованные платформы, криптовалютные миксеры, искусственное усложнение цепочки и анонимизация кошельков [12, с. 69–70; 13, с. 1–3; 14, с. 177–179].

Четвертый сценарий связан с токенизированными объектами и игровой валютой. Внутренние единицы платформы формально служат средством участия в игре, но при наличии обменного курса, вторичного рынка и обратной конвертации они приобретают финансовую функцию. Криминалистическая проблема состоит в том, что движение стоимости маскируется под игровые действия: покупку скина, передачу виртуального предмета, участие в турнире, продажу токена другому пользователю. Следственная проверка требует оценки не названия объекта, а фактической экономической функции. Для NFT-токенов в научной литературе выделены признаки легализации через криптовалютные транзакции, дробление целевых переводов, миксеры, р2р-биржи, телеграм-боты и криптоматы; для ЦФА указаны

Уголовно-правовые науки

внешние и внутренние уязвимости, связанные с трансграничностью, слабой идентификацией, смарт-контрактами и разобщенностью цифровых платформ [16, с. 150–152; 17, с. 1–2].

Пятый сценарий использует легальные либо внешне легитимные площадки. Наличие лицензии, политики идентификации и пользовательского соглашения не исключает злоупотребления сервисом со стороны участников схемы. Подозреваемый ссылается на формальный статус площадки: он утверждает, что получил выигрыш на обычном сайте. Контраргументация строится на установлении несоответствия между игровой логикой и финансовым поведением: непропорционально крупное пополнение, минимальная активность, синхронные переводы, быстрый вывод, последующая интеграция в материальный актив.

Географический разрыв между оператором платформы, центром обработки данных, платежным агрегатором, регистратором доменного имени и выгодоприобретателем затрудняет получение доказательств. Для публикации нет практической пользы в перечислении отдельных юрисдикций: достаточно установить, что юридическое лицо, инфраструктура и пользовательский маршрут распределены между разными правовыми режимами. Именно эта разобщенность увеличивает срок исполнения

международных запросов и повышает риск утраты серверных журналов; FATF связывает подобные затруднения с быстрыми трансграничными операциями, offshore VASP и неполным внедрением механизмов передачи сведений об отправителе и получателе [6, р. 3; 7, р. 2–3, 16–17]. Для цифровых активов сходная проблема описывается через трансграничный характер операций, регуляторные пробелы и технологические риски распределенных систем [17, с. 1–2].

Цифровые следы целесообразно группировать по трем блокам. Финансовый блок: банковские выписки, идентификаторы платежей, сведения о мерчанте, электронные кошельки, криптоадреса, данные обменных сервисов, параметры смарт-контрактов, история внутренних переводов. Коммуникационный блок: переписка в мессенджерах, электронная почта, инструкции для дропов, обращения в службу поддержки, сообщения о бонусах, рекламные рассылки, телеграм-каналы. Технический блок: IP-адреса, сведения об устройствах, MAC-адреса, cookie-идентификаторы, журналы авторизации, push-уведомления, данные геолокации, версии приложений, доменные записи, серверные логи. В работах о криптовалютном мошенничестве и расследовании легализации доходов

Уголовно-правовые науки

цифровые следы рассматриваются как основной источник доказательственной информации наряду с банковскими транзакциями, электронной перепиской, данными мессенджеров и сведениями, полученными с участием IT-экспертов [11, с. 267–268; 20, с. 183–184].

Мобильные приложения требуют отдельной проверки. Игровые операторы используют не только браузерные кабинеты, но и программы для iOS и Android, распространяемые через сторонние ссылки. Приложение оставляет следы установки, обновления, push-уведомлений, разрешений на геолокацию, связи с сервером, кешированных изображений и локальных токенов авторизации. Эти сведения помогают установить место и время ставок, связать аккаунты с конкретными устройствами, подтвердить участие пользователя в схеме.

Пример с несколькими аккаунтами показывает значение сетевой аналитики. Один профиль проходит полную проверку КУС, второй ограничивается номером телефона, третий использует сторонний сервис идентификации, остальные обслуживают дробление платежей. Формально аккаунты принадлежат разным лицам. Фактическая связь устанавливается через общий маршрутизатор, повторяющиеся устройства, единую схему ставок и синхронные выводы. В такой ситуации упор делается не

на один документ, а на комплекс совпадающих цифровых признаков.

«Золотое окно» расследования охватывает первые 48–72 часа после выявления подозрительного выигрыша. В указанный период сохраняются журналы авторизации, информация о платежных маршрутах, пользовательская переписка, данные приложений, доменные записи и остатки средств на промежуточных счетах. Задержка приводит к перезаписи логов, смене домена, выводу средств на новые кошельки, удалению ботов и прекращению доступа к аккаунтам. Следственная тактика строится на немедленном закреплении наиболее уязвимых данных; цифровая среда, по автореферату В. Д. Халина, осложняет локализацию, извлечение и фиксацию следов, а FATF прямо выделяет ускоренные и дробные операции в числе индикаторов риска [1, с. 5; 6, р. 5–6].

Алгоритм первичной проверки включает восемь действий: 1) получение банковской выписки и сведений о назначении платежа; 2) установление платежного посредника и мерчанта; 3) запрос данных об игровом аккаунте; 4) фиксацию истории ставок и внутренних переводов; 5) анализ устройств, IP-адресов и геолокации; 6) проверку криптоадресов и обменников; 7) выявление связанных профилей и дропов; 8) наложение обеспечительных мер на остатки средств и материальные активы. Последовательность зависит

Уголовно-правовые науки

от доступности данных, но финансовые и технические следы закрепляются параллельно. При расследовании операций с криптовалютой авторы выделяют значение анализа блокчейна, OSINT, сведений о незарегистрированных криптобиржах, контроля каналов обналичивания и взаимодействия с зарубежными правоохранительными органами [12, с. 68–70; 20, с. 183–184].

Комплексная модель противодействия опирается на три уровня. Первый уровень – превентивный контроль платформ и платежных провайдеров: идентификация клиента, мониторинг необычных ставок, лимиты быстрых выводов, проверка связи аккаунтов, хранение журналов. Второй уровень – межведомственный обмен: оперативные каналы между следствием, банками, Росфинмониторингом, операторами связи и регуляторами. Третий уровень – процессуальное закрепление: осмотр цифровых носителей, запросы, выемка серверных данных, экспертиза логов, анализ блокчейн-транзакций и арест активов. Такой подход согласуется с методологией Банка России по оценке риск-факторов ОД/ФТ, материалами FATF о Travel Rule, offshore VASP и DeFi, а также с выводами о необходимости устранять методические пробелы доказывания, повышать профессиональный уровень

сотрудников и развивать межведомственное взаимодействие при расследовании легализации через цифровые активы [5, с. 3–6, 40; 7, р. 16–17, 23–24; 18, с. 35–36; 20, с. 183–184].

При проверке подозрительного выигрыша приоритет имеет не формальный источник выплаты, а совокупность признаков движения стоимости. Следственная оценка охватывает дефиниции электронных денежных средств, оператора перевода, электронного средства платежа, KYC/CDD, виртуального актива, внутренней игровой валюты, цифрового предмета и токенизированного объекта. Схемы, цифровые следы и проверочные действия сгруппированы по функциональному назначению, что позволяет отделить правовое описание операции от криминалистической реконструкции маршрута средств. Подход согласуется с позицией о цифровой валюте как предмете хищений, взяток и коммерческого подкупа, а при легализации, обналичивании и налоговых преступлениях – как средстве совершения преступления [18, с. 35–36; 19, с. 1–2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современных условиях расследования легализации, (отмывания) доходов, полученных преступным путем, становится крайне востребованным использование ситуационного моделирования и организационного подхода при постановке

Уголовно-правовые науки

промежуточных целей, а также планирования расследования таких уголовных дел, характеризующихся значительной сложностью и включающих комплексное противодействие со стороны заинтересованных лиц и необходимость привлечения специальных познаний в области цифровых финансовых активов, цепочек криптообменных операций, восстановления утраченных цифровых следов.

Легализация доходов через виртуальные игровые платформы отличается высокой скоростью маршрутизации средств, смешением игровых и платежных функций, трансграничным размещением инфраструктуры и слабой видимостью внутренних операций для банковской проверки. Достоверная квалификация мнимого выигрыша требует анализа не отдельного

платежа, а всей цепочки стоимости: источник пополнения, игровое поведение, внутренние переводы, технические следы, связь аккаунтов, криптообменные операции и последующее расходование средств.

Практически применимая тактика состоит в раннем закреплении данных, получении сведений от платежного посредника и платформы, параллельном анализе устройств, мессенджеров, приложений, доменных записей и криптоадресов. Приоритет первых 48–72 часов подтверждается свойствами цифровой среды: сведения быстро удаляются, журналы перезаписываются, домены переносятся, участники переходят на новые профили. По указанной причине методика расследования выстраивается вокруг ускоренного доступа к цифровым следам и координации с финансовыми организациями.

Список литературы:

1. Халин В. Д. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, совершенной при помощи информационно-телекоммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. 30 с.
2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
3. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.
4. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 7.
5. Отчет о секторальной оценке рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма. Публичная версия. М.: Банк России, 2025. 44 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/180588/report_sor_od_ft_2025.pdf (дата обращения: 16.05.2026).

Уголовно-правовые науки

6. FATF. Virtual Assets Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing. Paris: FATF/OECD, 2020. 23 p. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/Virtual-assets-red-flag-indicators.html> (дата обращения: 16.05.2026).
7. FATF. Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris: FATF/OECD, 2025. 32 p. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps-2025.html> (дата обращения: 16.05.2026).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
9. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
10. Об организации и осуществлении государственного контроля (надзора) в области организации и проведения азартных игр: постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.2020 № 1060 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4925.
11. Синицина Т. Н. Криминалистическая характеристика мошенничества с использованием криптовалюты // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2026. № 1. С. 267–281. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2026.29.20.
12. Васюков В. Ф., Старжинская А. Н. Об оперативно-розыскных и следственных мерах противодействия легализации преступных доходов с использованием криптовалют // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 68–78. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-68-78.
13. Рясов А. А. Проблемные аспекты расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Human Progress. 2024. Т. 10. Вып. 11. С. 35–42. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-11a-38.
14. Рясов А. А., Пономарева А. В. К вопросу о легализации доходов, добытых преступным путем, совершаемой с использованием криптовалюты // Философия права. 2025. № 1 (112). С. 177–182.
15. Вильская Н. В., Малахова В. Ю. О некоторых особенностях криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 1. С. 94–101. EDN: URHLLN.
16. Науменко О. А. Криминалистический анализ отдельных признаков использования NFT-токенов в преступных целях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 150–156. DOI: 10.25724/VAMVD.A203.
17. Бабанская А. С. Угрозы и уязвимости легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования терроризма в инфраструктурном секторе выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17. № s2. 91FAVN225. 17 с. URL: <https://esj.today/PDF/91FAVN225.pdf> (дата обращения: 16.05.2026).
18. Иванов Д. А., Потапов В. Д., Макаренко М. М. Некоторые проблемные вопросы квалификации и расследования легализации (отмывания) преступных доходов с использованием цифровых финансовых активов // Вестник экономической безопасности. 2025. № 4. С. 35–40. DOI: 10.24412/2414-3995-2025-4-35-40.
19. Гордиенко В. В., Ширшов Б. В., Могути Р. И. Цифровые финансовые активы как инструмент совершения преступлений и легализации доходов, добытых преступным путем // Human Progress. 2025. Т. 11. Вып. 3. С. 27–33. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-3a-13.

Уголовно-правовые науки

20. Рясов А. А., Пономарева А. В. Особенности расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 3 (114). С. 183–189.

References:

1. Khalin V. D. Criminalistic Support for Investigation of Crimes Related to Laundering Proceeds of Crime Committed Using Information and Telecommunication Technologies: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar, 2025. 30 p. (In Russian).
2. On Counteracting the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing of Terrorism: Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001. (In Russian).
3. On the National Payment System: Federal Law No. 161-FZ of 27.06.2011. (In Russian).
4. On State Regulation of Activities Related to the Organization and Conduct of Gambling and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 244-FZ of 29.12.2006. (In Russian).
5. Report on Sectoral Risk Assessment of Money Laundering and Terrorist Financing. Public Version. Moscow: Bank of Russia, 2025. 44 p. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/180588/report_sor_od_ft_2025.pdf (accessed: 16.05.2026).
6. FATF. Virtual Assets Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing. Paris: FATF/OECD, 2020. 23 p. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/Virtual-assets-red-flag-indicators.html> (accessed: 16.05.2026).
7. FATF. Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris: FATF/OECD, 2025. 32 p. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps-2025.html> (accessed: 16.05.2026).
8. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of 26.01.1996. (In Russian).
9. On Personal Data: Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006. (In Russian).
10. On the Organization and Implementation of State Control (Supervision) in the Field of Organization and Conduct of Gambling: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1060 of 17.07.2020. (In Russian).
11. Sinitsina T. N. Forensic characteristics of cryptocurrency fraud. Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2026;(1):267–281. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2026.29.20. (In Russian).
12. Vasyukov V. F., Starzhinskaya A. N. Operational-search and investigative measures against laundering proceeds of crime using cryptocurrencies. Russian Law: Education, Practice, Science. 2024;(4):68–78. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-68-78. (In Russian).
13. Ryasov A. A. Problematic issues of investigating crimes committed using cryptocurrency. Human Progress. 2024;10(11):35–42. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-11a-38. (In Russian).
14. Ryasov A. A., Ponomareva A. V. On the issue of legalization of proceeds from crime committed with the use of cryptocurrency. Philosophy of Law. 2025;(1):177–182. (In Russian).
15. Vilskeya N. V., Malakhova V. Yu. About some features of the criminalistic characteristics of crimes committed using cryptocurrency. Economic Problems and Legal Practice. 2024;20(1):94–101. EDN: URHLLN. (In Russian).

Уголовно-правовые науки

16. Naumenko O. A. Criminalistic analysis of specific features while using NFT tokens for criminal purposes. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(4):150–156. DOI: 10.25724/VAMVD.A203. (In Russian).
17. Babanskaya A. S. Threats and vulnerabilities of legalization (laundering) of criminal proceeds and financing of terrorism in the infrastructure sector of issuance, accounting and circulation of digital financial assets. The Eurasian Scientific Journal. 2025;17(s2):91FAVN225. 17 p. URL: <https://esj.today/PDF/91FAVN225.pdf> (accessed: 16.05.2026). (In Russian).
18. Ivanov D. A., Potapov V. D., Makarenko M. M. Some problematic issues of qualification and investigation of money laundering using digital financial assets. Bulletin of Economic Security. 2025;(4):35–40. DOI: 10.24412/2414-3995-2025-4-35-40. (In Russian).
19. Gordienko V. V., Shirshov B. V., Mogutin R. I. Digital financial assets as an instrument for committing crimes and laundering proceeds of crime. Human Progress. 2025;11(3):27–33. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-3a-13. (In Russian).
20. Ryasov A. A., Ponomareva A. V. Features of investigation of crimes related to legalization (laundering) of criminally obtained funds. Jurist-Pravoved. 2025;(3):183–189. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбань Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики; Юридический факультет им. А. А. Хмырова КубГУ; г. Краснодар, Россия; e-mail: ese12morales@gmail.com; SPIN-код: 2945-0421

Багаев Богдан Дмитриевич, студент 3-го курса; Юридический факультет им. А. А. Хмырова КубГУ; г. Краснодар, Россия; e-mail: baga-06@inbox.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Gorban Alexander Sergeevich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics; A. A. Khmyrov Faculty of Law, Kuban State University; Krasnodar, Russia; e-mail: ese12morales@gmail.com; SPIN-code: 2945-0421

Bagaev Bogdan Dmitrievich, 3rd year student; A. A. Khmyrov Faculty of Law, Kuban State University; Krasnodar, Russia; e-mail: baga-06@inbox.ru

Материал поступил в редакцию: 16 апреля 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 10 мая 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Горбань А. С., Багаев Б. Д.

Научная статья

УДК/UDC 343.3/343.4

ББК 67.408

5.1.4 – Уголовно -правовые науки

АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Дворжицкая Марина Андреевна¹¹ Северо-Западный филиал «РГУП им. В.М. Лебедева»**Аннотация**

В статье проводится сравнительный анализ уголовно-правовых норм, направленных на защиту несовершеннолетних от противоправных действий взрослых, в Российской Федерации, Республике Таджикистан и Республике Казахстан. Рассматриваются статьи 156 УК РФ, 174 УК РТ и 140 УК РК, которые предусматривают ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Также анализируются статьи 175 УК РТ и 141 УК РК, устанавливающие ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей. В результате исследования было выявлено, что, несмотря на общие цели защиты прав несовершеннолетних, в уголовном законодательстве Таджикистана и Казахстана применяется двухнормативная модель защиты. Она также включает в себя отдельный состав за причинение вреда жизни и здоровью ребёнка по неосторожности в результате ненадлежащего исполнения обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей, который отсутствует в УК РФ. В результате сравнительного анализа предлагается рассмотреть в качестве дальнейшего совершенствования статьи 156 УК РФ следующие направления: введение квалифицирующего признака – совершение деяния в отношении двух или более несовершеннолетних; разработка отдельной статьи 156.1 УК РФ, которая будет предусматривать ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей. В этой статье следует установить дифференцированную ответственность в зависимости от наступивших последствий для несовершеннолетнего, таких как причинение вреда здоровью средней тяжести, тяжкого вреда или смерти несовершеннолетнего.

Ключевые слова: несовершеннолетние, неисполнение обязанностей по воспитанию, безопасность жизни и здоровья детей, сравнительно-правовой анализ, УК Российской Федерации, УК Республики Таджикистан, УК Республики Казахстан.

ANALYSIS OF CRIMINAL LAW REGULATION AND THE PRACTICE OF APPLYING CRIMINAL LEGISLATION ON NON-FULFILLMENT OF OBLIGATIONS TO RAISE MINORS IN SOME CIS MEMBER COUNTRIES USING THE EXAMPLE OF RUSSIA, THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Dvorzhickaya Marina Andreevna¹¹ Severo-Zapadnyj filial «RGUP im. V.M. Lebedeva»**Abstract**

The article provides a comparative analysis of the criminal law norms aimed at protecting minors from illegal actions of adults in the Russian Federation, the Republic of Tajikistan and the Republic of Kazakhstan. Articles 156 of the Criminal Code of the Russian Federation, 174 of the Criminal Code of the Republic of Tatarstan and 140 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, which provide for liability for failure to fulfill the duties of raising a minor, are considered. Articles 175 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan and 141 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, which establish responsibility for improper performance of duties to ensure the safety of life and health of children, are also analyzed. The study revealed that, despite the common goals of protecting the rights of minors, a two-pronged protection model is used in the criminal legislation of Tajikistan and Kazakhstan. It also includes a separate charge for causing harm to the life and health of a child through negligence as a result of improper performance of duties to ensure the safety of life and health of children, which is not included in the Criminal Code of the Russian Federation. As a result of the comparative analysis, it is proposed to consider the following areas as further improvements to Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation: the introduction of a qualifying feature – the commission of an act against two or more minors; the development of a separate article 156.1 of the Criminal Code, which will provide for liability for improper performance of duties to ensure the safety of life and health of children. This article should establish differentiated responsibility depending on the consequences that have occurred, such as causing moderate harm to health, serious harm or death of a minor.

Keywords: minors, non-fulfillment of parenting duties, safety of life and health of children, comparative legal analysis, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Republic of Tajikistan, Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

ВВЕДЕНИЕ

Защита от пыток и жестокого, бесчеловечного обращения с человеком закреплена в основных международно-правовых актах и распространяется на всех лиц, включая взрослых и несовершеннолетних [1; 2; 3], в которых подчёркивается необходимость разработки и применения специальных мер по защите детей от насилия. В результате, поведение, которое в отношении взрослого не квалифицируется как жестокое, при воздействии на ребёнка может рассматриваться как жестокое

вследствие его уязвимого положения. Обеспечение безопасности детей, которые в силу возраста и ступени развития требуют повышенной правовой и фактической защиты от потенциально опасных действий взрослых, относится к приоритетным направлениям государственной политики государств-участников, как Российской Федерации, так и Республики Таджикистан, а также Республики Казахстан. Основной задачей в этой сфере является сокращение числа противоправных посягательств, как со стороны

несовершеннолетних, так и в отношении них. Эффективное решение данной задачи требует адекватной юридической оценки поведения взрослых по отношению к детям, включая применение уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании использованы общенаучные и частнонаучные методы познания. Метод анализа и синтеза обеспечил системное изучение положений действующего уголовного законодательства государств – участников СНГ, а именно Российской Федерации [4], Республики Таджикистан [5] и Республики Казахстан [6], в части регламентации ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Применение сравнительно-правового метода позволило сопоставить исследуемые нормы уголовного права, установить их общие черты и различия, а также выявить элементы положительной практики правового регулирования, представляющие интерес для совершенствования российского уголовного законодательства. В качестве эмпирической базы исследования использованы действующие редакции уголовных кодексов Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Таджикистан.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В Российской Федерации уголовно-правовая защита несовершеннолетних обеспечивается, в том числе, с помощью специальной нормы, предусматривающей ответственность взрослого лица за неисполнение обязанностей по воспитанию ребёнка (статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации) [4]. В Республике Таджикистан уголовно-правовая защита несовершеннолетних обеспечивается более комплексно с помощью специальных норм, предусматривающих ответственность взрослого лица как за невыполнение обязанностей по обучению и воспитанию ребёнка (статья 174 Уголовного кодекса Республики Таджикистан) [5], так и за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (статья 175 Уголовного кодекса Республики Таджикистан). В Республике Казахстан уголовно-правовая защита несовершеннолетних обеспечивается также комплексно, как и в Таджикистане, с помощью специальных норм, предусматривающих ответственность взрослого лица как за невыполнение обязанностей по обучению и воспитанию ребёнка (статья 140 Уголовного кодекса Республики Казахстан) [6], так и за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению

Уголовно-правовые науки

безопасности жизни и здоровья детей (статья 141 Уголовного кодекса Республики Казахстан) [6].

Родовые и видовые объекты исследуемых преступных деяний схожи. В качестве родового объекта исследуемого преступления в Российской Федерации, Республике Таджикистан и Республике Казахстан рассматриваются общественные отношения в сфере охраны интересов личности. Видовым объектом являются общественные отношения в сфере охраны интересов семьи и несовершеннолетних.

Непосредственный объект преступлений, предусмотренных статьями 156 УК РФ, 174 УК РТ и 140 УК РК, включает в себя общественные отношения, направленные на создание условий для нормального развития несовершеннолетних, включая их психическое, физическое и нравственное развитие. Дополнительным непосредственным объектом являются телесная или психическая неприкосновенность несовершеннолетнего, а также свобода, честь и достоинство личности.

Непосредственный объект преступления, предусмотренного статьёй 175 УК РТ и статьёй 141 УК РК, – физическая безопасность и здоровье малолетнего. Вред от данного преступления наносится потерпевшему, который является несовершеннолетним лицом, не

достигшим восемнадцатилетнего возраста (согласно статьям 156 УК РФ и статье 174 УК РТ), или малолетним лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста (статьи 175 УК РТ, 141 УК РК). Однако в части 3 статьи 140 УК РК присутствует интересный для законодательства Российской Федерации квалифицирующий признак, согласно которому неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего совершается в отношении двух и более лиц. Иными словами, законодатель учитывает повышенную степень общественной опасности содеянного и предусматривает в данном случае квалификацию подобного деяния по одной статье как единое продолжаемое преступление.

Объективная сторона преступного посягательства по ст. 156 УК РФ включает в себя обязательный признак – деяние в виде бездействия, которое выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если это оно соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. В статье 174 УК РТ и ст. 140 УК РК также прослеживается сходство в части деяния объективной стороны, которое выражается в невыполнении или ненадлежащем выполнении обязанности, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Напомним,

Уголовно-правовые науки

что в уголовном праве для того чтобы установить уголовно-правовое бездействие, связанное с невыполнением или ненадлежащим выполнением обязанностей, необходимо наличие трёх условий:

1. Наличие у лица обязанности действовать определённым образом.
2. Наличие возможности реализовать возложенную обязанность.
3. Факт невыполнения соответствующей обязанности.

Следует отметить, что в российском законодательстве и законодательстве Республики Казахстан предусмотрена ответственность только за невыполнение обязанностей по воспитанию детей, в то время как в Таджикистане ответственность предусмотрена как за невыполнение обязанностей по воспитанию, так и обучению. Обязанность по воспитанию в российском законодательстве трактуется широко и представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение заботы о ребёнке, уважения его человеческого достоинства, удовлетворения всех его жизненно важных интересов и потребностей с учётом возраста, состояния здоровья, а также на создание благоприятных условий для этого. В связи с этим, в случае, если ребёнок не посещает школу, родитель пренебрегает мерами безопасности, проявляя жестокое обращение, это может быть квалифицировано в соответствии со статьёй 156 УК РФ.

Интересно, что ранее в УК РК содержалась часть 1, которая впоследствии была исключена, и в ней была предусмотрена ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение без уважительных причин обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего обязанным лицом, повлекшее употребление несовершеннолетним алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов либо занятие бродяжничеством или попрошайничеством, либо совершение им деяния, содержащего признаки преступления, умышленного уголовного проступка или умышленного административного правонарушения. В данной исключенной части отсутствовал признак способа – жестокого обращения с несовершеннолетним.

Также, анализируя объективную сторону, следует подчеркнуть, что составы преступлений, предусмотренные статьями 156 УК РФ и 174 УК РТ, по конструкции объективной стороны представлены в виде формальных, а последствия находятся за рамками состава преступления.

Кроме того, в статье 156 УК РФ и в статье 140 УК РК говорится об обязанностях во множественном числе, хотя на практике эта норма применяется с использованием ограничительного толкования. В свою очередь, в статье 174 УК РТ говорится о невыполнении

Уголовно-правовые науки

обязанности в единственном числе. Такой подход представляется более уместным, поскольку неисполнение одной обязанности может быть настолько интенсивным и достигать уровня жестокого обращения.

Между тем в статье 175 УК РТ общественно опасное деяние, как признак объективной стороны, выражается в ненадлежащем исполнении обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего. В статье 175 УК РТ отсутствует такой признак, как «жестокое обращение», достаточно небрежного исполнения обязанностей по обеспечению безопасности, повлекшего предусмотренные законом последствия. Состав преступления является материальным и предусматривает наступление вреда здоровью средней тяжести по неосторожности (ч. 1), тяжкого вреда здоровью (ч. 2) или смерти малолетнего (ч. 3). Иными словами, в статье 175 УК РТ предусмотрена ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего, в результате чего наступили тяжкие последствия. Схожая норма закреплена в статье 141 УК РК, в которой общественно опасное деяние, как признак объективной стороны, выражается в ненадлежащем исполнении обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего. Состав преступления является материальным и

предусматривает наступление вреда здоровью средней тяжести по неосторожности или тяжкого вреда здоровью (ч. 1) или смерти малолетнего (ч. 2).

Интересно, что в российской правоприменительной практике отсутствует специальное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, унифицирующее правила квалификации по данной категории дел. Аналогичные специальные разъяснения высшей судебной инстанции, касающиеся указанных статей, также отсутствуют в Таджикистане и Казахстане.

Анализируя субъект исследуемого преступления, следует отметить, что, в соответствии со статьей 156 УК РФ, он является специальным. Обязанности по воспитанию несовершеннолетнего могут быть возложены, как на родителей, так и на других лиц (педагогических работников, сотрудников образовательных, медицинских и социальных учреждений, а также представителей иных организаций, осуществляющих надзор за несовершеннолетними). Схожий субъектный состав в преступлении, предусмотренном ст. 174 УК РФ, – родитель или иное лицо, на которое по закону возложена эта обязанность, а равно педагог или другой работник учебного или воспитательного учреждения. В статье 140 УК РК субъект преступления уточнен и им является

Уголовно-правовые науки

родитель или иное лицо, на которое возложены эти обязанности, а равно педагог или другой работник учебного, воспитательного, лечебного или иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним. Субъект преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, – обязанное лицо, на которое обязанности возложены по службе, либо лицо, выполняющее эти обязанности по специальному поручению или добровольно принявшее на себя такие обязанности. Аналогичные признаки специального субъекта закреплены в статье 141 УК РК. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, 140 УК РК и ст. 174 УК РТ, выражается в вине в форме прямого умысла. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий и желает их совершения. В статье 175 УК РФ и 141 УК РК вина представлена неосторожностью.

В результате сравнительно-правового анализа санкций, предусмотренных статьями 156 УК РФ, 174 РТ и 140 УК РК, за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряжённое с жестоким обращением, были выявлены следующие существенные различия. Во-первых, санкция, предусмотренная статьёй 156 УК РФ, является наиболее строгой среди рассматриваемых норм. Максимальный срок наказания в виде лишения свободы составляет

три года, что превышает соответствующие сроки, установленные в УК РТ и УК РК (два года). Кроме того, в Российской Федерации предусмотрен наиболее длительный срок дополнительного наказания в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью – до пяти лет, в то время как в законодательстве Таджикистана и Казахстана этот срок ограничен тремя годами. Во-вторых, с учетом исследуемой нормы российского уголовного законодательства, в отличие от законодательства Республики Казахстан и Республики Таджикистан, предусмотрена возможность назначения наказания в виде принудительных работ на срок до трёх лет. Это расширяет спектр альтернативных наказаний, не связанных с лишением свободы, и позволяет суду более дифференцированно подходить к определению меры наказания в зависимости от степени общественной опасности деяния и личности виновного. В-третьих, уголовное законодательство Республики Казахстан вводит ограничение свободы в качестве самостоятельного вида наказания на срок до двух лет, что не предусмотрено в статье 156 УК РФ и статье 175 УК РТ. Такой подход повышает гибкость системы наказаний и предоставляет дополнительную альтернативу

Уголовно-правовые науки

лишению свободы без изоляции от общества.

В результате сравнительно-правового анализа санкций ст. 175 УК РТ и ст. 141 УК РК также выявлены принципиальные различия в подходах к уголовно-правовому регулированию наказания за данные преступления. Во-первых, уголовное законодательство Республики Таджикистан характеризуется наиболее строгой карательной моделью, поскольку санкция статьи предусматривает наказание (ст. 174 УК РТ) в виде лишения свободы как единственного основного вида наказания (от 3 до 5 лет по основному составу и от 5 до 8 лет за квалифицированный состав), без каких-либо альтернатив в виде основных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В отличие от этого, уголовное законодательство Республики Казахстан устанавливает гибкую дифференцированную санкцию, предусматривающую широкий спектр альтернативных основных видов наказания, включая штраф, исправительные работы, общественные работы и ограничение свободы, лишение свободы на срок до двух лет, что свидетельствует о реализации принципа гуманизма и соразмерности наказания степени общественной опасности деяния. Во-вторых, таджикский законодатель проводит более детальную дифференциацию

квалифицирующих признаков в части 2 статьи 175 УК, выделяя отдельно причинение тяжкого вреда здоровью малолетнего и его смерть, однако устанавливает единую санкцию для обоих квалифицирующих признаков (от 5 до 8 лет), что сужает возможности индивидуализации наказания. Казахский законодатель, напротив, объединяет тяжкий и средней тяжести вред здоровью в части 1 статьи 141 УК, а в части 2 выделяет только смерть малолетнего, что обеспечивает более широкое усмотрение суда при назначении наказания в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Закключение.

Обеспечение безопасности детей, которые в силу своего возраста нуждаются в усиленной защите от потенциально опасных действий взрослых, является одной из приоритетных задач, как для Российской Федерации, так и для Республики Таджикистан и Республики Казахстан. Ключевым аспектом в этой области является снижение уровня противоправных действий, как со стороны несовершеннолетних, так и направленных против них. Несмотря на схожесть правовых систем, подходы к оценке деяний, связанных с воспитанием и безопасностью детей, имеют свои особенности. В Российской Федерации уголовно-правовая защита несовершеннолетних обеспечивается, в том числе, с

Уголовно-правовые науки

помощью специальной нормы, предусматривающей ответственность взрослого лица за неисполнение обязанностей по воспитанию ребёнка (статья 156 УК РФ). Указанная статья 156 УК РФ и статья 174 УК РТ, а также статья 140 УК РК имеют схожие положения, направленные на защиту прав и интересов несовершеннолетних. В данных нормах содержатся схожие положения, которые направлены на охрану одних и тех же общественных отношений и включают в себя сходные признаки состава преступления.

Несмотря на общие черты в законодательных подходах, в Республике Таджикистан и Республике Казахстан несовершеннолетние находятся под более широкой защитой уголовного законодательства, которая обеспечивается двумя специальными нормами. В Республике Таджикистан имеется статья 175 УК РТ, которая предусматривает ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей. В Республике Казахстан это статья 141 УК РК, которая также предусматривает ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей. В УК РФ подобная специальная норма отсутствует. Статьи 175 УК РТ и 141 УК РК

представляют собой самостоятельные составы, которые направлены на предотвращение вреда жизни и здоровью несовершеннолетнего, причинённого по неосторожности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, некоторые полученные в данном исследовании выводы могут быть учтены при совершенствовании уголовно-правовых средств, направленных на защиту детей, в частности статьи 156 УК РФ, которая предусматривает ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних. В этой связи предлагается ввести в данный состав квалифицирующий признак, предусматривающий совершение данного деяния в отношении двух и более несовершеннолетних лиц. Также предлагается рассмотреть вопрос о конструировании специальной нормы (статья 156.1 УК РФ), которая будет предусматривать ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей. В данном составе предлагается предусмотреть введение квалифицированных составов, аналогичных статьям 175 УК РТ и 141 УК РК, с дифференциацией в них ответственности за наступление различных последствий (средней тяжести, тяжкого вреда здоровью несовершеннолетнего, смерти несовершеннолетнего).

Уголовно-правовые науки

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 15.05.2026).
2. Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15160#PyUGOZUo2NkzSsAz> (дата обращения: 15.05.2026).
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 15.05.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст.2954.
5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: закон от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.12.2025 г.) // Информационная система «Континент». – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=1834;-42 (дата обращения: 08.02.2026).
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан: закон от 3.07. 2014 № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.03.2026 г.) // Информационная система «Континент». – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 08.02.2026).

References:

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (date of access: 15.05.2026).
2. Declaration of the Rights of the Child (adopted on 20.11.1959 by Resolution 1386 (XIV) at the 841st plenary meeting of the UN General Assembly) // ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15160#PyUGOZUo2NkzSsAz> (date of access: 15.05.2026).
3. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on 15.09.1990) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (accessed: 15.05.2026).
4. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13 June 1996 No. 63-FZ // SZ RF. 1996. No. 25. Art. 2954.
5. Criminal Code of the Republic of Tajikistan: Law of 21 May 1998 No. 574 (with amendments and additions as of 17.12.2025) // Information System "Continent". – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=1834;-42 (date of access: 08.02.2026).
6. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Law of 3.07. 2014 No. 226-V (with amendments and additions as of 08.03.2026) // Information system "Continent". – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (date of access: 08.02.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дворжицкая Марина Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права; Северо-Западный филиал «РГУП им. В. М. Лебедева»; г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: dvorzhickaya91@mail.ru; SPIN-код: 8878-0727

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dvorzhickaya Marina Andreevna, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law; North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev; St. Petersburg, Russia; e-mail: dvorzhickaya91@mail.ru; SPIN-code: 8878-0727

Материал поступил в редакцию: 24 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 07 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Дворжицкая М. А.

Научная статья

УДК/UDC 343.14

ББК 67.77

5.1.4 – Уголовно -правовые науки

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЮ, ДОЗНАВАТЕЛЮ И В СУД

Ляхова Анжелика Ивановна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Паулаускяйте Виктория Димгаудас¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

В статье рассматриваются особенности представления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю, дознавателю и в суд. Анализируются нормативно-правовые основы регулирования данной деятельности, а также порядок передачи, документирования и оценки оперативной информации. На основе анализа научных подходов и судебной практик выявляются основные проблемы, связанные с допустимостью результатов оперативно-розыскной деятельности, и предлагаются возможные направления их разрешения. В качестве решения обозначенных проблем предлагается комплексный подход, включающий законодательные изменения, установление прозрачных критериев допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности, обучение оперативных сотрудников и унификацию судебной практики. Отмечается, что результаты оперативно-розыскной деятельности приобретают доказательственное значение только при надлежащем оформлении и проверке.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, следователь, дознаватель, суд, доказательства, судебная практика, процессуальное оформление.

PRESENTATION OF THE RESULTS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES TO THE INVESTIGATOR, INQUIRY OFFICER AND TO THE COURT

Lyakhova Anzhelika Ivanovna ¹

¹ Belgorod State National Research University

Paulauskiate Viktoriya Dimgaudas¹

¹ Belgorod State National Research University

Abstract

This article examines the specifics of presenting the results of operational investigative activities to investigators, inquiry officers, and the court. It analyzes the legal framework governing these activities, as well as the procedures for transmitting, documenting, and evaluating operational information. Based on an analysis of scientific approaches and judicial practice, the main issues related to the admissibility of operational investigative activity results are identified and possible solutions are proposed. A comprehensive approach is proposed to address these issues, including legislative changes, the establishment of transparent criteria for the admissibility of operational investigative activity results, training of operational officers, and the harmonization of judicial practice. It is noted that the results of operational investigative activities acquire evidentiary value only when properly documented and verified.

Keywords: operational investigative activity results, investigator, inquiry officer, court, evidence, judicial practice, procedural documentation.

ВВЕДЕНИЕ

Оперативно-розыскная деятельность (далее по тексту — ОРД) занимает значительное место в системе правоохранительных органов — обеспечивает выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Особенность ОРД состоит в использовании гласных, а также негласных методов получения информации. Данные методы, закрепленные в федеральном законодательстве, хотя и повышают эффективность работы правоохранительных органов, порождают сложные вопросы о допустимости применения результатов ОРД в качестве доказательств в суде. Следователь и дознаватель оценивают актуальность полученной информации, определяют необходимость дополнительных мероприятий и обеспечивают оформление документов, рапортов, сообщений и протоколов для дальнейшего использования в работе государственных органов и суда [1, с. 32].

Результаты ОРД могут использоваться для принятия управленческих и процессуальных решений, планирования проверок, расследований, а также для анализа и прогнозирования угроз. Однако сам факт получения информации оперативными методами не

наделяет ее юридическим статусом доказательства. В научной литературе ведутся дискуссии о правовом статусе таких сведений, условиях их достоверности и допустимости применения в административных и судебных процессах [2, с. 406].

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту — ФЗ № 144) определяет цели, задачи, методы проведения и перечень уполномоченных органов, а также особенности применения негласных способов добычи информации [3]. Также межведомственные инструкции регламентируют подготовку рапортов, сообщений о выявленных признаках нарушений и порядок защиты сведений, которые составляют государственную тайну [4].

Вопрос использования результатов ОРД в доказывании в научной сфере считается актуальным. Необходимо обратиться к теоретической стороне исследуемого вопроса. Так, О.~А. Теплякова отмечает: «Доказывание является наиболее желательным способом получения сведений, необходимых для расследования и рассмотрения уголовного дела, но в силу того, что без оперативно-розыскной информации обойтись невозможно, необходима лучшая

Уголовно-правовые науки

проработка путей перевода подобной информации в доказательства» [5, с. 76].

Не менее интересна точка зрения А.А. Газаряна, отметившего, что для правомерного и эффективного использования в процессе сведений, полученных непроцессуальным путем, необходимо наличие возможности у дознавателя, следователя либо суда их проверить и уже после этого трансформировать в ту форму, которую Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) предусматривает для доказательств [6, с. 41].

Доказательством являются предметы и документы либо иная информация, которая уже проверена следователем и в соответствии с уголовным процессом представлена в виде конечного результата — доказательства. Отметим, что результаты ОРД являются результатом проведенного ОРД, а не результатом проверки и оценки следователя. Перед тем как приобщать к делу материалы, следователь должен их проверить и оценить в совокупности с иными доказательствами [7, с. 262].

Проанализировав точки зрения различных исследователей, отметим, что в научной литературе внимание обращается прежде всего на необходимость разработки механизмов, позволяющих переводить результаты ОРД в доказательства, а также указывается

на важность их обязательной проверки со стороны следователя, дознавателя и суда. Можно сказать, что эти позиции не противоречат друг другу, а скорее дополняют. Для того чтобы сведения, полученные в ходе ОРД, могли использоваться в уголовном процессе, они должны не только быть правильно оформлены, но и проверены в установленном порядке, в связи с чем результаты ОРД представляют собой лишь итог проведения соответствующих мероприятий. Только после их проверки, оценки и процессуального закрепления они могут быть признаны доказательствами и использоваться при рассмотрении уголовного дела.

ОБСУЖДЕНИЕ

Обратимся к примерам из судебной практики. Так, в деле № 224-УД25-3-А6, которое рассматривал Кассационный суд Российской Федерации 4 марта 2025 г., была подтверждена допустимость использования результатов ОРД. Суд отметил необходимость надлежащей и качественной их проверки и правильного оформления, прежде чем допустить до доказательств в ходе дела. Несмотря на то, что данные изначально не имели статуса доказательств, их документирование и надлежащее оформление позволили рассматривать их в качестве источника информации пригодного для дальнейшего расследования и подтверждения обстоятельства дела. При этом суд

Уголовно-правовые науки

подчеркнул, что оценка таких сведений должна проводиться в совокупности с иными доказательствами и с учетом обстоятельств совершенного преступления, что способствует объективной оценке степени общественной опасности деяния и обстоятельства его совершения [8].

Как следует из материалов дела № 1-19/2014, в ходе проведения ОРД «Наблюдение» сотрудники Оперативно-розыскной части собственной безопасности Управления Министерства внутренних дел России (далее по тексту — ОРЧ СБ УМВД России) по Тамбовской области осуществили запись телефонных переговоров между М. С. Н. и З. Как следует из прослушанной в судебном заседании фонограммы, запись проведена с согласия З., которая переключает свой телефон в режим «громкая связь» для удобства производства записи переговоров.

По ФЗ № 144 наблюдение — это тайное, направленное, систематическое наблюдение за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения с целью получения информации о признаках преступной деятельности, возможных соучастниках, местах хранения орудий совершения преступлений и похищенного имущества. В настоящем случае сотрудники ОРЧ СБ УМВД России по Тамбовской области открыто, с

согласия лица, осуществившего телефонные переговоры, произвели прослушивание и запись телефонных переговоров, что не может быть признано равнозначным оперативно-розыскному мероприятию «Наблюдение». По мнению суда, не имеет значения, велись ли прослушивание и запись телефонных переговоров с подключением к системам связи или без такового, по тому основанию, что использование в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей, имеет целью фиксацию хода и результатов проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий и не является самостоятельным оперативно-розыскным мероприятием. Применение технических средств, включая средств аудиозаписи, осуществляется в рамках общего порядка проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий и само по себе не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения: судебное решение признается обязательным условием для проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, а не

Уголовно-правовые науки

для фиксации их хода и результатов [9]. В результате данного дела запись телефонного разговора сотрудниками правоохранительных органов посчиталась недопустимой для доказательств.

Проанализировав судебную практику и теоретические источники, можно выделить ряд проблем, влияющих на допустимость результатов ОРД. Главная проблема заключается в отсутствии некоторых законных оперативно-розыскных мероприятий, из-за чего суды на практике полученные результаты не признают допустимыми. Кроме того, сотрудники совершают неправомерные действия, вследствие чего ставится под сомнение законность получения этих доказательств. Также происходят нарушения по оформлению документов, что затрудняет проверку и закрепление доказательств. В итоге допустимость таких доказательств зависит сразу от нескольких факторов.

Важно отметить, что ошибки в оформлении, санкционировании или документировании оперативно-розыскных мероприятий влекут признание доказательств недопустимыми в суде, что сокращает перечень доказательств для стороны обвинения. В связи с этим необходимо реализовать комплекс мер, а именно:

1) внести в УПК РФ отдельную норму, в которой закрепить, что результаты оперативно-розыскных мероприятий могут быть признаны доказательствами только при условии их проверки следователем или судом, при соблюдении требований к их процессуальному оформлению;

2) установить четкие критерии допустимости сведений ОРД, включить требования к их получению, фиксации и последующей оценке;

3) определить последствия нарушений при проведении данных мероприятий, в т. ч. закрепить положения о недопустимости использования сведений, полученных с нарушениями требований закона;

4) регулярно повышать квалификацию сотрудников правоохранительных органов, в т. ч. следователей и дознавателей, вовлеченных в сбор и обработку информации, что позволит минимизировать ошибки и повысить качество анализа данных;

5) организовать систематический мониторинг и анализ судебной практики по делам, связанным с ОРД, для формирования единых подходов и стандартов при рассмотрении таких материалов.

Реализация указанных мер позволит повысить качество уголовного судопроизводства, укрепить правовую защиту граждан

Уголовно-правовые науки

и обеспечить рациональное использование оперативной информации. Это не только укрепит доверие к результатам оперативно-розыскным мероприятиям, но и улучшит взаимодействие субъектов судебного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование подтвердило значимость результатов ОРД для доказывания. Однако на практике возникают сложности с выбором способа их

проверки и процессуального использования, что свидетельствует о недоработках законодательства в данной части и порождает разночтения. В связи с этим оперативно-розыскные мероприятия нуждаются в совершенствовании и четком закреплении порядка проверки и использования результатов ОРД, что сделает процесс доказывания более последовательным и однозначным.

Список литературы:

1. Баженов С. В., Пилюшин И. И., Павлов А. В. Представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3 (58). С. 30–34.
2. Титов П. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве основания для производства следственных действий // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 405–412.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10104229/> (дата обращения: 18.06.2026).
4. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70531824/> (дата обращения: 18.06.2026).
5. Теплякова О. А. Особенности и проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2020. № 3 (25). С. 71–76.
6. Газарян А. А. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу // Уголовный процесс и криминалистика. 2017. № 2. С. 39–43.
7. Ларин К. И. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Образование и право. 2021. № 8. С. 260–264.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2025 № 224-УД25-3-А6 // Кодексы online. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-04032025-n-224-ud25-3-a6/> (дата обращения: 18.06.2026).
9. Приговор от 23 июля 2014 года р. п. Ржаксинский районный суд Тамбовской области, первой инстанции, по делу №1-19/2014 // Архив судебных дел и решений. URL: <https://actofact.ru/case-68RS0022-1-19-2014-2014-04-23-2-0> (дата обращения: 18.06.2026).

References:

1. Bazhenov S. V., Pilyushin I. I., Pavlov A. V. Presentation of the Results of Operational-Investigative Activities to the Inquiry Body, Investigator, or Court // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (58). Pp. 30–34.
2. Titov P. V. Using the Results of Operational-Investigative Activities as a Basis for Investigative Actions // Issues of Russian Justice. 2023. No. 28. Pp. 405–412.
3. On Operational-Investigative Activities: Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (as amended on 01.04.2025) // Garant. URL: <https://base.garant.ru/10104229/> (date of access: 18.06.2026).
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the FSB of Russia, the Federal Protective Service of the Russian Federation, the Federal Customs Service, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation dated September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "On Approval of the Instructions on the Procedure for Submitting the Results of Operational-Investigative Activities to the Inquiry Body, Investigator, or to the Court" // Garant. URL: <https://base.garant.ru/70531824/> (date of access: 18.06.2026).
5. Teplyakova O. A. Features and Problems of Using the Results of Operational-Investigative Activities in Proving // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2020. No. 3 (25). Pp. 71–76.
6. Gazaryan A. A. On the Use of the Results of Operational-Investigative Activities in Proving a Criminal Case // Criminal Procedure and Forensic Science. 2017. No. 2. Pp. 39–43.
7. Larin K. I. Using the Results of Operational-Investigative Activities in Proving // Education and Law. 2021. No. 8. Pp. 260–264.
8. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.03.2025 No. 224-UD25-3-A6 // Codes online. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-dela-m-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-04032025-n-224-ud25-3-a6/> (date of access: 18.06.2026).
9. Verdict of July 23, 2014 of the Rzhaksinskiy District Court of the Tambov Region, first instance, in case No. 1-19/2014 // Archive of court cases and decisions. URL: <https://actofact.ru/case-68RS0022-1-19-2014-2014-04-23-2-0> (date of access: 18.06.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ляхова Анжелика Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; г. Белгород, Россия; e-mail: lyakhova@bsuedu.ru

Паулаускяйте Виктория Димгаудас, студентка юридического института; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; г. Белгород, Россия; e-mail: Dimgaudas2003@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lyakhova Anzhelika Ivanovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure; Belgorod State National Research University; Belgorod, Russia; e-mail: lyakhova@bsuedu.ru

Уголовно-правовые науки

Paulauskiate Viktoriya Dimgaudas, student of the Law Institute; Belgorod State National Research University; Belgorod, Russia; e-mail: Dimgaudas2003@yandex.ru

Материал поступил в редакцию: 24 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 02 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Ляхова А. И., Паулаускяйте В. Д.

Научная статья

УДК/UDC 343.34

ББК 67.408

5.1.4 – Уголовно -правовые науки

К ВОПРОСУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, КАСАЮЩЕГОСЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ- УЧАСТНИЦАХ СНГ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Писаревская Елена Анатольевна¹¹ Северо-Западный филиал «РГУП им. В.М. Лебедева»

Аннотация

В настоящем исследовании показано, что статьи 307(1) УК РТ и 280 УК РФ предусматривают ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, при этом в УК Республики Таджикистан дополнительно закреплена ответственность за публичное оправдание экстремизма, отсутствующее в УК РФ. В УК РК отдельная норма об ответственности за публичные призывы к экстремистской деятельности отсутствует; к соответствующим действиям применяется статья 256 УК РК, устанавливающая ответственность за пропаганду терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма, а также за изготовление, хранение с целью распространения либо распространение материалов террористической направленности. Выявлено, что в Республике Таджикистан наказание за указанные деяния строится на более жёсткой модели, предусматривающей обязательное лишение свободы, в том числе при использовании средств массовой информации и сети интернет; в Российской Федерации санкция включает альтернативные меры и менее продолжительные сроки наказания в виде лишения свободы. В Республике Казахстан закреплён наиболее репрессивный подход с наказанием, предусматривающим повышенные сроки лишения свободы и конфискацию имущества. Представляется целесообразным перенять подход Республики Таджикистан, прямо исключая простое одобрение в виде «лайков» из признаков публичного оправдания экстремизма, а также закрывший в законе уголовную ответственность за публичное оправдание экстремизма. Кроме того, положения УК РК, предусматривающие ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов террористической направленности (статья 256 УК РК), могут быть использованы в качестве правовой модели для расширения объективной стороны статьи 280 УК РК.

Ключевые слова: публичные призывы к экстремизму, публичное оправдание экстремизма, пропаганда терроризма, уголовная ответственность, УК Российской Федерации, УК Республики Таджикистан, УК Республики Казахстан, сравнительно-правовой анализ.

ON THE ISSUE OF CRIMINAL-LEGAL REGULATION AND THE PRACTICE OF APPLYING CRIMINAL LEGISLATION CONCERNING PUBLIC CALLS FOR EXTREMIST ACTIVITY IN SOME CIS MEMBER COUNTRIES, USING THE EXAMPLE OF RUSSIA, THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Pisarevskaja Elena Anatolevna¹

¹ Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract

This study demonstrates that Articles 307(1) of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan and 280 of the Criminal Code of the Russian Federation provide for liability for public calls for extremist activity. The Criminal Code of the Republic of Tajikistan additionally establishes liability for public justification of extremism, which is absent from the Criminal Code of the Russian Federation. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan does not contain a separate provision on liability for public calls for extremist activity; Article 256 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan applies to such actions. It establishes liability for the propaganda of terrorism or public calls to commit an act of terrorism, as well as for the production, storage with intent to distribute, or distribution of terrorist materials. It was found that in the Republic of Tajikistan, punishment for these acts is based on a more severe model, providing for mandatory imprisonment, including when using the media and the internet. In the Russian Federation, the sanction includes alternative measures and shorter prison terms. The Republic of Kazakhstan has adopted the most repressive approach, with penalties including increased prison terms and confiscation of property. It seems appropriate to adopt the approach of the Republic of Tajikistan, which explicitly excludes simple approval in the form of "likes" from the criteria for public justification of extremism and has also enshrined in law criminal liability for public justification of extremism. Furthermore, the provisions of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, which stipulate liability for public calls to commit terrorist activity, and the production, possession with intent to distribute, or distribution of terrorist materials (Article 256 of the Criminal Code), could be used as a legal model to expand the objective aspect of Article 280 of the Criminal Code.

Keywords: public calls for extremism, public justification of extremism, propaganda of terrorism, criminal liability, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Republic of Tajikistan, Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, comparative legal analysis.

ВВЕДЕНИЕ

В международно-правовом поле экстремизм признаётся недопустимым во всех его проявлениях. Так, преамбула и подпункт 3 пункта 1 статьи 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом [1], сепаратизмом и экстремизмом, а также

соответствующие нормы Всеобщей декларации прав человека (статьи 18, 19 и пункт 2 статьи 29) [2] закрепляют запрет на разжигание ненависти и вражды, унижение достоинства физического лица или группы лиц по социальным, расовым, национальным,

Уголовно-правовые науки

религиозным либо языковым признакам.

Актуальность вопросов уголовно-правовой ответственности за публичные призывы к экстремистской деятельности обуславливается их прямой угрозой общественной и конституционной безопасности. Противодействие экстремизму включено в число приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Казахстан в сфере обеспечения национальной безопасности. В современных условиях значение указанной политики усиливается вследствие возможности оперативного и массового распространения экстремистских посланий через глобальную сеть Интернет, что снижает барьеры для формирования деструктивных настроений в обществе. Исходя из этого, уголовное законодательство должно применяться эффективно и соразмерно для охраны основ конституционного строя и поддержания общественной безопасности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы познания. Метод анализа и синтеза обеспечил системное изучение положений действующего уголовного законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств, а именно: Уголовного

кодекса Российской Федерации [1], Уголовного кодекса Республики Таджикистан [2] и Уголовного кодекса Республики Казахстан [3], в части регулирования ответственности за публичные призывы к совершению экстремистской деятельности. Сопоставительное правовое исследование позволило выявить общие черты и различия исследуемых норм уголовного права, а также установить элементы положительной правоприменительной практики, представляющие интерес для совершенствования российского уголовного законодательства. Эмпирической базой исследования послужили действующие редакции указанных уголовных кодексов Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Таджикистан.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В УК РФ имеется норма, предусматривающая ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). В УК РТ ответственность за исследуемое деяние предусмотрена в статье 307(1) УК РТ, именуемой «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма». Следует отметить, что в статье 256 УК РК предусмотрена уголовная ответственность за пропаганду

Уголовно-правовые науки

терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма, при этом в данном акте нет отдельной статьи именно «публичные призывы к экстремистской деятельности» в буквальном понимании. С учетом системного толкования положений законодательства РК и мнений учёные можно сделать вывод о том, что в казахстанском законодательстве экстремизм – базовая категория, а терроризм – её наиболее выраженная, действующая форма, реализуемая через конкретные преступные акты. Такой подход совпадает с соотношением данных понятий в Российской Федерации, однако, в России статья 280 УК РФ является общей нормой по отношению к норме, предусматривающей ответственность за публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ).

Родовым объектом преступления, предусмотренного статьёй 280 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственной власти. Видовым объектом выступают общественные отношения, связанные с двумя ключевыми институтами: 1) основами конституционного строя, представляющими собой совокупность принципов, закреплённых в Конституции Российской Федерации и составляющих основу социально-экономической и

политически-правовой системы государства; 2) безопасностью государства, охватывающей состояние защищённости и стабильности государства, его конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности, а также обороноспособности.

Непосредственным объектом исследуемого преступления признаётся система основополагающих социальных, экономических, политически-правовых отношений, закреплённых в Конституции Российской Федерации и иных конституционных нормах, а также безопасность личности, общества и государства. Дополнительным объектом состава, предусмотренного статьёй 280 УК РФ, являются права и свободы человека и гражданина, а также общественный порядок, что обусловлено публичным характером преступных действий.

Родовой, видовой и непосредственный объекты преступления, предусмотренного статьёй 3071 УК Республики Таджикистан, совпадают с объектами преступления, охватываемыми статьёй 280 УК РФ. Видовым и непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьёй 256 УК Республики Казахстан, выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной

Уголовно-правовые науки

безопасности и общественного порядка.

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьёй 280 УК РФ, представляет собой общественно опасное деяние, выраженное в форме публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Объективная сторона преступления, предусмотренного статьёй 307(1) УК РФ, шире, поскольку включает в себя не только общественно опасное деяние в форме действия, выраженное в призывах к соответствующей деятельности, но и публичное оправдание экстремизма. В то же время в УК РФ отсутствует ответственность за публичное оправдание экстремизма и наказуемым является только публичное оправдание терроризма в соответствии со статьёй 205.2 УК РФ. Иными словами, в статье 280 УК РФ конструкция состава более «узкая»: акцент делается на призывах, а не на общей идеологической пропаганде. В статье 256 УК РФ законодатель включает в объективную сторону три альтернативных действия: пропаганду терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма, а равно изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов указанного содержания. Такой подход позволяет привлечь к уголовной ответственности за изготовление, хранение с целью

распространения или распространение материалов указанного содержания, даже если лицо не успело опубликовать подобный материал, содержащий призыв.

Однако в контексте публичного оправдания терроризма представляет интерес примечание к статье 307(1) УК РФ, в котором даётся определение публичному оправданию экстремизма и отдельно подчёркивается, что одобрение, выраженное в виде «лайка» или иного знака, не считается публичным оправданием. В УК РФ отсутствует аналогичное примечание, и оценка поведения лица в сети Интернет определяется с учётом разъяснений, данных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Она основывается на всех обстоятельствах уголовного дела, включая поведение лица до и после размещения информации в сети Интернет, его приверженность экстремистской идеологии и совершение других действий экстремистского характера [6].

Следует отметить, что публичные призывы должны характеризоваться рядом признаков: 1. Обращение к другим лицам. 2. Публичность обращения. 3. Призывной характер информации, содержащейся в обращении. 4. Экстремистская направленность призывов. В свою очередь, термин «призыв» в толковом словаре имеет значение – лозунг, лаконичное

Уголовно-правовые науки

обращение, включающее руководящую политическую идею, требование, просьбу или мольбу [7]. Призывы не следует отождествлять с любыми утверждениями, содержащими информацию об экстремистской деятельности. Подобные высказывания представляют собой целенаправленные действия, которые необходимо отличать от выражения личной позиции, в том числе в ходе семейных, дружеских и научных дискуссий, направленных на поиск ответов на обсуждаемые вопросы. Отсутствие в обращении призывов, учитывая заключение судебной экспертизы, которая выявила совокупность лингвистических и психологических признаков побуждения, свидетельствует об отсутствии состава преступления, которое исследуется.

Практика и научные исследования показывают, что при оценке данного деяния возникают сложности, связанные с определением его объективной стороны, которая устанавливается и оценивается, в том числе через субъективные признаки. Так, согласно п. 7 постановления Пленума Верховного суда Республики Таджикистан [7] по данной категории дел под публичным призывом понимается обращение к неопределённому кругу лиц с целью побудить их к совершению действий, которые могут быть признаны

экстремистскими, также судам необходимо оценивать наличие или отсутствие публичности призывов с учётом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела. Публичный призыв может выражаться в обращении к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, в распространении пропагандистских листовок, вывешивании плакатов, размещении обращений с использованием средств массовой информации или в сети интернет (например, на сайтах, в блогах или форумах), а также в распространении обращений путём рассылки электронных сообщений [7]. Аналогичные разъяснения содержатся в п. 18 разъяснения высшей судебной инстанции по данной категории дел в Казахстане.

В соответствии с обобщенными позициями Верховного Суда Российской Федерации, а также Верховного Суда Республики Таджикистан и Верховного Суда Республики Казахстан публичные призывы к экстремистской деятельности имеют место в случае, если: 1. Обращение к аудитории происходит открыто. 2. Оно направлено к двум и более лицам или к неограниченному кругу лиц. 3. Обращение, как правило, не адресовано конкретному лицу. 4. Размещение обращения, комментариев или постов в социальных сетях, мессенджерах и других публичных местах направлено на то, чтобы они были

Уголовно-правовые науки

восприняты неопределённым кругом лиц или участниками группы. 5. Форма обращения должна быть ясной и доступной для понимания аудиторией. 6. Публичность обращения устанавливается независимо от фактического количества лиц, ознакомившихся с информацией. 7. Обращение не должно быть направлено на побуждение конкретных лиц к совершению конкретного преступления.

Несмотря на то, что в диспозиции употребляется слово «призывы» во множественном числе практика применения УК РФ, УК РТ и УК РК идет по пути ограничительного толкования, и показывает, что одного безуспешного обращения достаточно для привлечения к ответственности по исследуемым статьям. Единичный призыв к совершению экстремистской деятельности причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны и может не только вызвать у населения представление о допустимости подобных действий, но и простимулировать их к их совершению.

В УК РФ, УК РТ и УК РК не установлено ограничений в отношении формы призыва. Призыв может быть выражен как в устной, так и в письменной форме, а также с использованием технических средств, что также обращают внимание высшие судебные инстанции данных государств.

Традиционные формы призыва включают в себя очные выступления на митингах, распространение печатных материалов и использование средств массовой информации, размещение призывов в общедоступных местах. Современные формы включают в себя публикации в социальных сетях и на новостных лентах, текстовые, аудио- и видеокomentarии в социальных сетях, а также видеотрансляции в мессенджерах. Практика показывает, что в настоящее время наиболее распространены цифровые формы призывов.

По УК РФ, УК РТ субъектом исследуемого преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, по УК РК – с 14-летнего. Субъективная сторона выражается в вине в форме прямого умысла, лицо имеет намерение побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности. В УК РФ, УК РТ и УК РК составы преступлений построены по формальному типу, то есть преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения хотя бы одного обращения, независимо от того, удалось ли побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности.

Существуют различия и в части оценки квалифицирующих признаков. В статье 280 УК РФ и в части 2 статьи 307(1) УК РТ

Уголовно-правовые науки

предусмотрен квалифицированный состав преступления – те же деяния, совершённые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Однако в УК РТ также предусмотрен особо квалифицированный состав преступления, который отсутствует в УК РФ. Согласно этому особо квалифицированному составу, более строгая ответственность наступает за деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, если они совершены повторно или при опасном или особо опасном рецидиве. Представляет интерес разнообразие квалифицирующих признаков в статье 256 УК РК (часть 2), а именно – совершение деяния с использованием своего служебного положения либо лидером общественного объединения, либо с использованием масс-медиа, сетей телекоммуникаций или онлайн-платформ, либо группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, в том числе с использованием средств, полученных из иностранных источников. Считаю, что наличие указанных обстоятельств, повышающих степень общественной опасности, позволяет дифференцировать ответственность и может быть учтено при рассмотрении вопроса о включении их в статью 280 УК РФ.

Разнятся и санкции в исследуемых нормах. Публичные

призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма (ст. 307(1) УК РТ) в части 1 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет. По части 1 ст. 280 УК РФ санкция альтернативная и наказание может быть либо в виде штрафа в размере 100–300 тыс. рублей, либо в виде принудительных работ на срок до 3 лет, либо ареста сроком 4–6 месяцев, либо в виде лишения свободы до 4 лет с возможным лишением права занимать должности/заниматься деятельностью. Более строгая санкция в УК РК. Так, согласно части 1 статьи 205.2 УК РК наказание предусмотрено в виде одного вида основного наказания – лишения свободы на срок от пяти до девяти лет с конфискацией имущества.

В УК РК публичные призывы к террористической деятельности, совершённые при квалифицирующих обстоятельствах, включая призывы в интернете, наказываются строже, чем в других рассмотренных законах – лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества. В Таджикистане за публичные призывы к экстремистской деятельности в сети Интернет предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. Это менее строгое наказание, чем в Казахстане, но более строгое, чем в России. В

Уголовно-правовые науки

Российской Федерации публичные призывы к экстремистской деятельности в интернете наказываются принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, статья 307(1) УК РТ и статья 280 УК РФ предусматривают ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, но в УК РТ дополнительно закреплена ответственность за публичное оправдание экстремизма, чего нет в УК РФ. В УК РК нет нормы, предусматривающей ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, ответственность наступает по статье 256 УК РК, предусматривающей пропаганду терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма, а равно изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов указанного содержания.

В Таджикистане наказание за указанные деяния более строгое и сразу строится на лишении свободы (от 3 до 5 лет, а при использовании

СМИ и интернета – от 5 до 10 лет), тогда как в РФ предусмотрены альтернативные меры (штраф, принудительные работы, арест) и максимальный срок лишения свободы до 4 лет, а при использовании СМИ и интернета — до 5 лет, возможна замена принудительными работами. В Таджикистане повторность и рецидив выделены отдельной частью с длительными сроками лишения свободы (до 12 лет) и лишением права занимать должности до 5 лет, в РФ усиление по рецидиву опирается на общие положения УК. Следовательно, три государства демонстрируют разнонаправленные тенденции в установлении наказания за призывы в интернете, в Казахстане предусмотрен максимально жёсткий подход с повышенными сроками наказания в виде лишения свободы и конфискацией имущества; в Таджикистане – средний уровень строгости, близкий к классическому «чистому» лишению свободы; Россия — наиболее мягкую модель, сочетающую ограничительные меры и альтернативу принудительным работам.

Кроме того, представляет интерес положение уголовного законодательства Республики Таджикистан, в соответствии с которым простое одобрение в виде «лайков» прямо исключено из понятия публичного оправдания экстремизма, в то время как в Российской Федерации такой

Уголовно-правовые науки

формат может быть оценен судом в зависимости от обстоятельств и умысла. В целом, ответственность по статье 307.1 УК РТ выглядит более строгой и детальной, в то время как статья 280 УК РФ допускает более гибкие и альтернативные меры наказания, чего нельзя сказать о статье 256 УК РК. Однако стоит отметить, что положения УК РК, предусматривающие уголовную

ответственность по статье 256 УК РК, позволяют привлекать к ответственности не только за непосредственный публичный призыв к террористической деятельности путём распространения соответствующих материалов, но и за изготовление, хранение с целью распространения или распространение таких материалов, даже если лицо не успело их опубликовать.

Список литературы:

1. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма: заключена 15.06.2001 // СПС «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902339374?section=text> (дата обращения: 16.04.2026).
2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // СПС «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900204> (дата обращения: 16.04.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: закон от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.12.2025 г.) // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=3039732_5#pos=1834;-42 (дата обращения: 08.02.2026).
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан: закон от 03.07.2014 № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.03.2026 г.) // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 08.02.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/. (дата обращения: 18.04.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РТ от 12.06.2014 № 1 «О применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности» // Консультант Плюс. URL: <https://sud.tj/upload/documents/plenum/> (дата обращения: 18.04.2026).

References:

1. Shanghai Cooperation Organization Convention against Terrorism: concluded on 15 June 2001 // SPS "Code". URL: <https://docs.cntd.ru/document/902339374?section=text> (date of access: 16 April 2026).
2. Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948 // SPS "Code". URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900204> (date of access: 16 April 2026).

Уголовно-правовые науки

3. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13 June 1996 No. 63-FZ // SZ RF. 1996. No. 25. Art. 2954.
4. Criminal Code of the Republic of Tajikistan: Law of May 21, 1998 No. 574 (with amendments and additions as of December 17, 2025) // Information System "Continent". URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=1834;-42 (accessed: February 8, 2026).
5. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Law of July 3, 2014 No. 226-V (with amendments and additions as of March 8, 2026) // Information System "Continent". URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (accessed: February 8, 2026).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011, No. 11 (as amended on October 28, 2021) "On judicial practice in criminal cases involving crimes of an extremist nature" // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/. (Accessed: April 18, 2026).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated 12.06.2014 No. 1 "On the application of legislation in the consideration of criminal cases of extremist orientation" // Consultant Plus. URL: <https://sud.tj/upload/documents/plenum/> (date of access: 04/18/2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Писаревская Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права; Северо-Западный филиал «РГУП им. В. М. Лебедева»; г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: liorev@mail.ru; SPIN-код: 2836-5480

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pisarevskaya Elena Anatolevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law; North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev; St. Petersburg, Russia; e-mail: liorev@mail.ru; SPIN-code: 2836-5480

Материал поступил в редакцию: 20 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 02 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Писаревская Е. А.

Научная статья

УДК/UDC 343.98

ББК 67.408

5.1.4 – Уголовно-правовые науки

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР

Усенко Анатолий Сергеевич^{1,2}

¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

² АПБ «Правое слово»

Фруслов Иван Геннадьевич^{1,2}

¹ Краснодарское региональное отделение Национального общественного комитета
«Российская семья»

² АПБ «Правое слово»

Фруслов Данил Геннадьевич^{1,2,3}

¹ Некоммерческое партнерство «Национальный общественный комитет - Российская
семья»

² Российский государственный социальный университет

³ АПБ «Правое слово»

Аннотация

В статье анализируются киберпреступления, совершаемые с участием несовершеннолетних либо направленные против них. На основе анализа официальных статистических данных (форма 1 ЕГС МВД России) и изучения 247 уголовных дел, расследованных в 2020–2024 гг., выявлены основные тенденции: рост неправомерного доступа к компьютерной информации в 11 раз (с 9,3 тыс. в 2022 г. до 104,4 тыс. в 2024 г.), увеличение на 52,3% фактов сбыта наркотиков с участием подростков, высокий уровень латентности (65–70%). Предложена трехкомпонентная модель киберпреступлений против несовершеннолетних (потерпевший, субъект, средство совершения). Установлено, что 92% обвиняемых – мужчины, 83% – в возрасте 30–55 лет, 74% имеют техническое или IT образование. Обоснована необходимость дифференциации профилактических мер: замещение виртуальной активности социально одобряемой деятельностью, а также внесение изменений в ст. 174.1 УК РФ для противодействия дропперству с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: киберпреступления, несовершеннолетние, дропперство, компьютерная информация, вовлечение, уголовная ответственность, профилактика, латентность, мотивация.

CRIMINAL LAW AND CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CYBERCRIMES COMMITTED AGAINST MINORS AND DIRECTIONS FOR IMPROVING PREVENTIVE MEASURES

Usenko Anatoly Sergeyevich^{1,2}

¹ *Kuban State Agrarian University*

² *APB "Pravoe slovo"*

Fruslov Ivan Gennadievich^{1,2}

¹ *National Public Committee "Russian Family"*

² *APB "Pravoe slovo"*

Fruslov Danil Gennadievich^{1,2,3}

¹ *National Public Committee "Russian Family"*

² *Russian State Social University*

³ *APB "Pravoe slovo"*

Abstract

The article analyzes cybercrimes committed with the participation of minors or directed against them. Based on the analysis of official statistical data (Form 1 EGS of the Russian Ministry of Internal Affairs) and the study of 247 criminal cases investigated in 2020–2024, the main trends are identified: an 11 fold increase in unlawful access to computer information (from 9.3 thousand in 2022 to 104.4 thousand in 2024), a 52.3% increase in drug sales involving adolescents, and a high level of latency (65–70%). A three component model of cybercrimes against minors (victim, perpetrator, means of committing a crime) is proposed. It is established that 92% of the accused are men, 83% are aged 30–55, and 74% have a technical or IT education. The need to differentiate preventive measures (replacing virtual activity with socially approved activities) and to amend Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to counteract drop perpetration with the participation of minors is substantiated.

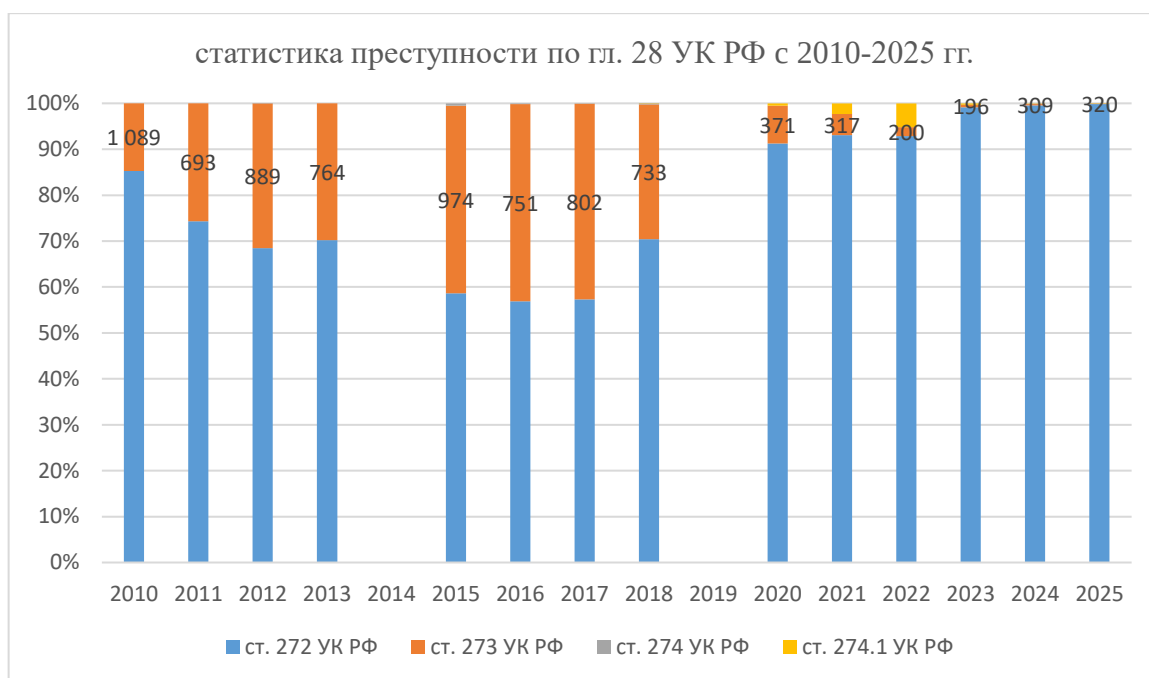
Keywords: cybercrimes, minors, dropperstvo (money mules), computer information, involvement, criminal liability, prevention, latency, motivation.

ВВЕДЕНИЕ

С развитием научно-технического прогресса и внедрением в правовые отношения средств цифровизации возрастает интенсивность способов совершения преступлений. Так, на сегодняшний день одним из распространенных и в то же время опасных способов совершения преступлений в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти и военной

службы является использование информационно-телекоммуникационных технологий. Например, исходя из анализа официальных статистических данных из формы 1-ЕГС МВД РФ о количестве зарегистрированных преступлений за период 2010–2024 гг. с 2023 года фиксируется рост выявленных преступлений в 11 раз (с 9,3 тыс. в 2022 г. до 104,4 тыс. в 2024 г.) по делам о неправомерном доступе к компьютерной информации.

Уголовно-правовые науки

ОБСУЖДЕНИЕ

Подчеркнем, что речь идет именно о зарегистрированных преступлениях, в то время как общая статистика ввиду латентного характера данных преступлений и фактов не обращения граждан в правоохранительные органы будет существенно отличаться в сторону увеличения. Особую опасность представляют преступления, направленные против несовершеннолетних.

Степень научной разработанности проблемы, несмотря существующие криминалистические, криминологические и уголовно-правовые исследования [1–7], остается фрагментарной: отсутствует единая классификация киберпреступлений против несовершеннолетних, не выработаны критерии разграничения вовлечения и добровольного участия, не

систематизированы криминалистические особенности расследования таких деяний.

В работе использован комплекс общенаучных (диалектический, системно-структурный, логический) и частнонаучных методов: формально-юридический (при анализе норм гл. 28 УК РФ, ст. 150, 151, 110, 242.1 УК РФ), статистический (анализ данных Формы 1-ЕГС МВД России за 2019–2025 гг., а также отчетов Следственного комитета РФ), конкретно-социологический (изучение 247 уголовных дел, расследованных в Московском, Приволжском и Уральском федеральных округах в 2020–2024 гг., из них 89 дел с участием несовершеннолетних). Эмпирическую базу также составили результаты полуструктурированных интервью с 34 сотрудниками

Уголовно-правовые науки

подразделений по расследованию киберпреступлений и по делам несовершеннолетних (МВД, СК РФ).

Для корректного анализа необходимо прежде всего определиться с терминологической базой. В современной доктрине отсутствует единый подход к определению киберпреступности. Российский Уголовный кодекс оперирует преимущественно термином «преступления в сфере компьютерной информации» (глава 28 УК РФ), тогда как термины «компьютерные преступления» и «киберпреступления» не имеют законодательного закрепления.

В научной литературе термины «киберпреступность» и «преступление в сфере компьютерной информации» часто используются как взаимозаменяемые, однако между ними существуют явные различия [8, 9]. Преступления в сфере компьютерной информации представляют собой более узкое понятие, охватывающее деяния, предусмотренные гл. 28 УК РФ, где компьютерная информация выступает либо предметом посягательства, либо средством совершения преступления.

Киберпреступления в широком смысле включают значительно более широкий спектр деяний — от интернет-мошенничества и создания вредоносного программного обеспечения до распространения детской порнографии и киберсталкинга, — причем далеко не все из них входят в главу 28 УК РФ.

Применительно к несовершеннолетним киберпреступления можно определить как общественно опасные деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (прежде всего сети «Интернет»), предметом либо потерпевшим, по которым выступает несовершеннолетнее лицо (не достигшее 18-летнего возраста), вовлекаемое в противоправную деятельность, становящееся жертвой сексуальной эксплуатации, мошеннических действий, психологического насилия либо иных посягательств.

В целях настоящего исследования под киберпреступлениями против несовершеннолетних предлагается понимать совокупность общественно опасных деяний, предусмотренных различными главами Особенной части УК РФ, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), в которых несовершеннолетний выступает в качестве: 1) потерпевшего (ст. 110, 119, 132, 133, 242.1, 242.2 УК РФ); 2) субъекта преступления (ст. 207.3, 205.1, 228.1, 158, 159.6 УК РФ) при условии, что его вовлечение осуществлено дистанционным способом; 3) средства совершения преступления (дропперство, обналичивание криптовалюты). Такая трехкомпонентная структура

Уголовно-правовые науки

позволяет преодолеть узость подхода гл. 28 УК РФ.

Исходя из анализа материалов следственной и судебной практики усматривается совершение наряду с посягательствами на информационную безопасность несовершеннолетних граждан также преступлений против личности, половой неприкосновенности и половой свободы, преступлений против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности, против государственной власти и др.

Так, в результате подобного посягательства следственная практика знает случаи доведения несовершеннолетнего до самоубийства, склонения к совершению самоубийства, насильственных действий сексуального характера, изготовления и сбыта материалов или предметов порнографического содержания, незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства и пр.

Общий возраст наступления уголовной ответственности 16 лет. Однако за ряд общественно опасных преступлений возраст привлечения к ответственности четырнадцати лет. Например, содействие террористической деятельности, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, вандализм, незаконная

передача, сбыт, хранение взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Следует отметить, что количество выявленных фактов сбыта наркотиков с участием подростков выросло на 52,3 % в 2025 г. (с 1,4 тыс. до 2,1 тыс. случаев). В подавляющем большинстве эти преступления совершены с использованием интернета. Напомним, что уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков дифференцируется в зависимости от размера: значительный, крупный и особо крупный. Конкретные массовые критерии установлены Постановлением Правительства РФ № 1002 и различаются для каждого вида наркотического средства или психотропного вещества (например, для героина значительный размер начинается от 0,5 г, для марихуаны – от 6 г, для мефедрона – от 0,2 г). Санкция за сбыт в значительном размере – до 3 лет лишения свободы, в крупном – от 3 до 10 лет, в особо крупном – от 10 до 20 лет. При этом в судебной практике несовершеннолетние чаще привлекаются за покушение на сбыт в значительном и крупном размере, действуя как курьеры (закладчики) по указанию взрослых кураторов.

Порой подросток, не понимая последствий, становится фигурантом уголовных дел. Например, в 2025 г. в Московской области 14-летний школьник стал фигурантом дела о террористическом акте. По данным следствия, обвиняемый познакомился в интернете с неизвестным

Уголовно-правовые науки

человеком, который втерся к нему в доверие и убедил пойти на поджог одного из объектов транспортной инфраструктуры. Молодой человек согласился на теракт и был задержан на Рижском направлении Московской железной дороги.

Кроме того, в марте 2025 г. в Чебоксарах школьник направил сообщения на электронные почты одной из школ текст об угрозе теракта, а также взрывоопасных предметах, находящихся в здании образовательного учреждения и торгового центра. В ходе оперативно-разыскных мероприятий полицейские вышли на подростка из Московской области, который признался, что рассылал сообщения по указанию администратора онлайн-игры. По словам юноши, за это ему обещали повысить уровень в игре.

В Пензенской области в 2025 г. подростки по предварительному сговору подожгли три базовые станции мобильных операторов, относящиеся к критически важной инфраструктуре. С 25 октября по 8 ноября 2024 года они действовали по инструкциям из интернета и получали за поджоги вознаграждение в криптовалюте. Один из них затем продавал эти средства через мессенджер, маскируя их происхождение.

Сегодня несовершеннолетние играют заметную роль в совершении финансовых операций и выступают соучастниками мошенничества. Вовлечение несовершеннолетних в совершение киберпреступлений

обусловлено необходимостью их использования с целью получения денежных средств, добытых преступным путем при совершении мошеннических действий. Данный процесс по выводу и обналичиванию денежных средств, полученных преступным путем, посредством вовлечения подставных лиц, в т. ч. несовершеннолетних, именуется дропперством. Участие дропперов позволяет удлинить мошенническую схему, включая новых участников, что усложняет для правоохранительных органов процесс выявления конечных бенефициаров.

Несовершеннолетним преступникам присуща двойственность мотивационной сферы. С одной стороны, наблюдаются мотивы, характерные в большей мере для взрослых преступников, к примеру, желание иметь средства для удовлетворения своих материальных потребностей. С другой, присутствуют мотивы, свойственные именно возрасту рассматриваемой категории: желание развлечься, озорство, стремление оказать помощь друзьям, любопытство, желание утвердить себя в глазах сверстников, зависть, стремление к самоутверждению, «доказывание» себе себя, преодоление переживаний своей несостоятельности, желание завоевать авторитет и уважение в глазах группы и т. д.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных методам расследования

Уголовно-правовые науки

киберпреступлений, существуют пробелы в решении важных вопросов расследования преступлений, что обусловлено эволюцией киберпреступности и появлением новых форм цифровых следов, увеличивающих сложность расследования.

Посредством изучения материалов уголовных дел за 2019–2024 гг., где фигурировали несовершеннолетние в качестве потерпевших, субъектов или средства совершения преступления, нами был составлен криминалистический портрет взрослого организатора или соучастника киберпреступлений против несовершеннолетних. Именно эти лица дистанционно вовлекают подростков через интернет. Установлено, что деятельность по вовлечению несовершеннолетних в киберпреступления (организация, координация, вербовка) осуществляется преимущественно мужчинами (92%) в возрасте от 30 до 55 лет (83%), ранее не судимыми (91%). Это указывает на сформировавшийся криминальный профессионализм. Взаимосвязь с несовершеннолетними выражается в следующем: взрослые (часто с IT-компетенциями) создают анонимные каналы управления (мессенджеры, даркнет, криптовалюта) и используют подростков как исполнителей (закладчики наркотиков, дропперы, поджигатели, распространители запрещенного контента) в силу их психологической внушаемости, низкой правовой грамотности и

стремления к лёгкому заработку или признанию в онлайн-сообществах.

Например, в изученных делах о сбыте наркотиков с участием подростков (+52,3% в 2025 г.) в 89% случаев кураторами являлись мужчины 30–45 лет с техническим образованием. Аналогичная связь выявлена по делам о дропперстве и дистанционном вовлечении в террористическую деятельность

В 32% случаев преступник обладал уровнем профессиональных знаний в области информационных технологий. Например, гражданин Л. посредством проведения мониторинга интернет-сайтов изучил порядок получения прав на распоряжение абонентскими номерами телефонов оператора сотовой связи, порядок копирования сим-карты, вывода денежных средств на электронный кошелек и пр.

Следует отметить, что в 74% случаев преступление совершалось лицами, имеющими техническое или математическое образование, преимущественно мужчинами (72%).

Проведенный анализ 247 уголовных дел выявил следующее распределение по гендерному признаку: 92% обвиняемых – мужчины. При этом среди лиц, имеющих профильное техническое или IT-образование (74% от всех обвиняемых), доля мужчин составила 72% (что объясняется общей гендерной асимметрией в технических специальностях). Возрастной пик криминальной активности (83% случаев) приходится

Уголовно-правовые науки

на категорию 30–55 лет, что опровергает распространенный миф о «юном хакере» и указывает на сформировавшийся криминальный профессионализм.

Установлено, что латентность киберпреступлений против несовершеннолетних составляет по оценочным данным не менее 65–70%, что требует внедрения обязательного психологического тестирования несовершеннолетних пострадавших от онлайн-контента (аналогично «синим китам») в рамках школьной психологической службы.

Выявленная двойственность мотивации обосновывает необходимость дифференциации профилактических мер: для подростков из групп риска – программы замещения виртуальной

активности социально одобряемой (спорт, волонтерство); для уже вовлеченных – возможность освобождения от уголовной ответственности при условии активного содействия расследованию и возмещения вреда (ч. 1 ст. 75 УК РФ с разъяснениями Пленума ВС РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, совершенствование мер криминалистической и индивидуальной профилактики, а также разъяснение несовершеннолетним возможных преступных схем и правовых последствий являются необходимыми условиями снижения уровня киберпреступности в детско-подростковой среде.

Список литературы:

1. Грицаев С. И., Помазанов В. В., Заболотная Ю. А. Компьютеризация целеопределения и планирования расследования // Научный журнал КубГАУ. 2015. №108.
2. Куемжиева Е. Г., Чирьев И. С., Жукова П. С. К вопросу о понятии, содержании организации расследования преступлений // Право и государство: теория и практика. 2023. №5 (221).
3. Дашин А. В., Малин П. М., Пивень А. В. О структуре публичного законного интереса в уголовном судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. 2021. №5 (46).
4. Грицаев С. И., Дулепина О. В. Проблемы использования информационных технологий для выявления и раскрытия преступлений // Полицейская деятельность. 2025. №5.
5. Зеленский В. Д., Куемжиева С. А. Организационные средства в методике расследования преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №12-2.
6. Швец С. В., Меретуков Г. М., Грицаев С. И., Степаненко С. Г. Digital identification methods for combating crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors // Юридическая наука. 2023. №10.
7. Зеленский В. Д., Корчагин А. Ю. О конкретизации предмета судебного разбирательства уголовных дел // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №10.
8. Швец С. В., Малиновская Е. А. Принципы, структура и содержание частной криминалистической методики возмещения вреда, причиненного преступлением // Теория и практика общественного развития. 2019. №6 (136).
9. Дашин А. В., Малин П. М., Пивень А. В. О понятии публичного законного интереса в уголовном судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. 2019. №4 (35).

Уголовно-правовые науки

References:

1. Gritsaev S. I., Pomazanov V. V., Zabolotnyaya Yu. A. Computerization of target determination and investigation planning // Scientific Journal of KubGAU, 2015, No. 108.
2. Kuemzhieva E. G., Chiryev I. S., Zhukova P. S. On the concept and content of the organization of crime investigation // Law and the State: theory and practice. 2023. №5 (221).
3. Dashin A.V., Malin P.M., Piven A.V. On the structure of public legitimate interest in criminal proceedings // Bulletin of the Samara Law Institute. 2021. №5 (46).
4. Gritsaev S. I., Dulepina O. V. Problems of using information technologies to detect and solve crimes // Police activity. 2025. No. 5.
5. Zelensky V. D., Kuemzhieva S. A. Organizational tools in the methodology of crime investigation // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 12-2.
6. Shvets S. V., Meretukov G. M., Gritsaev S. I., Stepanenko S. G. Digital identification methods for combating crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors // Yuridicheskaya nauka. 2023. №10.
7. Zelensky V. D., Korchagin A. Yu. On the specification of the subject of the trial of criminal cases // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 10.
8. Shvets S. V., Malinovskaya E. A. Principles, structure and content of a private forensic methodology for compensation of harm caused by a crime // Theory and practice of social development. 2019. №6 (136).
9. Dashin A.V., Malin P.M., Piven A.V. On the concept of public legitimate interest in criminal proceedings // Bulletin of the Samara Law Institute. 2019. №4 (35).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Усенко Анатолий Сергеевич, начальник отдела организации и сопровождения научной деятельности, заместитель начальника управления науки и инноваций, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики; Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина; управляющий партнер АПБ «Правое слово»; г. Краснодар, Россия; e-mail: ceo@epomen.ru

Фруслов Иван Геннадьевич, руководитель КРО НКО «Российская семья», управляющий партнер АПБ «Правое Слово»; г. Краснодар, Россия

Фруслов Данил Геннадьевич, генеральный директор Некоммерческого партнерства «Национальный общественный комитет – Российская семья»; ведущий специалист научно-педагогического центра семейной политики Российского государственного социального университета; управляющий партнер АПБ «Правое слово»; г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Usenko Anatoly Sergeyevich, Head of the Department of Organization and Support of Scientific Activities, Deputy Head of the Department of Science and Innovation, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminology; Kuban State Agrarian University; Managing Partner of APB "Pravoe slovo"; Krasnodar, Russia; e-mail: ceo@epomen.ru

Fruslov Ivan Gennadievich, Head of the NGO "Russian Family"; Managing Partner of the APB "Pravoe Slovo"; Krasnodar, Russia

Уголовно-правовые науки

Fruslov Danil Gennadievich, General Director of the Non-Profit Partnership «National Public Committee – Russian Family»; Leading Specialist of the Scientific and Pedagogical Center for Family Policy of the Russian State Social University; Managing Partner of APB «Pravoe slovo»; Moscow, Russia

Материал поступил в редакцию: 27 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 10 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Усенко А. С., Фруслов И. Г., Фруслов Д. Г.

Научная статья

УДК/UDC 343.98

ББК 67.52

5.1.4 – Уголовно-правовые науки

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Шевченко Никита Валерьевич¹

¹ Кубанский государственный университет

Аннотация

В статье рассматриваются организационно-тактические особенности взаимодействия следователя (дознателя) с медицинскими специалистами и экспертами при производстве следственных действий. Анализируются проблемы коммуникации между участниками уголовного процесса, роль специалиста не только при осмотре места происшествия, но и на этапе подготовки материалов для экспертизы, при освидетельствовании, допросе эксперта и очной ставке. Обосновано, что эффективное использование медицинских знаний требует постоянного профессионального взаимодействия на всех этапах расследования, а не только при первоначальных действиях. Выявлены недостатки современной практики: редкое привлечение специалиста к очным ставкам, недооценка помощи при планировании расследования, отсутствие разработанных алгоритмов совместной работы. На примере конкретного уголовного дела (причинение рваной раны ушной раковины) показано, как допрос эксперта позволил уточнить квалификацию деяния. Сформулированы предложения по совершенствованию процедур привлечения судебно-медицинских специалистов.

Ключевые слова: медицинские знания, следователь, специалист, судебно-медицинская экспертиза, следственные действия, освидетельствование, допрос эксперта, взаимодействия.

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ASPECTS OF USING MEDICAL KNOWLEDGE IN INVESTIGATIVE ACTIONS

Shevchenko Nikita Valerievich¹

¹ Kuban State University

Abstract

The article examines organizational and tactical features of interaction between an investigator (inquirer) and medical specialists and experts during investigative actions. The problems of communication between participants in criminal proceedings, the role of a specialist not only at the scene inspection but also at the stage of preparing materials for examination, during examination, expert interrogation, and confrontation are analyzed. It is substantiated that the effective use of medical knowledge requires constant professional interaction at all stages of the investigation, not only during initial actions. Identified shortcomings of modern practice: rare involvement of a specialist in confrontations, underestimation of assistance in planning the investigation, lack of developed algorithms for joint work. Using a specific criminal case (causing a laceration of the auricle) as an example, it is shown how expert interrogation helped clarify the qualification of the act. Proposals for improving procedures for involving forensic medical specialists are formulated.

Keywords: medical knowledge, investigator, specialist, forensic medical examination, investigative actions, examination, expert interrogation, interaction.

ВВЕДЕНИЕ

Организационно-тактические особенности использования медицинских знаний при производстве отдельных следственных действий являются важным аспектом современного уголовного процесса. Отдельным вопросом в данном случае выступает организация психологически правильной и эффективной совместной работы между следователем (дознавателем), экспертом и специалистом для обнаружения и закрепления сведений, необходимых для осуществления расследования уголовных дел фактически любой направленности.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (диалектический, системно-структурный, логический) и частнонаучные: формально-юридический (анализ норм УПК РФ, регламентирующих участие специалиста и эксперта), сравнительно-правовой (сопоставление российской и зарубежной практики), социологический (анкетирование следователей), а также анализ материалов 45 уголовных дел о преступлениях против личности, расследованных в 2022–2024 гг.

Такое взаимодействие имеет целью обеспечение объективности и надежности проводимых исследований, а также

предотвращение возможных ошибок и подтасовок при расследовании преступлений. Однако, организация и тактика использования медицинских знаний при производстве данных следственных действий имеет свои особенности. Одна из важных задач данного взаимодействия заключается в установлении взаимодействия между профессиональными навыками участников процесса и их коммуникативными способностями с целью эффективного обмена информацией и координации действий [1].

Организация эффективного взаимодействия между следователем, экспертом и специалистом предполагает использование различных методов и приемов коммуникации, таких как прямое общение, консультации, совместное участие в следственных действиях и др. Коммуникация играет особую роль в данном взаимодействии, так как успешное расследование преступлений зависит от эффективности передачи информации между участниками процесса. Кроме того, эффективная коммуникация способствует созданию благоприятной атмосферы сотрудничества и укреплению профессионального взаимодействия [2].

В научной литературе [3, 4] было уделено значительное внимание изучению аспектов взаимодействия экспертов и

Уголовно-правовые науки

специалистов с лицом, осуществляющим предварительное расследование. Проанализированы процессуальные особенности данной связи, но некоторые аспекты пока остаются недостаточно изученными. В частности, взаимодействие между этими участниками уголовного процесса на тактическом уровне требует дополнительного освещения.

Совместные усилия всех лиц, причастных к установлению истины по делу выступают гарантией в повышении эффективности предварительного расследования. Наиболее часто встречаемой иллюстрацией подобного рода взаимодействия в настоящее время является создание следственно-оперативных групп, которые выступают в качестве наиболее прогрессивной формой четкого взаимодействия следователя и иных участников расследования преступления.

Эти группы объединяют представителей следственных органов, оперативных служб, экспертов и других специалистов, которые совместно работают над установлением фактов и выявлением преступников. В результате такого взаимодействия возможно более оперативное и эффективное собирание и анализ доказательств, быстрое реагирование на изменяющуюся ситуацию и более точное определение потенциальных подозреваемых [5]. Преимущества такого взаимодействия включают более быстрое и последовательное проведение расследования,

сокращение времени, необходимого для получения решения по делу, и увеличение вероятности выявления и привлечения к ответственности преступников. Кроме того, участие различных специалистов в расследовании позволяет более полно и всесторонне исследовать все аспекты преступления и представить обоснованные доказательства в суде.

ОБСУЖДЕНИЕ

По нашему мнению, без привлечения специалиста, обладающего определенными медицинскими знаниями, не представляется возможным осуществление следственных действий. Причем достаточно распространенным является утверждение, что совместная деятельность следователя (дознателя) и специалиста чаще всего происходит только в ходе осмотра места происшествия, в ходе которого последний осуществляет обнаружение, изъятие и предварительное исследование материальных следов, а следователь производит исключительно фиксацию этого процесса в протоколе следственного действия. Бесспорно, правильность, скоординированность и последовательность действий в ходе данного следственного действия выступает в качестве залога дальнейшей результативной поисково-познавательной деятельности, однако на этом их совместная деятельность не ограничивается.

Предлагается классифицировать следственные

Уголовно-правовые науки

действия по степени необходимости медицинских знаний: Высокая степень (участие специалиста обязательно): освидетельствование, эксгумация, получение образцов для сравнительного исследования; средняя степень: осмотр места происшествия, допрос несовершеннолетнего потерпевшего. Низкая степень (по усмотрению следователя): проверка показаний на месте, очная ставка, обыск. Такая градация позволяет оптимизировать использование ресурсов судебно-медицинской службы [6].

Наиболее активное взаимодействие между следователем и экспертом (специалистом) осуществляется при проведении подготовки материалов для исследования. На данном этапе специалисты могут выступить в качестве лиц, оказывающих содействие следователю при расследовании уголовного дела, посредством оказания помощи в ходе отбора материалов для проведения сравнительного исследования и выбора метода для его осуществления [7].

Применяемые в СМЭ научно-технические средства, методы и приемы должны быть основаны на научном подходе и проверены на практике, что позволит обеспечить надежность и достоверность получаемых результатов экспертизы. Подбор и подготовка научно-технических средств включает в себя не только выбор соответствующего оборудования и инструментов, но также их

калибровку и проверку на точность и надежность. Таким образом, правильный подбор и подготовка научно-технических средств являются важными этапами в деятельности следователя.

Во время проведения уголовного расследования, оценка экспертного заключения играет важную роль. Эффективность этой оценки со стороны следователя во многом зависит от его уровня знаний в определенных областях, таких как судебная медицина или психиатрия, а также его способности логически мыслить и иметь необходимые сведения, связанные с делом [8].

На практике, особенно в рамках уголовного процесса, часто возникают сложности при анализе результатов СМЭ, осуществляемой с применением современных технических средств и сложных научных методов. В результате следователю необходимо находиться в постоянной связи с экспертом, привлекаемым к проводимому исследованию, изучать качество и достаточность направленного для экспертизы материала, а также внимательно изучать последовательность и правильность используемых методов. Подобное отношение будет способствовать ликвидации вероятных проблем и возможных пробелов в доказательственной базе, что соответствующим образом будет сказываться на качестве проведенной работы.

Однако лицу, на которое возложено расследование уголовного дела, нет необходимости

Уголовно-правовые науки

обладать полным спектром знаний и навыков в каждой сфере, где может быть назначена экспертиза, для любого человека невозможно являться экспертом абсолютно во всех сферах деятельности. Стоящая перед ним задача ограничивается тем, чтобы совместно с экспертом изучить материалы, представленные на экспертизу, и определить их актуальность и достоверность. Важно проверить, что проведение экспертизы соответствует методам и стандартам, принятым в соответствующей области, а результаты экспертизы являются логически обоснованными и приводят к достоверным выводам. Для осуществления такой оценки следователи могут привлекать специалистов из различных областей, с которыми они тесно сотрудничают при проведении уголовного дела. Это может быть другой эксперт или специалист, обладающий соответствующими знаниями и опытом. Такой коллективный подход позволяет исключить возможность искажения или неправильной интерпретации результатов экспертизы.

В зарубежных правовых порядках (Германия, Франция, США) медицинский специалист привлекается к следственным действиям на более ранних этапах. Например, в ФРГ § 92 StPO предусматривает участие врача при любом осмотре трупа на месте происшествия; в ряде штатов США практикуется «эксперт-наставник» (mentor expert), который консультирует следователя в

режиме реального времени через защищенные каналы связи. Внедрение элементов такого опыта в российское законодательство (например, создание мобильных бригад судебно-медицинских экспертов) позволило бы повысить качество изъятия биологических следов.

Следователь (дознатель) самостоятельно решает о необходимости вовлечения специалиста в области СМЭ в осуществление следственного действия. Такое решение принимается, как правило, исходя из текущей следственной ситуации и факторов, под влиянием которых возникла необходимость в помощи специалиста, обладающего соответствующими знаниями.

В частности, привлечение специалиста в области СМЭ к совместному производству следственных действий может быть использовано, когда нужны медицинские знания, но нет необходимости проводить судебную экспертизу.

Практическая деятельность должна включать следующие шаги: если требуются лабораторные исследования с целью получения доказательств в виде заключения, следователь обязан назначить СМЭ. В иных случаях, когда можно ограничиться процедурой внешнего осмотра, измерений или получения информации из справочных материалов, следователь может пригласить специалиста для дачи пояснений или для иной формы процессуального участия.

Уголовно-правовые науки

Одним из таких моментов в ходе осуществления предварительного расследования можно назвать процедуру освидетельствования. Чтобы верно зафиксировать следы преступления на теле освидетельствуемого лица, следователю (дознавателю) рекомендуется проводить процедуру не только с привлечением специалиста, обладающего необходимыми познаниями, но и проводить фото- и видеосъемку, особенно в случае обнаружения следов, также в данной процедуре могут принять участие и понятые на условиях, предусмотренными требованиями УПК РФ. Полученные материалы могут оказать существенную помощь в том числе и для целей дальнейшего проведения СМЭ. Принятые меры обеспечат сторонам уголовного процесса доступ к объективному материалу, который может быть использован в качестве доказательства на последующих стадиях процесса.

Фотосъемка при проведении освидетельствования участников уголовного судопроизводства является необходимым инструментом для документирования обнаруженных повреждений и следов преступления на их теле. Эти повреждения могут быть представлены в виде ран, кровоподтеков, синяков, а также особых анатомических признаков, таких как шрамы, родимые пятна и татуировки.

Перед проведением освидетельствования лицо, в отношении которого проводится

процедура, фотографируется согласно правилам опознавательной съемки. В случае, если освидетельствование требует обнажения лица, фотографирование и видеозапись проводятся только при наличии согласия освидетельствуемого.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе анализа практики предлагается следующий алгоритм привлечения медицинского специалиста к освидетельствованию:

- следователь выносит постановление об освидетельствовании (ст. 179 УПК РФ);

- специалисту разъясняются права и обязанности по ст. 58 УПК РФ.

- перед началом процедуры специалист участвует в инструктаже: определяет необходимость полного или частичного обнажения.

- В ходе освидетельствования специалист указывает следователю на локализацию и характер повреждений, дает рекомендации по способам фиксации (измерение, фотосъемка с масштабной линейкой);

- специалист помогает составить протокол, обеспечивая медицински корректное описание. По окончании специалист дает письменное пояснение, прилагаемое к протоколу.

Дополнительным способом использования медицинских знаний при производстве отдельных следственных действий выступает

Уголовно-правовые науки

такое действие как допрос эксперта. К нему прибегают в случаях, когда полученное заключение вызывает определенные трудности в его понимании. В таком случае допрос эксперта может быть полезен для получения более детальной информации о проведенных исследованиях, методах и примененных технологиях, а также для выяснения возможных ошибок или проблем, которые могли возникнуть в ходе экспертизы. Во время допроса эксперта следователи могут задавать вопросы, касающиеся конкретных аспектов экспертизы, запросить объяснения сложных технических терминов или процедур, а также уточнить детали процесса экспертизы. Однако законодатель запрещает допрашивать эксперта, если нужны дополнительные сведения, связанные с уже полученным заключением, так как допрос не должен подменять собой исследование. В таких случаях требуется назначить дополнительную судебную экспертизу.

Эксперту запрещено задавать вопросы о сведениях, которые он получил в процессе проведения экспертизы, если эти сведения не относятся к предмету рассмотренной судебной экспертизы. Такой подход обоснован и объясняется несколькими факторами.

Во-первых, эксперт является независимым и объективным специалистом, цель которого - предоставить суду научное мнение

по вопросам, связанным с предметом экспертизы. Задавая вопросы о сведениях, не относящихся к этому предмету, следователи могут сместить акцент и влиять на результаты экспертизы.

Во-вторых, вопросы о сведениях, полученных экспертом, могут нарушить принцип конфиденциальности и неприкосновенности экспертной информации. Это может подорвать доверие к эксперту и привести к сомнениям в обоснованности его заключения.

Тем не менее, если следователю требуется уточнение или пояснение по сложной медицинской терминологии или другим важным аспектам, он может запросить у эксперта дополнительные объяснения. Это не является нарушением указанных правил и служит цели достижения справедливого и объективного рассмотрения дела.

В качестве иллюстрации использования допроса эксперта в целях устранения неясностей, неточностей данного им заключения можно привести уголовное дело возбужденное, по основаниям, предусмотренным п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ: Виновный Р. в ходе конфликта с Потерпевшей Н., плоскогубцами причинил последней телесные повреждения в виде рваной раны с дефектом верхнего края ушной раковины, которая согласно критериям относится к обезображиванию лица, на основании общепринятых

Уголовно-правовые науки

эстетических представлений о человеческом облике.

В ходе осуществления предварительного расследования, следователем была назначена судебно-медицинская экспертиза, в целях определения тяжести вреда здоровью, а также установлении неизгладимости телесных повреждений. Заключение эксперта было установлено, что рваная рана с дефектом верхнего края правой ушной раковины расценивается как легкий вред здоровью, однако является неизгладимым телесным повреждением. В результате чего в целях уточнения квалификации совершенного деяния возникла необходимость в проведении дополнительных следственных действий в виде допроса эксперта. Данное обстоятельство было вызвано тем, что результатом экспертизы не было установлено, относится ли ушная раковина к лицевой части головы, так как квалифицирующим признаком тяжкого вреда здоровью в данной ситуации является именно неизгладимое обезображивание лица. В ходе проведения допроса экспертом было дано разъяснение, согласно которому при данных обстоятельствах повреждения ушной раковины повлекли за собой обезображивание лица.

В соответствии с ч. 1 ст. 168 УПК РФ, следователь имеет право пригласить специалиста для участия в следственном действии. В практической деятельности очная ставка, проводимая совместно с

судебно-медицинским экспертом в качестве специалиста, является редким явлением. Мы считаем, что участие специалиста в очных ставках могло бы принести положительные результаты в определении механизма нанесения телесных повреждений.

Эксперт, обладающий специальными знаниями в области медицины и физиологии, может задавать дополнительные вопросы и проводить уточнения, которые помогут разрешить противоречия в показаниях участников очной ставки. Однако следует отметить, что решение о привлечении специалиста к участию в следственном действии принимается следователем. Это зависит от конкретной ситуации и не является обязательным требованием. Не всегда необходимо привлекать специалиста для проведения очной ставки.

Путем проведения исследований и анализа опыта использования медицинских знаний в правоприменительной деятельности, следует более подробно выработать процедуру сотрудничества следователя (дознателя) с медицинским специалистом не только при проверке сообщений о преступлениях против личности, но и при последующем расследовании.

Применение медицинских знаний на первоначальных стадиях расследования преступлений против личности помогает установить ряд важных фактов, которые требуют доказательства. Совместное

Уголовно-правовые науки

проведение отдельных следственных действий (осмотр места происшествия, допрос, освидетельствование, проверка показаний на месте), с участием специалиста в области судебной медицины, вызывает организационные трудности. В настоящее время помощь специалиста в области судебной медицины при проведении отдельных следственных действий при расследовании преступлений против личности используется недостаточно. В связи с чем следователь и специалист должны поддерживать доверительные отношения и обеспечивать профессиональное взаимодействие в целях эффективного расследования различного рода преступлений.

На первоначальном этапе расследования многие следователи (дознаватели) обычно не прибегают к сотрудничеству со специалистами по судебной медицине при разработке плана следственных действий по различным причинам. Недостаточное использование медицинских знаний на последующих этапах расследования преступлений против личности также является проблемой. Это может неблагоприятно сказаться на результатах расследования.

Применение медицинских знаний при производстве отдельных следственных действий необходимо рассматривать через совместную деятельность лица, осуществляющего предварительное расследование, со специалистом на всех этапах следствия.

Поэтому, при рассмотрении вопроса о привлечении специалиста по судебной медицине, следователям следует учитывать важность использования медицинских знаний на всех этапах расследования. Это поможет обеспечить объективное и точное установление событий и принятие правильных решений в уголовном деле. Сотрудничество с медицинскими экспертами также может быть особенно полезным при подготовке к проведению допроса и очной ставки, где объективное и точное определение фактов является критически важным. Данное обстоятельство еще раз указывает на необходимость в разработке дополнительных алгоритмов взаимодействий между следователями (дознавателями) и специалистами (экспертами) судебно-медицинских учреждений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффективность использования медицинских знаний при производстве следственных действий прямо зависит от уровня профессиональной коммуникации следователя и специалиста, что требует разработки стандартов взаимодействия. Наиболее востребованными следственными действиями с участием медицинского специалиста остаются осмотр места происшествия и освидетельствование, однако потенциал участия специалиста в очных ставках и проверке показаний на месте используется недостаточно. Допрос эксперта является эффективным способом устранения

Уголовно-правовые науки

неясностей заключения, но не регламент взаимодействия должен подменять дополнительную следователя с судебно-экспертизу. Рекомендовано МВД медицинскими учреждениями на России и Следственному комитету всех этапах расследования разработать и внедрить типовой преступлений против личности.

Список литературы:

1. Философская методология в медицине : Учебное пособие / Е. Н. Песоцкая, Л. А. Белова, Ю. А. Макарова, А. С. Усенко. – Саранск : Эпомен, 2025. – 296 с. – ISBN 978-5-00179-709-8. – EDN BGBRCР.
2. Грицаев, С. И. Организация расследования преступлений с использованием современных технологий / С. И. Грицаев, С. Г. Степаненко, Д. В. Шевель // Полицейская и следственная деятельность. – 2022. – № 3. – С. 1-7. – DOI 10.25136/2409-7810.2022.3.38479. – EDN COXNEC.
3. Каунов, А. М. Формы специальных знаний, используемых в раскрытии и расследовании криминальных банкротств / А. М. Каунов, А. С. Усенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 1(59). – С. 50-55. – EDN LINDKM.
4. Человекоцентризация медицины: базовые подходы и основания / Е. Н. Песоцкая, А. С. Усенко, Л. А. Белова, Ю. А. Макарова. – Саранск : ООО "Эпомен", 2025. – 312 с. – ISBN 978-5-00179-654-1. – EDN MTMPCK.
5. Меретуков, Г. М. Криминалистическая деятельность следователя по работе с документами и предметами в ходе их осмотра / Г. М. Меретуков, И. С. Чирьев // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 340-342. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_340. – EDN EITANL.
6. Мамоев, Д. Д. Выявление и допрос свидетелей при расследовании изнасилований / Д. Д. Мамоев, В. В. Фролов // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : Сборник статей по материалам 76-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2020 год. В 3-х частях, Краснодар, 10–30 марта 2021 года / Отв. за выпуск А.Г. Кощев. Том Часть 3. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2021. – С. 310-313. – EDN BZKGRT.
7. Зеленский, В. Д. Организация расследования преступлений: основные положения : Серия Библиотека криминалиста / В. Д. Зеленский. – Москва : Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. – 160 с. – ISBN 978-5-605-31748-7. – EDN XWNBVE.
8. Меретуков, Г. М. Использование результатов ОРД в методике изучения и оценки оперативной обстановки / Г. М. Меретуков // Точки научного роста: на старте десятилетия науки и технологии : Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2022 г., Краснодар, 12 мая 2023 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2023. – С. 922-924. – EDN FMPAPK.

Уголовно-правовые науки

References:

1. Philosophical methodology in medicine : A textbook / E. N. Pesotskaya, L. A. Belova, Yu. A. Makarova, A. S. Usenko. – Saransk : Epomen, 2025. – 296 p. – ISBN 978-5-00179-709-8. – EDN BGBRCP.
2. Gritsaev, S. I. Organization of crime investigation using modern technologies / S. I. Gritsaev, S. G. Stepanenko, D. V. Shevel // Police and investigative activities. – 2022. – No. 3. – pp. 1-7. – DOI 10.25136/2409-7810.2022.3.38479. – EDN COXNEC.
3. Kaunov, A.M. Forms of special knowledge used in the disclosure and investigation of criminal bankruptcies / A.M. Kaunov, A. S. Usenko // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1(59). – Pp. 50-55. – EDN LINDKM.
4. Human concentration of medicine: basic approaches and foundations / E. N. Pesotskaya, A. S. Usenko, L. A. Belova, Yu. A. Makarova. – Saransk : Epomen LLC, 2025. – 312 p. – ISBN 978-5-00179-654-1. – EDN MTMPCK.
5. Meretukov, G. M. Criminalistic activity of an investigator working with documents and objects during their inspection / G. M. Meretukov, I. S. Chiryev // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 5(233). – Pp. 340-342. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_340. – EDN EITAH.
6. Mamoev, D. D. Identification and interrogation of witnesses in the investigation of rapes / D. D. Mamoev, V. V. Frolov // Scientific support of the agro-industrial complex : A collection of articles based on the materials of the 76th scientific and practical conference of students on the results of research for 2020. In 3 parts, Krasnodar, March 10-30, 2021 / Editor-in-chief A.G. Koshchayev. Volume Part 3. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, 2021. pp. 310-313. EDN BZKGRT.
7. Zelensky, V. D. Organization of crime investigation: main provisions : Criminalist's Library series / V. D. Zelensky. Moscow : Yurlitinform Publishing House, 2025. 160 p. ISBN 978-5-605-31748-7. EDN XWNBVE.
8. Meretukov, G. M. The use of ORD results in the methodology of studying and assessing the operational situation / G. M. Meretukov // Points of scientific growth: at the start of the decade of science and technology : Proceedings of the annual scientific and practical conference of teachers on the results of research for 2022, Krasnodar, May 12, 2023. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, 2023. pp. 922-924. EDN FMPAPK.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Никита Валерьевич, студент; Кубанский государственный университет; г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Shevchenko Nikita Valerievich, student; Kuban State University; Krasnodar, Russia

Материал поступил в редакцию: 21 мая 2026 г.

Статья получена после рецензирования: 13 июня 2026 г.

Конфликт интересов: отсутствует

Рецензия: все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

© 2026, ООО «Эпомен»

© 2026, Шевченко Н. В.